

"Последний свидетель"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Сергей Гайдуков (Кирилл Казанцев)

Последний свидетель

Стадия первая:

Живой или мертвый

1

Около полудня большая темная туча нависла над Голубой мечетью, а порывы холодного ветра с моря вмиг очистили улицы древнего города, тем более что несли с собой липкие хлопья мокрого снега. Погода свирепствовала минут сорок, не больше, потом наступил краткий момент тишины, а затем обычный городской гул снова взметнулся вверх, заполняя собой все пространство вокруг, вплоть до самых узеньких переулков Стамбула.

Бондарев вылез из такси на европейском берегу Босфора и медленно пошел по набережной, поглядывая на притихшее, но все же тревожно-темное море. Уличных торговцев согнал с мест краткосрочный шквал, и они пока не торопились возвращаться обратно — так что никто не задержал Бондарева на пути к небольшому рыбному ресторану, где была назначена встреча. Ресторан был не из тех жемчужин района Ортакей, куда целенаправленно привлекают туристов и потчуют их дозированным коктейлем азиатской экзотики и европейского сервиса. Это было небольшое заведение в полуподвале старого каменного здания, вывеска на котором не была продублирована на английском. Да и саму эту древнюю доску с кое-как нацарапанным названием ресторана трудно было считать полноценной вывеской. Если бы Бондарев был чуть более подозрителен, он бы мог подумать, что этот подвал наскоро подготовили именно для сегодняшней встречи.

Бондарев спустился на пять древних ступенек и толкнул тяжелую дверь.

Его ждали. Не то чтобы внутри висели приветственные плакаты или стояла группа встречающих, нет, даже наоборот — никто и не пошевелился, когда Бондарев переступил порог ресторана. Ни двое парней в кожаных куртках, которые сосредоточенно резались в нарды. Ни хозяин ресторана, который столь же сосредоточенно что-то подсчитывал на калькуляторе, сидя за соседним столиком.

Бондарев выбрал место поближе к двери, сел, расстегнул куртку. Президент Ататюрк сурово смотрел на него с портрета на стене. Хозяин ресторана пару раз стукнул по клавишам калькулятора и посмотрел на Бондарева. Смысл этого взгляда можно было расшифровать как «Надеюсь, вы ничего не будете заказывать?».

— Один кофе, — сказал Бондарев на средней паршивости английском. Хозяин вздохнул, повернулся в сторону кухни и громко продублировал заказ. Парни играли в нарды и думали, что быстрый оценивающий взгляд одного из них остался Бондаревым не замечен.

Хозяин лично поставил перед Бондаревым чашку с кофе, Бондарев в ответ зашуршал толстой пачкой турецких лир, которых чуть ли не килограмм полагался в оплату этой самой чашки. Между купюрами случайно завалялась визитка, сейчас она случайно упала на стол, и хозяин ресторана вынужденно покосился на прямоугольный кусок белого картона.

— Это я, — дружелюбно сказал Бондарев и постучал по визитке.

— Смит, — с трудом прочитал хозяин.

— Вот именно, — сказал Бондарев. — Джеймс Смит. Это я.

Хозяин презрительно качнул тяжелым щетинистым подбородком, будто бы фамилия Смит была слишком плебейской для этого прибежища аристократов, где ежевечерне собираются какие-нибудь Фицсиммонсы или Хаусхофферы. Однако деньги у Бондарева, несмотря на его непритязательную фамилию, он все же взял.

Бондарев едва пригубил горячий и дьявольски ароматный кофе, как вдруг оказался не один за своим столиком. Парень в кожаной куртке уже не играл в нарды и не сидел к Бондареву спиной. Он сидел к нему лицом, и, судя по шраму над правой бровью, парня звали Мурад.

— Это вы мистер Смит? — спросил он по-английски.

— Это я, — ответил Бондарев. — А это вы Мурад?

Парень молча кивнул.

— Это хорошо, — улыбнулся Бондарев и стал пить кофе.

Парень некоторое время молча наблюдал за ним, а потом не без труда составил из английских слов еще одну конструкцию:

— Вы можете мне сказать...

— Да, — согласился Бондарев.

— Вы можете мне сказать имя...

— Да, — сказал Бондарев.

— Тогда скажите. Потому что я хочу знать.

— Очень хорошо, — сказал Бондарев и отставил в сторону пустую чашку. — Я могу вам сказать. Но сначала я хочу поговорить о деньгах. Понимаете? Это важная информация, она стоит денег. Понимаете? Я специально приехал сюда, потратил свои деньги, потратил свое время. Мне нужна компенсация, понимаете?

Бондарев говорил медленно, чтобы турок все понял. Судя по выражению его лица, Мурад понял.

— Компенсация, — повторил он. — Деньги.

— Вот именно.

— Сколько вы хотите?

Бондарев изобразил глубокую задумчивость. Тут нужно было попасть в десятку — то есть назвать сумму, приемлемую для турка, но не настолько низкую, чтобы турок засомневался в ценности информации.

— Пять тысяч, — сказал Бондарев. — Пять тысяч американских долларов. Старые добрые зеленые деньги.

— Слишком много, — сказал турок.

— Нет, это не много, — возразил Бондарев и недовольно поморщился, однако под взглядом Ататюрка с портрета быстро оттаял. — Но я понимаю, что для вас это... Это в некотором роде личное дело. Семейное дело.

— Он был моим братом, — сухо ответил Мурад.

— Да, — Бондарев кивнул, показывая, как он ценит родственные связи в местной культуре. Он оценил родственные связи в пятьсот долларов. — Четыре пятьсот.

— Четыре, — сказал Мурад.

— Ох, — сокрушенно вздохнул Бондарев. — Четыре... Не очень хорошая цифра. Но я уважаю значение родственных связей в вашей традиционной культуре.

— Что? — переспросил турок.

— Хорошо, четыре, — сказал Бондарев.

2

Все меняется в этом мире, но кое-что и остается неизменным. Директору было странно сознавать, что этим неизменным компонентом в Зале Трех остается он сам.

Часы показывали двадцать один пятьдесят три, когда Директор вступил в подземный коридор — один из трех коридоров, которые вели в Зал. Телохранитель также спустился вниз, но, сделав пару шагов, повернулся спиной к стене, чтобы держать в поле зрения оба направления, и замер. Директор продолжил свой путь в одиночестве, вскоре превратившись для своего телохранителя в темную, уменьшающуюся в размерах фигуру неопределенных очертаний. Телохранителям тоже было свойственно время от времени меняться, а Директор был один и тот же — сутулый мужчина лет пятидесяти с небольшим, чуть более полный, чем ему самому бы хотелось, с чуть более редкими волосами, чем ему бы, опять же, хотелось. С торопливой походкой, от которой полы черного плаща развевались то ли как кавалерийская бурка, то ли как крылья экспериментального летательного аппарата. За семь минут Директор успешно преодолел подземный коридор, выстроенный некогда как часть московской системы защиты правительственных учреждений от ядерного удара, и остановился перед стальной дверью.

Сканер благополучно опознал рисунок сетчатки глаза, Директор отстучал на панели набор из семи цифр и подождал, пока дверь неторопливо и солидно отъедет в сторону. Потом он вошел в Зал Трех — так же как входил сюда несколько десятков раз до этого.

Директор сбросил плащ на поручень кресла — и в этот момент открылись две другие двери. Трое были в сборе, и двери за их спинами одновременно закрылись.

Оба вошедших были моложе Директора, но ненамного. Один был статным широкоплечим брюнетом в темном костюме. Мощная нижняя челюсть брюнета заявляла о его настойчивости и жесткости, а налет седины на висках лишь прибавлял импозантности облику. Второй был среднего роста шатеном с усталым продолговатым лицом, и он предпочел еще за стенами Зала снять пиджак, галстук и расстегнуть ворот рубашки. Президент не любил костюмы, и Директор об этом знал.

Брюнет — недавно назначенный министр внутренних дел — стоял по стойке «смирно» и ожидал каких-то формальных приветствий, но их не было, потому что так было принято в Зале Трех. Директор уже сел. Президент тоже, и министр с некоторой заминкой последовал их

примеру. Следуя привычке, министр тут же вытащил нечто вроде ежедневника и приготовился записывать — еще одна оплошность, так как здесь не принято было вести записи. Министру это было простительно, поскольку он был первый раз.

Министры менялись, а Директор был один и тот же. И он подождал, пока Президент заметит прокол министра и сделает ему знак — убери.

— Итак, — сказал Президент. — Сегодня у нас новый человек... — Он показал на министра. Директор коротко кивнул. — И нам надо рассмотреть текущие вопросы.

Директор снова кивнул.

— Два, — сказал Президент.

— Четыре, — поправил Директор.

— Э-э... С моей стороны? С моей стороны имеется три вопроса для обсуждения, — отрапортовал министр.

— Очень хорошо, — сказал Президент, и Директору вспомнилось, что недавно в какой-то газете усталый взгляд Президента сравнили со взглядом охотничьей собаки, которая прыгнула, но не поймала дичь. Директору не впервой было видеть такой взгляд, и дело тут было даже не в том, что и президенты менялись, а Директор оставался. Иногда похожий взгляд Директор видел в зеркале. Чем больше знаешь, тем меньше у тебя поводов для веселья и оптимизма. У нынешнего Президента это был второй срок, так что знал он достаточно много.

— С кого начнем? — традиционно спросил Президент и получил традиционное согласие Директора на свое первенство. — Я начну... — сказал Президент, и усталость в его глазах сменилась на жесткость. — Как и в прошлый раз, я начну с господина Крестинского.

— Это уже ваш двенадцатый запрос, — Директор произнес это в пространство, ни на кого не глядя.

— По моим данным, господин Крестинский в прошлом месяце передал исламским террористическим группировкам полмиллиона долларов, — сухо произнес Президент.

— Шестьсот двадцать тысяч, — уточнил Директор.

— Он организовал переброску в Чечню отряда наемников, в составе которого был оператор канадского телевидения. Чтобы потом настругать фильмов о героическом сопротивлении борцов за веру и...

— Я в курсе, — сказал Директор, и министр вздрогнул от этих его слов, сказанных наперебой словам Президента. — Я в курсе, и я против, как и при двенадцати ваших предыдущих запросах.

— Его деятельность выходит за пределы моего терпения, — сказал Президент. — И это не просто личная месть, как вам может показаться...

— Я знаю, что это не личная месть. А вы знаете мои аргументы против ликвидации Крестинского, я их уже приводил. Сегодня я добавлю к ним еще один — в ближайшее время Крестинский будет занят другими проблемами. Они у него возникнут.

— Это не решение вопроса, — после паузы сказал Президент.

— Это не решение, — согласился Директор. — Над решением мы работаем.

— А вот эти его проблемы?.. Можно поподробнее?

— Нет.

— Тогда при нашей личной встрече?

Министр сделал вид, как будто его здесь нет. Директор вздохнул:

— Нет.

Министр очнулся от спячки и преданно посмотрел на Президента, готовый возмутиться, если понадобится.

Президент исподлобья посмотрел на Директора — Директор развел руками. Тот опыт общения с президентами, который имелся у Директора, говорил о следующем генезисе президентских запросов. Сначала они осторожничают, словно не верят, что Директор и его люди *действительно* готовы сделать *такие* вещи. Директору на этой стадии приходится буквально уговаривать их принять нужное решение. А потом они входят во вкус, и Директору уже приходится сдерживать их возросшие аппетиты. Под конец срока к президентам приходит какая-никакая мудрость и их пожелания становятся разумными и сбалансированными.

Этот Президент формально находился на третьей стадии, и в целом его запросы были разумны. За исключением Крестинского. Это было что-то вроде идеи фикс, что-то вроде Карфагена, который непременно должен быть разрушен.

— Значит, — медленно проговорил Президент, — вы хотите, чтобы он сидел себе в Аргентине и как ни в чем не бывало вел подрывную деятельность против России... и против меня лично? Вы этого хотите?

Министр, наверное, поежился от этого тона, но Директор был здесь не для того, чтобы ежиться.

— Я бы уточнил, что подрывную деятельность господин Крестинский ведет не только против вас... Он ее ведет против всех. Против всего мира вообще.

— Ладно, голосуем. Крестинский. Я — за.

— Я тоже, — быстро сказал министр.

— Я против, — сказал Директор.

— Решение не принято, — констатировал Президент. — В двенадцатый раз. И меня это не радует.

— Давайте перейдем ко второму пункту, — предложил Директор. Он-то знал, что по поводу Крестинского Президент может говорить бесконечно — как больной про свою хроническую и поэтому практически родную ему болезнь.

Мурад медленно запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил оттуда туго стянутую резинкой долларовую «бомбу».

— Это деньги, — сказал он с гордостью.

— Я вижу, — сказал Бондарев.

— Теперь — вы.

Бондарев так же медленно вытащил из кармана фотографию и положил ее на стол изображением вниз. Мурад уставился на белый прямоугольник обратной стороны снимка, как будто хотел взглядом, как рентгеном, просветить его насквозь.

— Вот этот человек, — Бондарев понизил голос. — Я знаю, что он работает на ваше правительство. Он офицер разведки. Или был раньше офицером разведки. Его зовут Акмаль.

— Это точно он? — спросил Мурад, а его пальцы уже нетерпеливо подрагивали на свернутых купюрах; ему хотелось поскорее швырнуть Бондареву деньги и перевернуть снимок.

— Это он, — сказал Бондарев. — Абсолютно точно. Он велел убить твоего брата.

И Бондарев схватил брошенные в его сторону деньги. А Мурад перевернул снимок и внимательно взгляделся в запечатленное там лицо.

— Да, — сказал он несколько секунд спустя. — Да, это он.

Бондарев еще не успел переварить эту реплику — откуда Мураду было знать — он, не он? — как со стороны кухни послышалось:

— Это я?

И тут главное было не дергаться, потому что дергаться было поздно. Со стороны кухни, минуя прикинувшегося предметом интерьера хозяина, мягкой походкой к Бондареву шел человек, фотографию которого Бондарев только что продал Мураду за четыре тысячи долларов. То есть почти продал. Деньги лежали перед Бондаревым, но радости они уже не могли принести.

Впрочем, тут с самого начала дело было не в деньгах.

4

Дальше встреча покатила как по накатанной колее. Министр почтительно помалкивал, пытаясь понять правила той игры, которую ему сегодня демонстрировали. Пожалуй, он был даже слишком почтителен, не стараясь по-настоящему вникнуть в суть тех четырех дел, которые немногословно изложил Директор. Министр просто присоединился к мнению Президента, а Президент был достаточно искушен в этой процедуре, чтобы знать — Директор не будет просить лишнего. Все четыре его предложения были одобрены. Второе предложение Президента тоже прошло, после чего наступил черед министра.

Он говорил осторожно, искоса поглядывая на Директора, а в сторону Президента стараясь не смотреть. Сначала министр рассказал о том, что в Румынии объявился бывший главарь челябинской банды, которая в девяностых года три беспредельничала на дорогах, мимоходом порешив с три десятка человек и опустошив немереное количество фур. Костяк банды уже давно переместился или на кладбище, или на нары, а вот главарь вовремя дал деру и теперь

вроде бы всплыл в Бухаресте под чужим именем. Можно было начать юридическую канитель и попытаться вытащить гада на родину через прокурорский запрос, но разбирательство грозило затянуться на пару лет. За это время главарь успел бы исчезнуть не только из Румынии, но и из Европы. У министра с собой была пухлая папка с документами, но Директор не стал ее смотреть — он помнил эту историю. Поэтому он просто спросил:

— Живой или мертвый?

Министр на миг задумался, стал было поворачивать голову в сторону Президента, но потом решительно ответил:

— Мертвый.

Директор кивнул. Министр молча смотрел на него, будто ожидая еще каких-то слов или пояснений. Но Директору было нечего добавлять. Мертвый так мертвый.

— Дальше, — сказал Директор.

— Дальше... — вздохнул министр и все-таки посмотрел на Президента. Тот кивнул, словно подтверждая некое заранее достигнутое соглашение.

— Видите ли, — начал Президент. — Это немного не в наших правилах...

«Начало обнадеживает», — подумал Директор без раздражения и удивления. Ему уже приходилось слышать такие фразы.

— В принципе, эту проблему должны были решать люди... — Президент показал на министра, и тот согласно кивнул. — Но есть ряд обстоятельств...

— Рассказывайте, — просто сказал Директор, чувствуя себя кем-то вроде старого ювелира, которому принесли сомнительного происхождения ожерелье, и теперь он должен определить его истинную цену.

К счастью, министр излагал факты четко и быстро. Директор не успел устать от его рассказа.

— С нашими ресурсами там делать нечего, — завершил свою краткую речь министр.

— Да уж, — сделал первый вывод Директор и попытался привычно качнуться на стуле, однако уперся лопатками в высокую негнущуюся спинку. — Эту проблему должны были решать ваши люди. Раз уж они сами ее создали.

— Никто же не предпо... — развел руками министр, но Директор прервал его:

— Данные.

Министр положил на стол папку и толкнул ее в направлении Директора. Тот подтащил к себе эту сшитую папку бумаг и неохотно перелистал первые страницы. Теперь ему это не понравилось еще больше.

— Это, — сказал Директор и постучал пальцем по обложке папки, — ваша ошибка. Все это — ваша ошибка.

Министр хотел было что-то ответить, но взгляд Президента заставил его отказаться от этой затеи.

Директор перевернул еще страницу. И на какой-то миг пальцы его замерли в воздухе, а зрачки остекленели. Но никто этого не заметил.

Директор захлопнул папку, выдержал паузу и спросил:

— Живой или мертвый?

— Живой, — сказал министр. — Обязательно живой.

— Ладно, — сказал Директор, уже заранее представляя, как некоторое время спустя он будет с сожалением сообщать министру, что его последнее пожелание выполнить не удалось.

Мертвый. Непременно мертвый.

5

Хозяин ресторана осторожно переместился в угол и постарался принять такой вид, будто бы ничего особенного в его заведении не происходит. У него это хорошо получилось.

Акмаль взял фотографию и внимательно посмотрел на свое изображение.

— Четыре тысячи, — сказал Акмаль, в то время как чьи-то ловкие руки появились у Бондарева из-за спины и принялись проворно его обыскивать. — Странная сумма. С одной стороны, это слишком дорого за кусок бумаги. С другой стороны...

Он посмотрел на человека, который стоял у Бондарева за спиной, получил от него безмолвную гарантию безопасности и сел напротив Бондарева, рядом с Мурадом.

— С другой стороны, — продолжил он, — если это часть какой-то хитрой игры, то это чертовски дешево.

— Никаких игр, — сказал Бондарев. — Чистый бизнес.

Он подумал об удобном расположении ресторана рядом с набережной. Как стемнеет — все концы в воду. Дешево и сердито.

Тем временем Акмаль пристально его разглядывал, ожидая увидеть беспокойство, страх или неуверенность. Бондарев даже подумал о том, чтобы оправдать его ожидания, но тут из кухни появился еще один парень. Он встал в паре шагов от стола, за которым сидели Бондарев и Акмаль с Мурадом. Бондарев решил обойтись без театра.

— Не думаю, что это бизнес, — сказал Акмаль. — И не думаю, что тебя зовут Смит.

— Имеете право, — Бондарев слегка развел руками. — Имеете право думать. — Его руки вернулись на поверхность стола, но кисти уже лежали чуть ближе одна к другой.

— Это могут быть личные счета, — продолжал говорить Акмаль. — Или это может быть поручение какой-то спецслужбы... Так или иначе, ты повел себя трусливо. Ты не решился сделать работу сам, ты попытался сделать ее руками другого человека, запудрив ему мозги. Ты использовал память о погибшем брате. Это отвратительно.

Мурад сурово насупил брови.

— Как всегда, — сказал Бондарев.

— Что? — не понял Акмаль.

— Отвратительная и грязная работа. Такой она всегда была, есть и будет...

— Что ты...

Акмаль торжествующе вскрикнул и схватил Бондарева за руку. Тут же Бондарева схватили сзади за плечи и прижали к спинке стула, Акмаль отдал команду по-турецки, и с запястья Бондарева быстро сняли часы.

— Сигнал твоим друзьям? — ухмыльнулся Акмаль. — Хотел подать сигнал?

Раз.

— Видишь? — это Акмаль повернулся к Мураду. — Видишь, что это за человек?

Два.

— У них целая банда. Наверное, это они и убили твоего брата. Так, да? — Это он уже спрашивал у Бондарева.

Три.

Акмаль подержал бондаревские часы на ладони и потом отдал их одному из своих парней. Его улыбка лучилась торжеством победителя.

Четыре.

— Твои друзья тебе теперь не помогут... — продолжал нести ахинею победителя Акмаль.

— У меня нет друзей, — сказал Бондарев. — Я один.

Акмаль на миг задумался, но в этот момент наступило ПЯТЬ.

6

В начале первого Директор был дома. Он зажег свет во всех комнатах своей большой квартиры, включил три из пяти телевизоров: круглосуточный информационный канал, «Дискавери» и спортивный. Теперь из разных комнат раздавались разные голоса, и можно было даже подумать, что Директор дома не один.

Так и не сняв ботинок, он прошел на кухню, вытащил из шкафа начатую бутылку коньяка и сделал себе большой бутерброд по собственному рецепту «Кошмар диетолога»: один толстый ломоть белого хлеба смазывается майонезом, другой, такой же — кетчупом, между ними кладется ломоть ветчины, сыр, порезанные соленые огурцы бочкового засола...

Но не сработало. Директор отложил бутерброд, аккуратно вытер губы, заткнул пробкой бутылку. Некоторое время он смотрел на экран телевизора, где антилопы панически спасались бегством от поджарого льва, который явно подкачался перед съемкой...

Минуту спустя картины дикой природы уже не существовало, на экране телевизора как будто пульсировала бессмысленная заставка, набор цветных точек. Директор вздохнул, встал с табурета и прошел в комнату, где по телевизору транслировались новости. Это его тоже не заинтересовало. Директор подошел к стеллажу с книгами, привстал на цыпочки и не без труда

достал с верхней полки книгу, которая на самом деле оказалась фотоальбомом.

Директор еще несколько секунд просто держал альбом в руках, не раскрывая. Но затем он снова вздохнул — признавая, как слаб человек вообще и он, Директор, в частности.

Он раскрыл альбом и осторожно пролистал несколько страниц, пока не нашел то, что хотел.

Голова Директора дернулась назад, как будто он боялся, что фотография ударит его. Потом провел ладонью по гляncy снимка и внезапно подмигнул ему.

И в этот момент судьба одного человека была решена. Судьба другого человека была решена еще раньше. Просто с этой ночи два этих решения становились одним, а две судьбы сцеплялись намертво связью прочнее, чем стальная цепь.

7

А когда наступило ПЯТЬ, то случилось то, что и должно было случиться.

Турок, только что державший в руках часы Бондарева, теперь истошно вопил, тряся обручком руки и заливая окружающее пространство кровью.

Акмаль держался за левую сторону лица — было непонятно, насколько сильно ему досталось, но досталось ему достаточно, чтобы он на несколько секунд полностью был занят своей болью и ничем иным.

Хозяин ресторана чуть сполз со стула, готовясь в случае необходимости рухнуть на пол.

Мурад, который остался невредим, испуганно вращал зрачками, пытаясь понять, что происходит.

А происходило то, что обычно и происходит, когда снимаешь с руки взрывное устройство, не нажав при этом блокирующую кнопку. Ты просто медленно считаешь до пяти, а потом стараешься использовать преимущества того, что ты к взрыву готов, а остальные нет.

Бондаревские часы относились к типу устройств, которые не должны разнести все вокруг, а должны произвести ошеломляющее и отвлекающее воздействие. Таким образом, они делают половину дела, а вторая половина оставалась уже чисто бондаревской заботой.

Горячая волна воздуха толкнула его, как и остальных, и одновременно с этой волной Бондарев толкнулся сам, ударив спинкой стула турка, который стоял позади. Рука ушла вверх и назад, вошла ошеломленному турку под подбородок. Хруста не было слышно, но Бондарев знал, что удар достиг своей цели.

Он свалился со стула вбок, встретился на полу с оседающим турком, вырвал у него из наплечной кобуры пистолет и вот так, с пола, выстрелил Акмалью в колено. Потом — в чьи-то еще ноги. И еще раз — на звук. Турок с оторванной кистью грохнулся сам — видимо, от болевого шока.

Оставалось произвести контрольные выстрелы и таким образом окончательно завершить эту неконструктивную встречу. У Бондарева ушло на это пять секунд. Пятая секунда была посвящена персонально Акмалью, который изумленно таранился на Бондарева уцелевшим глазом, не веря, что его работа сегодня повернулась своей грязной и отвратительной стороной именно к нему самому, а не к Бондареву. Потом Бондарев нажал на курок, и Акмаль перестал о

чем-либо думать.

Мурад был забрызган чужой кровью, но невредим. Он оставался таким еще несколько мгновений.

— Зря ты мне не поверил, — сказал Бондарев, целясь Мураду в лоб. — Я иногда вру, но на этот раз я говорил чистую правду. Твоего брата убил он. А ты пошел к нему и заложил меня. Разве это правильно?

Из Мурада полились английские слова вперемешку с быстрой турецкой речью; что-то насчет того, что Акмаль большой человек, и Мурад хотел таким образом оказать услугу большому человеку.... Что-то насчет того, что брату уже не поможешь, а самому надо как-то жить...

Впрочем, все это было уже неважно. Секунду спустя Мурад замолчал, а Бондарев опустил пистолет. В углу осторожно кашлянул хозяин ресторана.

Бондарев с интересом посмотрел в его сторону. В ответ на него посмотрело дуло «ремингтона», невесть откуда взявшееся в руках пожилого турка.

— Хорошо ты с ними управился, — сказал тот на вполне сносном английском. — Брось-ка мне те четыре штуки. Ты пришел и ушел, а мне тут прибираться.

Бондарев подумал, что это логично, и швырнул хозяину ресторана забрызганные кровью деньги. Тот поймал их левой рукой. Дуло «ремингтона» не опустилось.

— Выходи вон туда, — сказал турок, кивнув в сторону кухни. — Не бойся, стрелять в спину не буду. Это у меня для самозащиты. Много вас тут ходит. Разные люди встречаются.

Бондарев в знак согласия кивнул. Не сводя глаз с хозяина ресторана, он двинулся в сторону кухни.

— Стой, — сказал вдруг турок. — Хочу спросить.

— Ну, — сказал Бондарев, потирая указательным пальцем спусковой крючок.

— Тебе работа нужна?

— Работа?

— Я видел, как ты сделал этих ребят. У тебя есть квалификация. Я знаю людей, которым нужны такие, как ты. Парни с квалификацией.

Это уже становилось интересным.

— Что за люди? — поинтересовался Бондарев.

— Хорошие люди. Богатые люди. Тебе понравится.

— Хм, — сказал Бондарев.

Неделю спустя Бондарев оказался заместителем начальника службы безопасности крупного среднеазиатского политика. Два месяца спустя этот политик стал президентом своей страны, а Бондарев сохранил свой пост. Это был самый стремительный карьерный рост за всю жизнь Бондарева.

А потом ему позвонил Директор.

Стадия вторая:

Операция

1

Окна кабинета Директора выходили во внутренний двор. На часах было начало двенадцатого вечера, и потому двор был пуст и освещен лишь одиноким фонарем. Но Директор, допоздна засидевшийся в кабинете, не смотрел в окно — оно было завешено портьерой из плотной ткани, не пропускавшей свет. К тому же Директор сидел к окну спиной, а лицом к двери — в соответствии с выработавшейся за многие годы привычкой.

Директор читал разложенные на столе бумаги — бумаги из той папки, которую ему дал министр. На первой странице вверху мелким шрифтом значилось кодовое название операции — «Красное солнце».

Директор перебирал белые листы с черными строчками хорошо пропечатанных букв. Некоторые из этих документов он видел уже не в первый раз. Новые, только что положенные на стол документы он читал медленно, с карандашом в руке, помечая едва заметной галочкой на полях особо значимые, как ему казалось, моменты. Язык документов был сухим и лаконичным, но за короткими предложениями, цифрами и инициалами людей Директор видел нечто такое...

Документы:

"...следует бесспорный вывод, что за последние годы Казахстан стал регионом, через который проходит основной товаропоток наркотических веществ на территорию России, причем оттуда поступают как произведенные в Казахстане вещества, так и транзитные грузы из Турции, Таджикистана, Афганистана и других южных и юго-восточных государств. Протяженность российско-казахской границы облегчает доступ курьерам наркомафии на российскую территорию. Этому способствует также широкая вовлеченность населения сельских районов Казахстана, где большинство людей находится за чертой бедности, в операции торговцев наркотиками, так как других источников заработка в тех районах практически не существует. Казахские правоохранительные органы в данный момент не способны самостоятельно решить эту проблему, так же как и российские пограничные войска не способны на сто процентов закрыть границу. Между тем объемы транспортируемых наркотиков постоянно растут. Только Чуйская долина в Казахстане ежегодно дает в общий оборот 8 — 10 тонн марихуаны. Таким образом, проблема борьбы с преступными группировками, занимающимися переправкой наркотиков на территорию России, переходит в категорию вопросов национальной безопасности.

Эксперты правомерно проводят сравнение российско-казахской границы с границей США и Мексики. Через мексиканскую границу, как известно, перетекает львиная доля наркотиков и контрабанды вообще. Дабы изменить положение вещей, специальные службы США в течение ряда лет проводят секретные операции по уничтожению основных фигур латиноамериканского наркомафиозного синдиката. Они отправляют с этой целью в Мексику, Колумбию и другие страны мобильные, хорошо подготовленные группы, которые способны ликвидировать как отдельных важных лиц, так и уничтожать склады наркотиков, срывать транспортные операции и т.д.

Представляется возможным использование аналогичных методов и в нашей ситуации.

Правительство Казахстана может быть поставлено в курс дела, если понадобится.

Перечень возможных операций прилагается..." И еще несколько страниц с грифом секретности: «...полученные оперативные данные позволяют сделать вывод, что в конце июня в степных районах Казахстана состоится встреча представителей преступной группировки Сарыбая, которая занимается транспортировкой наркотиков через границу и продажей груза в России, и представителей группировки братьев Джанабаевых, которая осуществляет контроль над сбором и переработкой конопли в сельских районах страны. Предполагается, что будут обсуждаться цены и объемы поставок на период до конца года. Поскольку представлять обе стороны будут не главари, то охрана будет минимальной. Основная трудность состоит в выяснении места встречи, поскольку, по имеющимся сведениям, Сарыбай и братья Джанабаевы поочередно используют три точки для проведения своих встреч. Какая именно из трех будет использована на этот раз, неясно, поскольку источник информации был нейтрализован вскоре после передачи последней группы сведений...»

Нейтрализован — значит, человек, отправлявший из банды сведения в Москву, был разоблачен. Вероятно, его били несколько дней кряду. Мочились на него. Привязав один конец веревки к ноге, а другой — к луке седла, волоком таскали по степи. А потом отрезали уши и нос, пальцы на ногах и бросили посреди желтой равнины. Пока волки не почуют запах крови и не явятся довершать начатое людьми. Возможны, впрочем, и другие варианты...

И еще страница.

«...на основании вышеизложенного приказываю создать три группы особого назначения и высадить в указанных точках не позднее... Операцию проводить в контакте с соответствующими службами Казахстана. При этом соблюдать строгую секретность...»

Из этой докладной записки, рожденной в недрах МВД, не вытекало какого-то однозначного вывода. Или ставить в известность казахов, или соблюдать секретность. Обе эти вещи могли ужиться друг с другом лишь на бумаге. Когда же план становился реальным делом, то надо делать выбор — или одно, или другое. Или международное сотрудничество, или секретность.

Из того, что Директору было известно о воплощении этого плана в жизнь, следовал вывод — была выбрана секретность.

Директор взял прочитанные документы и отправил их в черную машинку, стоявшую на столе. Аппарат загудел, и из него полезли тонкие полоски изрезанной бумаги. Они укладывались в стальной контейнер. Потом и эти обрезки будут сожжены. Секретность.

В кабинете работал кондиционер, и здесь было гораздо прохладнее, чем в Казахстане неделю назад. Когда заканчивался июнь.

2

Первые слова, что произнес Михаил на казахской земле, были не совсем корректными по отношению к хозяевам:

— Вот это я ненавижу...

Хозяева — два офицера из Министерства внутренних дел, встречавшие московских гостей в аэропорту Караганды, — все поняли и не обиделись. Реплика Михаила относилась к погоде — жара будто навалилась на плечи, как только они вышли из самолета. В Москве традиционно — будь то политика или погода — сохранялась некоторая неясность, и на протяжении одной

недели ртутный столбик то подпрыгивал за двадцать градусов, то съезжал вниз, к десяти, напоминая о холодном марте. Здесь же южное солнце старалось вовсю, чтобы оправдать разницу географического положения Москвы и Караганды. И разница ощущалась.

Пятеро мужчин, прилетевших из Москвы специальным рейсом, погрузили свой багаж — не очень объемный, но тяжелый — в маленький грузовичок, сами сели вместе со встречающими в два джипа. Их путь лежал на военную базу в окрестностях города, откуда вертолет должен был перебросить их южнее, хотя и не к конечному пункту их путешествия. Последние полтора километра они должны были проделать самостоятельно. И по возможности не привлекая к себе внимания.

Пока джипы неслись по пустынной дороге, казах в рубашке защитного цвета без погон развлекал гостей скороговоркой на нейтральные темы.

— Погода в этом году — это что-то, — тараторил он, не отрывая глаз от дороги. — И так обычно в июне жара приличная, а уж в этом году... Наверное, озоновый слой, да? Скоро все будем черные, как негры, ходить...

Михаил подумал, что водителю осталось совсем немного до приобретения негритянского цвета кожи: шея казаха, на которую смотрел Михаил, была темной от солнца. Сам же Михаил, как и все четверо его спутников, имел весьма специфический городской вариант загара: лицо, шея и руки ниже локтей. В последнее время у них не было возможности полежать на пляже, чтобы получить более равномерное распределение ультрафиолета по телу. Не случайно перед вылетом командир, которого за глаза все четверо звали Гвоздь, строго наказал им захватить не меньше трех тюбиков крема для кожи.

— Черт знает, сколько мы там просидим, — сказал Гвоздь. — Открытая степь, солнце — с ума сойдешь. Нет ничего хуже, чем обгореть в такой ситуации. Будете мазаться, как дачники.

— Если бы там еще арбузы росли, как дыни, — вздохнул тогда Михаил. — Это была бы дача...

— Там кое-что другое растет, — усмехнулся Гвоздь.

Их группе было присвоено кодовое наименование «Верба». Еще была группа «Астра», она высадилась западнее. Группа «Бамбук» — южнее. Гвоздь был единственным из пятерых, кто знал точное местонахождение своих коллег. Или просто — своих. В случае чего, три группы могли связаться по рации, чтобы скоординировать свои действия. Но вообще выход в эфир был разрешен только в крайнем случае. Когда дойдет до настоящего дела.

Оставалось только неизвестным — какая из трех групп удостоится такой чести. Двум группам уготовано провести несколько дней под палящим солнцем в томительном и бесполезном ожидании, чтобы потом, испытывая известное разочарование, вернуться домой. А одной группе предстоит встретить, кого должно встретить, и исполнить то, что велит приказ. И получить все, что полагается за успешное выполнение приказа.

Приказа, который был доведен до их сведения на летном поле, за пятнадцать минут до вылета из Москвы. Только тогда они узнали и место, куда их отправляют, и цель, которую перед ними ставят.

Пока военный вертолет огромной зеленой стрекозой летел над степью, они были еще спокойны и даже веселы. Пока они двигались к цели и с ними что-то происходило. Самое тягостное начнется потом, когда место будет достигнуто и начнется ожидание — минуты, часы, дни, недели...

Сколько понадобится.

3

Еще несколько листов бумаги были подвергнуты тщательному изучению, прежде чем безжалостные ножи машины для уничтожения документов превратили их в мусор.

«...во исполнение приказа №... от... сформировать три группы специального назначения по пять человек в каждой. Согласовать подбор людей с... Отчет о проведении комплектационных работ представить не позднее...»

«На основании предоставленных критериев произведен отбор для операции (кодовое название „Красное солнце“): группа „Астра“... группа „Бамбук“...»

Директора первые две группы не интересовали. Он перевернул две страницы и вчитался в пять фамилий, шедших под заголовком "Группа «Верба».

1. Гвоздев Анатолий Игнатьевич, 1974 года рождения.
2. Шустров Михаил Иванович, 1976 года рождения.
3. Павленко Александр Семенович, 1974 года рождения.
4. Кононыхин Олег Максимович, 1979 года рождения.
5. Акулов Сергей Павлович, 1980 года рождения.

Список вызвал у Директора странные чувства. Тогда, месяц назад, когда эти документы только еще проходили стадию утверждения, не одна пара глаз просмотрела список из пятнадцати фамилий участников операции «Красное солнце». В том числе не одна пара глаз просмотрела и список фамилий пятерых членов группы «Верба». Бумаги были подписаны и переданы дальше по инстанции. С точки зрения формальных процедур здесь все было благополучно — все пятнадцать имели соответствующую подготовку и боевой опыт, все славянского происхождения и не было никого старше тридцати пяти лет.

С формальной точки зрения все было в ажуре. Но если бы вдруг тогда эти списки попали на глаза Директору, он бы сделал одно очень неформальное замечание. Он бы сделал одно сугубо индивидуальное соображение.

Которое тогда никто, конечно бы, не принял к сведению. МВД жило по своим законам, Контора Директора — по своим. И делать подобные замечания считалось абсолютным моветоном. Поэтому к Директору обратились не тогда, не месяц назад, когда на бумаге все было гладко и благополучно. К нему обратились теперь, когда где-то в казахстанских степях все вдруг пошло через задницу.

Для умников, которые составляли эти списки, — вдруг. Для Директора такой поворот событий был закономерным. Что-то в этом роде должно было случиться.

Что-то в этом роде должно было произойти — и дать Директору шанс. Шанс, упустить который было нельзя.

И тонко отточенный грифель карандаша блуждал вокруг пяти фамилий, описывая странные круги, словно человек за столом раздумывал, медлил. Но Директор не медлил. Все уже было

решено. Все было решено давно и, в общем-то, помимо воли Директора. Он просто должен был сделать то, что должен.

А бумаги перед ним выглядели такими правильными. Карандаш замер в руке Директора, потом грифель коснулся бумаги, надавил на нее, оставив короткую отметину. Галочку напротив одного из пятерых членов группы «три».

Но эта отметина уже ничего не могла изменить. Директор сознавал бесполезность своего жеста, его запоздалость, но все же упрямо выводил галочку, делая ее все толще и толще, пока бумага вдруг не прорвалась.

Только тут он понял, что чересчур углубился в свои мысли. Он отложил в сторону карандаш, взял просмотренные листы и отправил их в аппарат для уничтожения бумаг. Еще одна порция бумажных обрезков мягко легла в контейнер.

Директор не был склонен к образному мышлению и поэтому не понял, насколько символичен был этот его жест в отношении листа бумаги с пятью напечатанными на нем фамилиями.

4

Они высадились на окраине маленького степного городка, который даже рассмотреть толком не было времени. Да и не на экскурсию они приехали. На окраине городка их ждали два джипа в камуфляжной окраске, выглядевшие как близнецы с теми машинами, на которых группа «Верба» добиралась из Карагандинского аэропорта до военной базы. Только по номерам да по стикерам полуголых девушек, наклеенным на приборную доску, можно было их отличить.

Здесь их стало на одного человека больше — казах из местной милиции поехал как проводник в степном бескрайнем просторе, который выглядел совершенно одинаково — хоть налево посмотри, хоть направо. Его звали Джума, и он был полностью уверен в том, что российские милиционеры, которых он сопровождает, приехали на поиски беглого московского финансиста, который пробирается через степи на юг, к иранской границе. В Москве постоянно случалось что-то в таком духе. Сначала человек взлетал к высотам власти и бизнеса, потом переходил дорогу кому-то более могущественному и тут же оказывался вором, взяточником и государственным преступником, после чего вынужденно скрывался за границей, а русские искали его в Польше, Швеции, Штатах или вот даже в Казахстане.

Джума посчитал эту историю вполне правдоподобной, так же как и казахское Министерство внутренних дел. Никто не подозревал, что пятеро русских, направляющихся в самое сердце степи, — специально тренированные бойцы подразделения «Волк» при МВД, а никакие не розыскники. Что интересует их на самом деле не беглый российский гражданин, а граждане Казахстана. И что целью операции является не задержание и транспортировка кого бы то ни было в Россию, а несколько другие процедуры.

Какие именно — Джуме никто никогда не сказал бы. И не позволил бы ему увидеть это. Его задачей было провести группу «Верба» к месту предполагаемой встречи казахских наркоторговцев и вывести обратно. Саму же операцию он не должен был видеть. Это можно было обеспечить разными способами. И это можно было обеспечить довольно просто, потому что Джуме было всего лишь девятнадцать, он был горд своей ролью проводника и не подозревал, что против него могут плестись какие-то козни.

Джума сидел в первом джипе, рядом с водителем, показывал дорогу и важно рассказывал о своих прежних заслугах в деле сопровождения чужаков по степи.

— А то еще два года назад наехали американцы, — презрительно усмехнулся Джума. — Из агентства по борьбе с наркотиками. Хотели поучить нас, как надо работать. Мол, у нас такой опыт... Привезли с собой машины, технику... Ну, а как выехали в степь, так у них вся техника накрылась: непривычна к пыли. Погода наша для них — хуже пытки. Слегли кто с ожогами, кто с дизентерией, работнички... Воды тут, видите ли, нормальной нету. Мы всю жизнь пьем, а они не могут. А один, это вообще улёт. — Джума покачал головой, вспоминая бестолковых американцев. — Помотались с ним на машине по степи, заехали в Жарык, это городишко такой... Он бегом в магазин, минеральной воды хотел купить. Нашел какую-то пепси-колу и сует продавцу кредитную карточку. У продавца глаза на лоб вылезли! У нас такого добра никто не видывал! Это в Астане да у вас в Москве, наверное, берут. Короче, одолжил я тогда американцу денег на бутылку и сказал, чтобы он свою кредитку убрал подальше да не пугал людей, пока назад к цивилизации не вернется... Он очень удивлялся.

Олег, ведший джип, не отреагировал на этот рассказ даже движением брови. Жара действовала на всех угнетающе, разговаривать не хотелось. Михаилу, например, грезился бассейн с ледяной водой, куда бы он с удовольствием сейчас рухнул. Именно с ледяной, чтобы по поверхности плавали маленькие льдинки. В свое время ему нравилось смотреть зимой на бассейн «Москва» — среди сугробов поднимается огромное облако пара, а в воде, что таится в этом облаке, плещутся голые люди, как будто не февраль на дворе. Сейчас он представлял противоположную картину: как среди песков вдруг возникает пусть маленький, но водоем с обжигающе-холодной водой, которая только и способна успокоить его обжигаемое жестоким солнцем тело.

Но нет уже бассейна «Москва», нет и оазиса прохлады впереди по курсу джипа. Есть только солнце, есть горячий ветер, желто-серая степь до горизонта да несмолкаемый треп проводника, раздающийся с переднего сиденья.

Он убаюкивает, хотя спать нельзя.

Он убаюкивает, хотя спать...

Он убаюкивает...

— Не спи, Миха, — толкает его в бок Гвоздь. — Не спи, замерзнешь.

В окружающих их обстоятельствах это звучит как особо циничная шутка. Михаил встряхивает головой и растягивает губы в вынужденной усмешке. Командир любит, когда его шутки понимают.

На место приехали поздним вечером, когда произошло невероятное — жара стала спадать, а ветер носил уже не горячую пыль, а прохладу, пусть и весьма относительную.

Джума удивился, когда вместо ужина и ночлега пятеро стали рыть что-то вроде траншеи. Потом Джума подумал, что таких широких траншей не бывает. Потом он догадался.

Это было укрытие для джипов: яма метров в пятнадцать длиной, заканчивающаяся с одной стороны вертикальной земляной стенкой, а с другой стороны имевшая пологий выезд для машин на поверхность. Сверху джипы были накрыты камуфляжной тканью, забросаны песком и жалкой степной растительностью.

После этого приступили к рытью ямы для людей. Ее габариты были меньше, поэтому управились быстрее. Когда стало светать, пятеро русских и Джума наконец-то сели за ужин, который был одновременно и завтраком. Затем двое — Олег и Серега — заступили на пост, то

есть остались на поверхности, наблюдая за степью. Остальные забрались в только что выкопанное убежище и улеглись спать на земле, постелив брезент вместо простыни и подложив под головы вещмешки.

И каждый спал рядом со своим оружием. Это было главным — если что случится, то первым делом рука проснувшегося человека должна была нащупать оружейную сталь. А потом уже можно разбираться — что именно случилось, серьезно это или нет, стоит ли материть караульного за ненужную побудку или благодарить за спасение жизни.

5

Когда Директор стал разбираться с документами по операции «Красное солнце», ему показалось, что с этой затеей МВД уже с самого начала было что-то не в порядке.

Во-первых, информация пришла слишком поздно. Как подсказывал Директору его опыт, таково было зловредное свойство жизненно важной информации: она всегда запаздывала. Прошло несколько недель после «выключения» прежнего информатора, прежде чем в Москве сумели раздобыть подтверждение факта степной встречи из другого источника. Источника, на который особенно и рассчитывать не приходилось, поскольку информацию этот человек получил случайно.

Один из алма-атинских бизнесменов, приятельствовавший с братьями Джанабаевыми, повздорил с другим деловым человеком, имевшим «крышу» у людей жестоких и решительных, сразу же поклявшись джанабаевского приятеля пустить на фарш. Тот кинулся искать заступничества у братьев, но обнаружил, что те в отъезде и вообще заняты — готовятся к горячему сезону уборки урожая. Бизнесмену было сказано, что братья станут посвободнее и смогут рассмотреть его проблему после встречи с людьми Сарыбая, которая состоится в конце июня. Среди людей, которым бизнесмен горестно поведал об этой истории, был и один мужчина средних лет, возглавлявший экспортно-импортную компанию и любивший при случае поделиться забавными сведениями из казахской жизни с российскими спецслужбами. Само собой, не просто так, а в обмен на кое-какие торговые льготы на территории Российской Федерации. Он слушал опечаленного алмаатинца краем уха, на следующий день передал содержание разговора своему знакомому из российского посольства, поскольку знал: наркомафия русских интересуется.

И еще через десять дней тот же самый бизнесмен столкнулся с тем же самым информатором вблизи железнодорожного вокзала. Бизнесмен на ходу пояснил, что уезжает на северо-запад, за Балхаш, потому что где-то там сейчас находятся его покровители, и ему было предложено посидеть в каком-нибудь близлежащем городишке и подождать, пока братья закончат свои переговоры. Было упомянуто и название города, куда отправлялся бизнесмен искать справедливости.

В Москве была получена эта информация, ее сопоставили с добытыми ранее сведениями о трех точках, которые использовались для подобных встреч. Маленький степной город, куда уехал бизнесмен и вокруг которого предположительно крутились братья Джанабаевы, находился в подозрительной близости от третьей точки. Где уже несколько дней готовилась к встрече гостей группа «Верба».

В Москве сразу же было принято решение поставить группу в известность, но «Астру» и «Бамбук» с их мест не убирать: мало ли что случится, да и источник информации не столь надежен, как прежний, сгинувший где-то в степях Южного Казахстана.

Было принято решение сформировать группу быстрого реагирования и держать ее на одном из военных аэродромов близ Барнаула, недалеко от казахской границы, чтобы в случае чрезвычайных обстоятельств быстро и эффективно помочь группе «Верба», высадив подмогу с вертолета.

Это второе решение было выполнено в считанные часы, и на бетонке аэродрома замер готовый к вылету, с полными баками и проинструктированным экипажем, вертолет. Десять спецназовцев ждали сигнала в казарме, расстояние от которой до вертолета бойцы преодолевали за двадцать пять секунд.

С первым решением оказалось сложнее. Когда группе «Верба» был направлен вызов по системе спутниковой связи, никто не отозвался.

6

— Скучновато здесь, — пожаловался Михаил на третий день их пребывания в точке предполагаемой встречи.

— Развлечений мало, — ответил Сашка. В этом они были согласны друг с другом, во всем же остальном эти два человека были различны и противоречили друг другу ежечасно. Возможно, они бы ругались ежеминутно, но Гвоздев, быстро уловив в разговорах двух своих подчиненных скрытую неприязнь, старался не оставлять их один на один. Это не было враждой, иначе они никогда бы не попали в одну группу. Скорее всего, это было продолжением их физической противоположности: Михаил, широкоплечий, мускулистый, с узким тазом и длинными сильными ногами, смотрелся гигантом рядом с невысоким щуплым Сашкой, веснушки на курносом лице которого придавали ему какой-то несерьезный вид. Особенно несерьезный, если учитывать его профессию. Сашка был снайпером.

Михаил как-то заметил, что Сашка может маскировки ради забиться и в суслицью норку. Сам-то он сказал это с подковыркой, но Сашка воспринял сказанное как комплимент, потому что хороший снайпер — это не тот, кого никто не видит, но тот, который видит все. Пусть даже из суслицьей норки.

Особенно азартно подкалывали они друг друга в самолете, по пути к цели, а потом жара обоим укротила языки, отбила желание болтать и трепать друг другу нервы. Тем более что развлечений предусмотрено не было. Гвоздев запретил курить, запретил передвигаться в полный рост. Только дежурства, состоявшие во многочасовом лежании на пузе, тупом вглядывании в степь.

Джума, на которого жесткие правила отряда не распространялись, поначалу нашел для себя развлечение: он прихватил с собой плеер и, не обремененный дежурствами, валялся на пригорке, слушая музыку. Остальные поглядывали на него с завистью и облегченно вздохнули, когда батарейки в плеере сели. С этого момента Джума затосковал, как и все остальные.

На пятые сутки их пребывания в степи днем, после обеда, Олег, несший дежурство на восточном направлении, внезапно узрел у самого горизонта какую-то движущуюся точку. Он тут же поднял тревогу. Гвоздев прилег рядом с ним и посмотрел вдаль.

— Не будем дергаться, — медленно проговорил он. — Пусть подойдет поближе. И тогда мы все увидим.

Олег согласно кивнул, хотя ему очень хотелось попросить у Гвоздя бинокль и разглядеть передвигающийся объект в деталях. Но сдержался, потому что знал — блики солнца на линзах

могут быть замечены издалека, и тогда вся их конспирация накроется медным тазом.

— Мишка и Саня, усилить бдительность на западном направлении, — сказал Гвоздь. — Серега, ты держись рядом с Джумой. Чтобы успеть вовремя его выключить.

— Угу, — кивнул Серега и пополз к Джуме, который сидел у подножия холма и что-то уныло чертил ножом на земле.

Через некоторое время стало ясно, что это не автомобиль. Слишком медленно и странно — будто вихляясь из стороны в сторону — он двигался, не оставляя за собой обычного в таких случаях следа пыли. Еще через какое-то время Гвоздев с иронией посмотрел на Олега и сообщил:

— За это ты даже благодарности не получишь. Это козел.

Олег не удержался, чтобы не съязвить:

— Как это вы на таком расстоянии невооруженным глазом определили? А может, коза?

— Непринципиальная разница, — заметил Гвоздев. — Позови Джуму, он лучше меня в этом разбирается. Мне местная фауна совершенно не интересна. Меня от нее тошнит.

Однообразный пустынный пейзаж, иссушающая жара и пыльные ветры осточертели всем. Блуждающий по степи одинокий козел оказался хоть каким-то развлечением.

Сашка тут же поспорил с Михаилом насчет происхождения козла. Снайпер утверждал, что это дикий козел, а Михаил настаивал на том, что животное отбилась от стада. Конец дискуссии положил незаметно подбравшийся Гвоздев.

— Хватит орать на всю степь, — сказал он. — Приказываю считать козла агентом противника, выдвигающимся к нашей точке с намерением разведать обстановку. Поэтому вести себя на порядок тише и незаметнее.

— То есть у него рога как антенны работают? — усмехнулся Сашка.

— Давайте его пристрелим, — предложил Михаил. — И съедим.

— Мы его пальцем не тронем, — ответил Гвоздев. — Разрешаю убить козла только в том случае, если он проникнет в наше расположение и попытается совершить диверсионный или террористический акт. Вывести из строя аппарат спутниковой связи или напасть на командира. То есть на меня.

— Козел не дурак, — сказал Сашка. — Он сюда не пойдет.

И он оказался прав. Умный козел побродил еще минут сорок в пределах видимости, а потом скрылся. Диверсионные и террористические акты, очевидно, не входили в его планы.

— Джума, как ты думаешь, — спросил Михаил у казаха, — это дикий козел или домашний?

— Это мираж, — вздохнул Джума. — Одинокий козел, бродящий вдали от жилища, — дурная примета. Уж лучше это будет мираж.

И он зевнул. Последнее время его постоянно тянуло в сон.

— А что конкретно плохого в этом козле? — спросил Михаил. — Денег не будет, погода испортится, жена бросит?

— А, не помню, — махнул рукой Джума. — Отец мне давно про это рассказывал. Что плохая примета — помню, а к чему конкретно — не помню...

Он растянулся на горячей земле, подложив ладони под небритую щеку. Михаил сидел рядом на корточках, смотрел на дремлющего проводника, на высушенную землю, а перед глазами у него вставали совсем иные картины, совсем другие пейзажи, совсем другие лица...

— Вижу! — громко произнес Сашка, и все посторонние образы и слова исчезли из головы. Михаил метнулся к снайперу, прищурил глаза и увидел, как под ослепительно белым солнцем возникает темная точка, стремительно приближающаяся к их укрытию и оставляющая за собой длинный, словно змеиный хвост пыли.

Гвоздев оказался рядом, справа. Он всмотрелся и удовлетворенно кивнул:

— Самое оно...

Через несколько минут Олег известил, что нечто похожее на автомобиль приближается и с его стороны.

Гвоздев улыбнулся. Повезло именно его группе. Теперь «Вербе» предстояло показать себя в деле.

7

Директор подпер подбородок сложенными руками и задумался. Перед ним лежали несколько последних листов из папки, и в этих листах было запротоколировано, как замечательно спланированная операция летит прямо под откос.

Было отдано два приказа: насчет сеанса связи с группой «Верба» и насчет формирования команды поддержки в Барнауле. Руководитель операции, генерал МВД, лично отдал оба и остался в своем кабинете ждать рапорта о выполнении, хотя время было уже позднее — конец рабочего дня. Все больше мужчин и женщин торопливо сбегали по ступенькам вниз, в метро, чтобы помчаться домой, прочь от контор и офисов. Генерал же оставался в кабинете, поскольку у его рабочего дня не было начала и не было конца. Была только деловая целесообразность. Сейчас было целесообразно убедиться, что оба приказа выполнены, а следовательно, все идет как нужно.

Ему позвонил дежурный офицер-связист и сказал, что группа «Верба» на связь не выходит. Возможно, какие-то проблемы со спутником, но...

— Повторяйте вызов постоянно, — сказал тогда руководитель операции, и офицер ответил: «Есть».

Вызов повторялся на протяжении сорока минут. Потом снова позвонил дежурный и бесстрастным голосом сообщил, что связи нет.

Было приказано связаться с первыми двумя группами и предупредить их о том, что с группой «Верба», возможно, возникла «тревожная ситуация». «Астре» и «Бамбуку» велели оставаться на месте, усилить бдительность и быть готовыми к эвакуации.

Связь с «Астрой» и «Бамбуком» была благополучно осуществлена, и это значило, что дело не в спутнике. Могла, конечно, случиться и неисправность в самом аппарате спутниковой связи, но это слишком хорошо звучало, чтобы быть правдой.

И тогда был отдан приказ поднять по тревоге команду поддержки, что была собрана на аэродроме под Барнаулом. Им велели вылететь на точку группы «Верба» и разобраться на месте.

В Барнауле в это время была ночь.

8

Одна машина приближалась с юго-востока, другая — с северо-запада. Судя по очертаниям, это были джипы.

В эти минуты, что оставались «Вербе» до вступления в дело, Гвоздев никому ничего не объяснял и не напоминал, потому что все уже было сказано. Инструкции были даны на взлетной полосе в Москве и повторены в самолете. Большого не требовалось.

— Мы имеем дело с двумя преступными группировками, — говорил им человек в штатском, чье лицо было совершенно незапоминающимся, усредненным, будто бы он вообще не имел его. Гвоздеву было ясно, что безликость эта не врожденная, а приобретена в результате продолжительных тренировок. Подбор костюма, прически, набор стандартных мимических движений — и вы забываете человека, как только он уходит из поля вашего зрения. У него не было отличительных черт, за которые можно было уцепиться.

— Одна из них контролирует северные районы, занимается контрабандой, — серым, бесцветным голосом вещал инструктор. — Вторая — контролирует юг, плантации конопли, мака. Чтобы вторые могли продать свой товар к нам, сюда, они вынуждены сотрудничать, хотя терпеть друг друга их главари не могут. И никогда не встречаются. Встречаются их представители. Это обычно происходит в степях, которые считаются нейтральной территорией. И те, и другие прибывают в условленные места практически без охраны. Там обсуждаются цены на сезон и количество наркотиков, которые южане продадут северянам. Нам удалось узнать три точки, в каждой из которых может произойти такая встреча. В каждую из точек будет направлена группа наших людей. Вы — группа «три». Мы не знаем точной даты, у нас нет гарантий, что встреча вообще состоится. Могут возникнуть новые обстоятельства. Тем не менее вы должны подготовиться к встрече и ждать. День, два, неделю — сколько понадобится. Пока не будет дан приказ об эвакуации. И еще — для казахских властей все вы — сотрудники милиции. Вы разыскиваете беглого российского гражданина. Если кто-то узнает, что мы проводим силовые операции на чужой территории, будет скандал. Такого случиться не должно.

— Поэтому, как только начнется акция, — продолжал в самолете Гвоздев, — Серега сразу же отключает проводника, оттаскивает его в укрытие, вкатывает снотворное, чтобы тот не очухался до самого конца. Запомните, нас интересуют живые люди. Живые и способные разговаривать, давать информацию. Поэтому не переусердствуйте. Итак, диспозиция следующая. Мы располагаемся на склоне этого холма. — Он ткнул пальцем в карту. — Это, конечно, холм только по степным меркам, но тем не менее. Наша маскировка должна заставить их подъехать вплотную друг к другу. Мы не будем гоняться за ними по степи. Они сближаются, я подаю сигнал, и тогда снайперы выключают водителей машин и бьют по колесам, чтобы застопорить всю эту компанию. Потом в течение минуты-двух мы ведем жесткий огонь по оставшимся. Чтобы произвести впечатление и как следует напугать. У них

должно создаться ощущение, что их поджидал в засаде целый взвод. Потом резко прекращаем стрельбу, и я делаю предложение о сдаче. Если следует отказ, мы уничтожаем полностью тех, кто приехал с юга, и окружаем северных. Если еще один отказ, то придется хватать их врукопашную. Нам нужны живые. Нас послали не за трупами. Дальше. Как только мы получили пленных, начинается их немедленная обработка. Психологический и физический нажим, угрозы вплоть до крайней степени. Они должны начать говорить еще там. Допрашивать буду я, но на всякий случай запомните: нас интересуют их контакты в приграничных российских городах, их связи на таможне, на железных дорогах. Нам надо знать механизм переправки наркотиков на нашу сторону границы и их дальнейшего распространения. Эту информацию могут дать северные: поэтому в первую очередь нас интересуют они. Сумеем взять южных — колите и их. Всякая информация ценна, если самим не пригодится, так потом продадим казахам...

Гвоздев еще долго объяснял технику захвата и допроса, поминутно повторяя, что бандитов надо брать живыми, и глядя при этом почему-то на Михаила.

— А я что, убиваю их, что ли, все время? — не выдержал тот.

— Тебе труднее всех сдерживать себя, — заметил Гвоздев. — Ты с трудом останавливаешься после того, как разойдешься. Поэтому я на тебя и смотрю. И еще, — он обвел взглядом группу, — долго там рассиживаться после акции нельзя. Кто знает, может, за каждой из машин, что приедет на встречу, приволочется еще сотня головорезов и будет ждать в степи на расстоянии выстрела. Как только мы начнем, они рванутся к точке. Поэтому — сразу после того как взяли пленных, Олег выходит на связь и вызывает вертолет.

— А проводник? — спросил деловито Олег. — Его с собой возьмем? Он же снотворным накачан.

— Если все получится тихо-мирно и уходим спокойно, то никаких проблем нет, просто оставляем его в укрытии. Придет в себя, сядет в джип и поедет домой.

— А если будем уходить с боем?

— Тогда... Тогда и поглядим, — сказал Гвоздев. — Но с собой в Москву мы его не потащим. Я же сказал — казахи не должны знать о том, что нам действительно здесь нужно. Получается, что мы похищаем их граждан. Им это не понравится.

— Тоже мне, граждане, — фыркнул Михаил. — Подонки...

— Подонки с казахскими паспортами, — уточнил Гвоздев.

Михаил вспомнил это гвоздевское определение, когда подонки с казахскими паспортами на американских джипах лихо подкатывали к месту своей встречи. Михаил стоял в своем персональном окопе — выкопанной в его полный, метр восемьдесят, рост неширокой яме, из которой подъезжающим не была видна даже его голова. Так он надеялся. И так утверждая Гвоздев, который четыре дня назад проверял все окопы, отойдя в степь и смотря на своих замаскировавшихся людей со стороны.

Как Гвоздев и говорил, местом встречи был холм, даже два холма. Опять-таки холмами они могли считаться только по степным меркам. Но на фоне степи эти два бугорка, покрытые низким белесым кустарником, действительно возвышались.

Машины стали понемногу сбрасывать скорость, подруливая к холмам так, будто собирались остановиться друг напротив друга на пятачке между возвышениями рельефа, скрытые,

насколько вообще можно скрыться в степи.

Если только заранее не вырыть себе яму метр восемьдесят глубиной.

9

Солнце висело в небе раскаленным добела диском, испуская слепящие и обжигающие лучи, спасения от которых не было нигде.

— Черт, — прошептал Михаил и слегка потянулся, разминая затекшие мышцы. Сейчас он жалел, что перед операцией постригся наголо — капли пота, не удерживаемые волосами, без конца стекали по лбу, заставляя Михаила морщиться и удивленно чертыхаться, задаваясь вопросом: откуда же в нем столько воды? Солнце выжимало его, будто тряпку. И это продолжалось уже пятый день.

Он был готов терпеть и терпел все внешние неудобства: жару, пыль, ветер, испепеляющее солнце, Сашкины подковырки... С этим можно было смириться. Но когда собственное тело становится неконтролируемым, исторгая все новые и новые дозы пота, — это уже слишком.

Особенно досадно было то, что Сашка — и это Михаил знал наверняка — от жары так не страдал. Если бы Михаил чуть высунул голову из своего укрытия и посмотрел бы влево, то он, вероятно, разглядел бы торчащую из «суслицьей норки» голову снайпера, который наверняка легкомысленно жевал какую-нибудь травинку, поглаживал приклад своей винтовки и не обращал на солнце никакого внимания.

«Тихо, как на кладбище, — подумал Михаил. — Скорее бы уж...»

Не доехав до холмов метров сто — сто двадцать, джипы остановились. Михаил не слышал ни шагов, ни разговоров. Машины просто стояли.

Хуже всего, если их заметили. Расстояние до джипов еще слишком большое, чтобы можно было вести прицельный огонь. Но Михаил успокаивал себя мыслью, что если бы бандиты действительно что-то усмотрели, то немедленно рванули бы назад, а не сидели в джипах с выключенными двигателями.

По шее Михаила ползали какие-то насекомые, но он не решался шевельнуться, безмолвно терпя передвижения маленьких сволочей по своей красной, обгоревшей шее.

Раздался свист. Михаил напрягся, сжав приклад и почувствовав, что мышцы живота подобрались, как это всегда бывало с ним в случае опасности. Свист, видимо, означал, что все в порядке. Сразу раздался характерный напористый рев моторов, звук, настолько чужеродный для этих мест, что легко улавливался ухом с большого расстояния и отличался от звуков естественного происхождения.

А сейчас моторы ревели совсем близко, пугали диких козлов, если таковые находились где-то поблизости.

Оба источника звука приближались к Михаилу — один спереди, другой сзади. За Михаилом так же, по уши в земле, поджидали джип Олег и Серега. Гвоздевская позиция располагалась чуть в стороне. Командир хотел видеть всю картину в целом, чтобы своевременно выбрать момент для начала акции.

Это были секунды чрезвычайного напряжения слуха и зрения. Расслаблялся только Джума —

согласно гвоздевскому плану, Серега отключил казаха, как только было замечено приближение первого джипа. Джуму оттащили в укрытие, сделали инъекцию снотворного, которая должна была обеспечить проводнику «Вербь» сорок-пятьдесят минут крепкого сна. Настолько крепкого, чтобы не слышать шум происходящего.

А там тем временем начиналось нечто похожее на ад.

10

В характеристике Михаила Шустрова, что была подшита в его личное дело, верно говорилось: имеет боевой опыт. Только все равно ожидание момента, когда из безопасного укрытия надо будет выскочить под пули и убивать врагов как можно быстрее, чтобы они не успели убить тебя, — это ожидание и опытного бойца заставляет нервничать. Особенно если это долгое ожидание.

Михаилу почудилось, что прошло больше часа, прежде чем снова завелись моторы джипов. Зато потом все происходило очень быстро.

Гвоздев подал сигнал не голосом, а автоматной очередью по колесам джипа. Михаил услышал знакомый звук командирского оружия сбоку и немедленно выскочил из своей ямы, будто чертик из табакерки. Выскочил не полностью, а лишь головой и руками, упер локти в землю и полоснул очередью из «ОЦ-12» по шинам того джипа, что медленно, словно неуверенно, двигался на них с Сашкой. Девятимиллиметровые кусочки свинца разорвали резину покрышек в клочья, разбежались по лобовому стеклу паутины трещин от аккуратного отверстия, сделанного снайперской пулей Сашки. Джип начал поворачивать и замер, осел после второй очереди, пробившей задние колеса. Михаил пустил длинную серию свинцовых гостей по борту машины, но низко, чтобы если и задеть кого, то по ногам.

Кто-то из сидевших в джипе толкнулся было в дверцу, но Сашка мгновенно отреагировал — будто стоял рядом и молоточком стукнул по стеклу дверцы. Человек дернулся назад и повалился на сиденья, больше не предпринимая попыток выбраться наружу.

Все эти секунды Михаил слышал звук гвоздевского автомата, словно музыкант в оркестре — первую скрипку, что выводит главную тему. И как только Гвоздев перестал стрелять. Михаил убрал палец со спускового крючка.

— Даю десять секунд, чтобы вылезти из машин и лечь на землю! — заорал Гвоздев. — Оружие в сторону! Даже и не думайте рыпаться, иначе мокрого места от вас не останется!

Он повторил это еще и на казахском, для совсем непонятливых. Казахский командира был не слишком хорош. Арабский он знал лучше.

Пока Гвоздев излагал свои предложения. Михаил не сводил глаз с джипа и менял рожок в автомате. Кто его знает, этих сволочей... Может, сдадутся, а может, захотят поиграть в кошки-мышки. Ну-ну. Они еще не знают, с кем имеют дело.

— Я начинаю отсчет! — крикнул Гвоздев. — По счету «ноль» вы начнете гореть заживо в своих тачках! Десять! Девять!

Михаил направил ствол автомата на дверцу джипа. Пули легко пройдут насквозь и приласкают тех, кто сейчас скрючился на полу машины, лихорадочно соображая — настал ли для них час, именуемый «все, приехали», или оставлен еще последний слабый шанс.

— Восемь! Семь!

Какое-то непонятное движение в машине. Михаил положил палец на спуск.

— Шесть! Пять! Четыре!

«Что-то они там замышляют, — зло подумал Михаил. — Наверняка не сдадутся, гады. Придется выкуривать их оттуда... Лишние сложности. Саданули бы сейчас из гранатомета, вот и все дела».

— Три! — услышал он голос Гвоздева. А потом уже другим тоном: — Ну вот, так-то лучше... На землю, на землю!

«На той стороне сдаются!» — понял Михаил. Секунду спустя открылась дверца и в том джипе, что держали на прицеле он и Сашка. Оттуда медленно выполз бородатый мужик в бледно-зеленой, выгоревшей на солнце майке. Именно выполз, он передвигался на двух руках по песку, волоча за собой перебитые ноги и тихонько подвывая от боли. Потом появился усатый тип, одетый слишком шикарно для пустыни — кожаный пиджак, белая майка, белые широкие штаны и толстая золотая цепь на шее. Он не выглядел раненым и, стараясь сохранять солидность, неторопливо и чинно опустился сначала на колени, а потом уже распластался на земле лицом вниз. Третьим был маленький худой казах с окровавленной головой. Он бросил перед собой автомат Калашникова и лег между бородачом и «кожаным пиджаком».

Как только маленький казах выпустил из рук оружие, Михаил вылез из ямы и побежал к джипу, держа автомат наперевес, все еще оставаясь готовым к стрельбе, оставаясь готовым при малейшем подозрительном движении отпрыгнуть в сторону, покатиться по земле, одновременно режа из автомата всех, кто окажется перед ним.

Так что лучше мужикам из джипа не делать резких движений.

Они и не делали. Просто смотрели на подбегавших к ним людей. А бородач и не смотрел даже, прикрыл глаза и лежал недвижно, бледный и жалкий. Вытекавшая из его ран кровь быстро впитывалась в песок.

Михаил первым делом отшвырнул от маленького казаха автомат, потом ткнул ствол в загривок «кожаному пиджаку», аккуратно под цепочку.

— Где твое оружие? Быстро!

— В машине осталось, — пробормотал «пиджак». Михаил быстро его ощупал — чист, не соврал. Сашка обыскал бородача и удовлетворенно кивнул: не опасен.

Трое мужчин лежали на земле, а четвертый сидел в джипе, уткнувшись простреленной головой в приборную доску. Сиденья были усыпаны битым стеклом и залиты кровью.

В этот момент могло показаться, что все у них получилось. Они взяли пленных, даже больше, чем нужно. Они быстро и четко провернули операцию. Они — молодцы.

Так могло показаться в тот момент. Несколько минут спустя все уже было по-другому.

11

Вылетевший из Барнаула вертолет на предельно низкой высоте пересек границу и взял курс на

точку «три». Позднее, когда казахская служба ПВО заметит нахождение в своем воздушном пространстве русского вертолета и направит соответствующий запрос в Москву, там, уже готовые к этому вопросу, ответят, что военный вертолет в темное время суток из-за неисправности в навигационных приборах сбился с курса.

Инцидент не получит дальнейшего развития, поскольку через час после вторжения русский вертолет повернет обратно и совершит посадку на аэродроме той самой военной базы, откуда совершил вылет. Десяти спецназовцам, которым прошедший час ожидания показался столь же долгим, сколько Михаилу — минутная пауза в движении джипов к холмам, — так и не пришлось покинуть борт, чтобы оказать помощь группе «Верба».

Чернота степной ночи, чернота внизу, там, где должна была быть земля, — вот то единственное, что увидели пилоты. Ни огонька в радиусе нескольких километров от предположительного местонахождения группы «Верба». Несколько раз пилоты уже собирались на свой страх и риск посадить вертолет, хотя рельеф местности скрывала тьма. Но командир спецназовцев, единственный из десяти, кто обладал полнотой информации по создавшейся ситуации, в конце концов запретил садиться. Что происходит внизу — было не понятно и не видно. Вертолет же представлял собой прекрасную мишень. Если кто-то сумел ликвидировать группу «Верба» (а почему же еще она не отзывается на вызов по спутниковой связи и световые сигналы с вертолета?), то почему бы этому «кому-то» не взорвать и вертолет для компании?

В Москве эти соображения не вызвали замечаний. Повторный вылет вертолета был назначен на пять часов утра. Как только начнет светать.

12

Гвоздев быстро сбежал по склону холма.

— Сколько у вас тут? — торопливо спросил он. — Трое?

— Трое, — подтвердил Михаил. — Из них двое раненых. Один в ноги.

— Будешь колоть, кончай того, с ногами, чтобы остальных проняло, — негромко посоветовал Гвоздев. — В той машине двое, но оба целые, только царапины...

— Классно сработали, — не выдержал Михаил, одновременно хваля и командира, который — конечно же — организатор и руководитель победы.

— Классно, — пробормотал Гвоздев. — Психология, мать ее... Они бы ни за что не вылезли сами по себе. Я смотрю, что они забились под сиденья, друг друга не видят, да и ляпнул, что, мол, так-то лучше, вылезайте, не стесняйтесь... Каждый подумал про другого, что тот первым сдался. Вроде как и не стыдно теперь...

— Ничего себе! — восхитился командирской смекалкой Михаил. — А я-то подумал, что на вашей стороне первыми полезли, а потом уж и наши...

— Нет, — покачал головой Гвоздев. — По-моему, ваши даже раньше среагировали. На пару секунд, не больше...

И вот тут случилось. Они только что стояли, довольные, даже слишком, своей победой, своим умом, своей меткостью. Они были суперменами, пришедшими на чужую землю и в пять минут завоевавшими ее.

Потом грохнул взрыв. Гвоздев и Михаил инстинктивно повалились наземь, потом вскочили, озираясь по сторонам, вскидывая оружие. Высокий ноющий звук, полный непереносимого страдания, стал для них ориентиром, как и оседающий полупрозрачным занавесом песок, за которым медленно вырисовывались возле расстрелянного джипа скорчившиеся фигуры. Это случилось.

Гвоздев и Михаил рванулись туда, где только что грохнул взрыв, а Сашка остался стоять над тремя пленными. Но и он в момент взрыва на секунду или больше забыл о своих подопечных, зачарованно уставившись в сторону взметнувшегося фонтана песка. Потом он снова стал внимателен и осторожен, держа палец на спуске «АКСУ». Но этого мгновения хватило, чтобы бородач, только что выглядевший если не мертвым, то умирающим, совершил стремительное движение рукой. И снова замер, прикрыв глаза.

— Ребята, — прошептал Михаил. Из четырех фигур, что распростерлись на песке, лишь одна двигалась. Олег лежал на спине, мелко дрожал, схватившись руками за разорванный осколками низ живота. Его ноги судорожно сгибались и разгибались в коленях, рот и подбородок в крови, и непонятно было — то ли это из ран на лице, то ли это следствие внутреннего кровотечения.

Сергея не двигался, широко раскинув руки. Его майка цвета хаки была залита кровью от горла до живота. Рядом с ним съезжился бандит в клетчатой рубашке, от которой осталось очень немного. Чуть в стороне лежала обожженная и оторванная кисть этого человека, черная, страшная. Растопыренные пальцы, точнее, обрубки пальцев, таращились в небо, будто собирались кого-то или что-то ухватить. Даже после смерти. Второй бандит лежал на животе, чуть поодаль, вытянув руки к джипу.

— Серега его обыскивать стал, — прошептал Олег. — А он... Гранату... Мы все рядом стояли... Все сразу...

Тот, что тянулся руками к джипу, внезапно дернулся и встал на четвереньки.

— Сука! — мрачно сказал Михаил, вскинул автомат и короткой очередью взрезал его от шеи до поясицы. Гвоздев ударил Шустрова по руке.

— Сдурел?! Что ты вообще здесь делаешь? Почему ты не с Сашкой?! Назад! Немедленно!

Михаил, собиравшийся сначала ответить Гвоздеву что-то резкое, понял, что командир прав. Он резко повернулся назад, и крик застыл у него в горле...

Кричать было поздно.

13

В пять часов утра вертолет повторно пересек границу. В Москве уже приготовились повторно скормить казахским властям ту же историю.

На этот раз полет оказался более результативным. Совершив три круга над тем местом, где должна была находиться группа «Верб», и ничего не увидев, кроме песка и перекасти-поля, вертолет снизился. При разглядывании в бинокль местности командир спецназа заметил странное, слишком правильное, образование на почве. Вертолет завис над этой точкой. Двое спецназовцев опустили по лестнице вниз.

Странное образование оказалось джипом, который кто-то постарался закопать в песок, но,

видимо, слишком спешил, потому что верхний слой песка был снесен, и крыша машины отчетливо вырисовывалась с высоты полета вертолета.

Тут же было отправлено сообщение в Москву, и казахские власти услышали не историю о неисправных навигационных приборах, а тревожную новость об исчезновении пятерых российских милиционеров и одного казахского, которые действовали в рамках программы сотрудничества министерств обеих стран.

Одновременно группы «Астра» и «Бамбук» получили приказ готовиться к эвакуации.

14

В тот миг, когда Михаил застрелил раненого бандита, Сашка во второй раз ослабил внимание, подавшись всем телом в ту сторону, откуда раздалась очередь. Он напряженно вглядывался, пытаясь понять, что происходит. Он не опасался тех, что лежали на земле рядом с его ногами. Двое из них были ранены, а оружия не было ни у кого.

Так ему казалось до того момента, когда маленький казах вдруг что-то громко забормотал, брызжа слюной и корча рожи, словно поносил Сашку на чем свет стоит. Сашка повел стволом автомата в его сторону, угрожая, не более, а тут бородач внезапно вскинулся и воткнул Сашке в бедро невесть откуда взявшийся нож.

Сашка вскрикнул — больше от неожиданности, чем от боли. Он крутанулся к бородачу, целя автоматом ему в голову, но тут мужик в пиджаке взлетел с песка и ударил Сашку в живот. Оба повалились на песок.

Третий, маленький казах, который все и начал, вскочил на ноги, но не бросился добивать Сашку, он кинулся за своим автоматом, что лежал в трех метрах от него.

Именно в этот момент в их сторону повернулся Михаил. И крик застыл у него в горле. Кричать было поздно, пора было стрелять.

Он бросился вперед, слыша и чувствуя чуть позади спешащего Гвоздева. Маленький казах подхватил с земли свой автомат и тут же застрочил веером в сторону приближающихся Михаила и Гвоздева.

Михаил рухнул как подкошенный, услышав недовольный визг пуль над головой. Торопливо нацелил автомат и, со сладостным желанием стереть маленького ублюдка с лица земли, нажал на курок. Казаха отбросило назад, он покатился по песку, крича, но с каждой секундой все тише и тише.

Михаил вскочил и понесся вперед, к Сашке, которого не было видно за навалившимся на маленького снайпера бородачом. Мелькнул в драке окровавленный нож, а потом Михаил схватил бородача сзади за горло, вздернул вверх и толкнул на джип. На долю секунды глаза бородача встретились с глазами Михаила, а потом между бровей бородача уперся ствол «ОЦ-12», Михаил нажал на курок, и на простреленную дверцу джипа брызнули кровь и мозги.

Сашка лежал на земле, широко раскрывая рот, словно выброшенная на берег рыба. Он что-то хотел сказать, но Михаилу было не до него. Тип в кожаном пиджаке оказался уже в сотне метров от джипа и стремительно удалялся прочь, сжимая в объятиях какой-то объемный предмет.

Михаил нацелился ему в спину, но автомат лишь щелкнул вхолостую. Выругавшись, Михаил

подобрал автомат маленького казаха, пробежал вслед «кожаному пиджаку» метров двадцать, а потом дал длинную, до последнего патрона в магазине, очередь.

Мужчина в кожаном пиджаке споткнулся и упал. Потом поднялся и пошел дальше, но уже медленно, прихрамывая, затравленно оглядываясь назад и по-прежнему волоча за собой непонятный предмет.

Это упорство «кожаного пиджака», не желавшего не только умирать, но и расстаться со своей поклажей, привело Михаила в состояние иступления. Он выхватил из кобуры пистолет и побежал в степь, за «кожаным пиджаком», стреляя на бегу. Где-то с третьего или четвертого выстрела Михаил поразил цель. Преследуемый медленно опустился на колени и лег лицом вниз.

Совсем так, как требовал пять минут назад Гвоздев.

Гвоздев.

Михаил замер. «Кожаный пиджак» темным пятном лежал на постылом песке. Стрелять больше было не в кого. Наступило время оглядеться.

Когда Михаил это сделал, ему стало не по себе. Он стоял один. Вокруг больше не было ни одного человека, который мог бы держаться на ногах.

Гвоздева тоже не было. И тогда Михаил рванулся назад.

И он увидел поочередно: маленький казах, раскинув руки, глядел в степное небо мертвыми глазами. Бородач, выше бороды которого практически ничего и не было, одна сплошная дыра. Сашка, быстро и неглубоко дышащий, потому что глубокие вздохи наполняли его тело острой сквозной болью.

А чуть дальше на песке лежал Гвоздев. Со строгим спокойным лицом. И маленькая дырочка на горле, под кадыком. На пару сантиметров выше бронежилета. Руку маленького казаха в последние секунды его жизни не иначе как направлял дьявол.

Еще в двадцати-тридцати метрах — Олег, у которого уже не сводило судорогой ноги. И его окровавленный рот больше не произносил слов. И не издавал стонов.

Потом еще Серега. Потом еще два ублюдка.

И — о господи! — эта рука: черная обгоревшая рука, которая торчала из песка страшными короткими пальцами, растопыренными, словно пытающимися схватить Михаила, последнего оставшегося в живых. Рука хотела утащить его с собой, в страну мертвых.

Михаил с ненавистью плюнул в сторону оторванной кисти. Правда, плевок получился не столь эффектный, как хотелось. Откуда взяться слюне в пересохшем рту человека, который за последние пять минут потерял четверых друзей и убил...

Сколько он там убил? Четверых? Или пятерых? Не важно.

Его правая рука все еще сжимала рукоятку пистолета. А что это за тяжесть в левой руке? Михаил с удивлением покосился влево.

Он держал в левой руке тот самый предмет, который со странным упорством волочил за собой

раненый «кожаный пиджак». Предмет оказался синей спортивной сумкой с надписью «Мальборо» латинскими буквами на боку. Сумка была тяжелой. Килограммов на десять-двенадцать.

Михаил, сам того не замечая, подобрал ее в степи и притащил обратно, к телам убитых. Вот это стресс. Он криво усмехнулся. Хотя веселого в его положении было мало.

Операция была провалена. Потери личного состава — восемьдесят процентов. Взято в плен — ноль. Ценной информации получено — ноль. Полный абзац.

Кровь колотилась в висках, заглушая все остальные звуки: ленивый посвист ветра и Сашкины стоны. Он стоял посреди степи с таким чувством, будто волею судеб остался последним человеком на земле. Он чувствовал усталость, опустошенность и разочарование. Солнце яростно светило ему в затылок, как будто старалось добить, уничтожить и его, заставить лечь рядом с остальными и больше не вставать.

— Черта с два, — буркнул он себе под нос, непонятно к кому обращаясь. Но передохнуть все-таки стоило. Он сел на песок, скрестив ноги в коротких десантных сапогах. Пистолет положил рядом. И посмотрел на сумку.

Что-то там должно было быть ценное. Очень ценное, раз так ухватился за нее человек в кожаном пиджаке. Михаил резким движением расстегнул замок «молнию».

Сверху лежали два промасленных свертка. Михаилу слишком много приходилось видеть в своей жизни подобного добра, и он догадался по очертаниям, не разворачивая: в одном свертке пистолет «ТТ», в другом пистолет-пулемет «борз».

Однако вся сумка не могла быть набитой оружием, иначе весила бы она куда больше. «Кожаный пиджак» далеко бы не убежал с такой тяжестью.

Михаил аккуратно выложил оружие. Затем поднял кусок полиэтиленовой пленки, на котором лежали свертки.

То, что он увидел, заставило его закрыть глаза. Выждать несколько мгновений и снова поднять веки. Это не было миражом. Это не исчезло.

Он протянул руку и дотронулся до содержимого сумки кончиками пальцев. На ощупь это было точно так, как и должно было быть.

Михаил Шустров сидел в окружении десятка мертвых тел, посреди безлюдной степи. Его синяя майка была забрызгана чужой кровью.

А его пальцы медленно гладили плотную шершавую бумагу. Он был по-прежнему одинок, но теперь это было одиночество в компании примерно миллиона долларов, лежавших в синей спортивной сумке с надписью «Мальборо». И это меняло дело.

Это меняло абсолютно все.

15

Находки продолжали сыпаться, как градины — одна за другой, и действие каждой было похоже на удар по голове.

За первым джипом был выкопан второй. У обеих машин были выбиты стекла, а борта были испещрены дырками от пуль. Темные пятна на сиденьях, по всей видимости, были кровью.

Но это были не те машины, на которых прибыла группа «Верба». Возникла надежда, что все еще не так плохо.

Через пару минут, когда было обнаружено укрытие для машин «Вербы», эта надежда приказала долго жить. Потому что, кроме одного джипа, в замаскированной яме обнаружили и два мертвых тела.

Из двоих мужчин, умерших явно не своей смертью, командир спецназовцев узнал одного: командира «Вербы» Гвоздева, чью фотографию ему ночью прислали по факсу из Москвы. Гвоздев погиб от пулевого ранения в горло.

Второй был человеком явно азиатского происхождения, казахом или киргизом. Его тело было сильно иссечено осколками гранаты, а правая кисть отсутствовала вообще.

А потом было найдено и укрытие самой «Вербы».

С этого момента дело взял на контроль лично министр внутренних дел.

Момент наступил около восьми часов вечера, а примерно на десять часов у нового министра была назначена необычная встреча в месте, известном как Зал Трех.

А в промежутке между восемью и десятью часами вечера на столе министра появилась новая информация из Казахстана. По слухам, циркулировавшим в окружении Сарыбая, на встречу в степи его представители ехали не с пустыми руками. Они везли крупную сумму денег — аванс за поставку наркотиков. Исчезновение этой суммы должно было взволновать Сарыбая куда больше, чем гибель посланцев.

По совокупности обстоятельств министр принял решение. И примерно в двадцать два сорок Директор постучал пальцем по обложке папки, которую принес с собой министр.

— Ваша ошибка. Все это — ваша ошибка.

Министр не спорил. Но эту ошибку требовалось исправить — быстро и незаметно. Об этом не должно было узнать правительство Казахстана, об этом не должны были узнать в России.

А еще через минуту Директор спросил:

— Живой или мертвый?

— Живой, — сказал министр. — Обязательно живой.

— Ладно, — сказал Директор.

16

— Миха... Миха...

Этот стон становился все сильнее, потому что Сашка медленно, испытывая дикую боль в ноге, в бедре, под мышкой и везде, куда только успел достать ножом бородач, полз к Шустрову, который недвижно сидел перед синей сумкой, словно погрузившись в транс.

— Миха! Да Миха же, твою мать!

Шустров вздрогнул и повернулся на голос. К своему искреннему удивлению, он обнаружил, что вовсе не является последним человеком на земле. И даже не является последним человеком на этом степном пятачке.

Михаил поднялся и подошел к раненому снайперу.

— Сильно зацепили? — спросил он.

— Не очень, — с наигранным оптимизмом сказал Сашка. — Все больше по ногам... И под мышку дотянулся, под бронежилет...

Михаил пристально осмотрел единственного оставшегося в живых партнера по заданию. В крови были не только Сашкины ноги, в крови было его лицо и левая рука в предплечье.

— Надо вызывать наших, — прошептал Сашка. — Олег, наверное, не успел... Вызывай наших, Миха. Я постараюсь продержаться.

— Угу, — задумчиво произнес Шустров, продолжая разглядывать Сашкины раны. Он думал о том, что после сеанса связи с Москвой пройдет часа полтора, прежде чем в небе появится вертолет. Судя по темпам потери крови, Сашка вряд ли протянет столько. В лучшем случае умрет не на земле, а в воздухе, по дороге домой.

Михаил внимательно всмотрелся в Сашкино лицо — бледное, осунувшееся. Губы были даже не розовыми, скорее белыми. Там, где они не были запачканы кровью.

— Ну, давай! — не выдержал Сашка этого осмотра. — Что ты вылупился?! Быстрее!

— А ты дотерпишь? — спросил Шустров. — Выдержишь до вертолета?

— А что мне остается делать?! — едва не заорал Сашка. — Что же мне еще остается делать?! — выпалил он и замолчал, задохнувшись от боли.

— Что делать? — Михаил медленным движением вытер пот со лба. Почему-то сейчас капли показались ему не горячими, а холодными, словно растаявшими льдинками. — Что делать, — повторил он уже без вопросительной интонации.

Сашка с удивлением смотрел на Шустрова, который выпрямился, упер кулаки в бедра и уставился куда-то вдаль, не обращая внимания на Сашку и вовсе не думая бежать за аппаратом спутниковой связи. Что-то было не так.

— А что это за сумка? — спросил Сашка. — Что в ней? Что ты нашел?

Он повторял свой вопрос раз за разом, а ответа все не было. Михаил не слышал его, погрузившись в собственные размышления. Отнюдь не легкие размышления.

Примерно равное расстояние отделяло Михаила в этот миг от распростертого на земле, истекающего кровью напарника и синей спортивной сумки. Пот катил по лбу и вискам, а солнце било в его коротко стриженную голову прямой наводкой. Ему казалось, что солнечные лучи прожигают его череп насквозь и поджаривают мозги — настолько сильной оказалась боль, внезапно наполнившая голову Михаила.

Он находился в таком состоянии, когда трудно, невозможно было рассуждать, и он просто

фиксировал объекты вокруг себя. Тяжело раненный напарник, синяя сумка, два джипа в укрытии.

Таковы были условия задачи. Больше ничего не существовало сейчас для Михаила. Напарник, сумка, джипы. Михаил стоял в полном одиночестве. Никто не мог ему приказать. Никто не мог ему посоветовать. Решить задачу он должен был сам.

Напарник, сумка, джипы. Это напоминало детскую логическую задачу — как перевезти на другой берег козу, волка и капусту, сохранив всех троих в целости и сохранности. У той задачи было какое-то решение, а здесь...

Чем дальше повторял Михаил про себя условия задачи, тем очевиднее становилось, что одним из трех придется пожертвовать. И уж конечно, это не джип.

Не слыша настойчиво повторяемого Сашкой вопроса, Михаил шагнул вперед, положил в сумку два промасленных свертка и застегнул замок. Он сделал это осторожно и ласково, словно помогал любимой женщине застегнуть «молнию» на платье.

Солнце по-прежнему свирепствовало, но его жар уже не казался Михаилу таким изнуряющим.

Сумка. Джип. Все ясно и просто.

Ясно и просто.

17

— Ничего не понимаю, — сказал Бондарев, и он был абсолютно искренен в этот момент. — Вы ничего не путаете? Вы не забыли, где я? — он с недоверием покосился на мобильный телефон. В мобильном телефоне вроде бы слышался голос Директора, но этот голос говорил абсолютно неразумные вещи.

— Я все помню, — сказал Директор. — Но это важнее.

— Я заместитель начальника службы безопасности президента...

— И я рад за тебя, — перебил его Директор. — Мы все гордимся тобой. Информация, которую ты нам давал эти месяцы, — первый сорт.

— Ну так я ведь могу еще...

— Теперь есть дело поважнее.

— Я не понимаю.

— И не надо. Просто выполняй приказ.

— Почему я?

— Потому что ты ближе всего находишься. Время и так упущено, а я уже пять минут уговариваю тебя, как красну девицу!

Последние слова Директор прокричал в трубку, и Бондарев понял — что-то серьезное творится там, на севере. Непонятное, но серьезное.

— Там у вас в пяти километрах от города российская военная база, — говорил Директор. — Вертолет ждет тебя. Ради бога, не тормози, времени совсем нет...

Вот так и получилось, что однажды ночью заместитель начальника службы безопасности президента среднеазиатской республики вышел из дома и не вернулся. Его исчезновение сначала замалчивалось, а потом было объявлено происками местных подрывных элементов, врагов президента и агентов мирового терроризма.

Карьерный взлет Бондарева закончился.

18

Из той прикрытой сверху брезентом и присыпанной песком ямы, что служила «Вербе» жилым помещением, тела вытаскивали долго. Командир спецназовцев даже сбился со счета. Много тел, много оружия.

Когда все уже было извлечено и разложено на песке — оружие отдельно, мертвые отдельно, над точкой завис еще один вертолет. Оттуда спустился по лестнице высокий поджарый мужчина в рубашке цвета хаки с короткими рукавами и небольшим вещмешком за плечами. Судя по всему, он был еще более в курсе дела, чем командир спецназовцев. Он внимательно осмотрел всех мертвецов, заглянул в джипы, почесал в затылке и спросил командира:

— Это все?

— А что, мало? — удивился командир спецназовцев.

— Мало, — сказал мужчина, — И поздно.

— Что значит мало?

— Если я правильно понимаю, то там всего было пять человек плюс проводник-казах. Нашли трупы четверых наших. Произведем вычитание второго числа из первого и получим, что не хватает одного нашего человека и проводника.

— И одного джипа, — добавил командир спецназовцев.

— Конечно, — кивнул человек из вертолета. — А как же иначе отсюда выбраться...

— А что значит поздно?

— Это случилось много часов назад. Вчера, — мужчина вздохнул. — Черт побери, можно и не успеть...

После этого незнакомец забрался в свой вертолет, а тот понесся на северо-запад. Куда спешил мужчина с вещмешком, так и осталось непонятным.

Спецназовцам пришлось разбираться с теми, кто уже никуда не спешил. Москва приказала трупы своих погрузить в вертолет и вывезти в Барнаул. Трупы казахов должны были остаться лежать в степи до приезда местной милиции.

Так и поступили. Когда вертолет взмыл в воздух, командир спецназовцев посмотрел в иллюминатор на лежащие внизу тела и испытал нечто вроде смущения. Бросить трупы и улететь — как-то не по-людски это было... А с другой стороны — пусть каждый сам хоронит своих мертвецов.

На этой, куда более верной, мысли командир и успокоился. Он перестал смотреть в иллюминатор и стал думать о том, что купить жене на день рождения. Оставалось четыре дня — всего ничего.

Стадия третья:

Режим поиска

1

— Ну а теперь присядем на дорожку, — с грустным вздохом предложила тетя Ксения и опустила на табурет. Дядя Василий из-за прогрессирующего радикулита последовал ее примеру неспешно и едва успел коснуться тощими ягодницами стула, как тетка уже вскочила на ноги и бросилась в десятый раз целовать племянницу и повторять, что именно положено в сумку на дорожку и что следует передать на словах родителям.

«Достали», — подумала слегка утомленная затянувшейся процедурой прощания Наташа. Однако вслух ничего такого не произнесла, потому что, в принципе, и тетка Ксения, и ее муж, у которых Наташа провела две недели июня, были людьми радушными, заботливыми и симпатичными. Несмотря на свой достаточно солидный, по Наташиным представлениям, возраст — супругам было за пятьдесят, — они легко нашли с племянницей общий язык, не надоедали нравоучениями, напротив, предоставили свободу в таком объеме, в каком только о ней и можно было мечтать. Наташа уходила из дома после обеда и возвращалась глубоко за полночь после дискотеки или посиделок у подруги. Каждый раз ее ждал в холодильнике ужин, и каждый раз ни тетя, ни дядя не устраивали ей допроса по поводу столь позднего появления.

«Это не дома!» — радовалась Наташа в первые дни после приезда в Степной. Городок полностью оправдывал свое название, и с балкона третьего этажа Наташа могла любоваться желто-серой бесконечной степью, обложившей со всех сторон скученные невысокие домишки. Километрах в сорока на юго-восток начинался Казахстан, но граница была чисто символической — ни тебе пограничных столбов, ни вспаханной полосы, ни тем более пограничников с собаками. Все та же степь — что в России, что в Казахстане.

Оттуда же, с юга, тянулась железная дорога, и это придавало смысл существованию Степного. Станция давала работу нескольким десяткам людей, в том числе и тете Ксене, трудившейся на посту билетного кассира. Поэтому проблема обратного билета для Наташи не стояла.

Тетка сказала, что билет трудно достать не потому, что поезда идут переполненные, а потому, что поезда все проходящие и в самом Степном билетов продавали всего с десяток. То и дело появлялись слухи, что станцию вот-вот закроют, и тетка очень переживала по этому поводу.

Закончив наконец прощание в коридоре, тетка проводила Наташу на вокзал, благо идти было всего ничего — метров двести. Расстояния в Степном были крошечные, поэтому Наташа удивлялась, зачем горожанам машины, когда весь Степной можно пройти за пять-десять минут, а в соседний город проще и быстрее добраться на поезде.

На платформе тетка всплакнула и, размазывая слезы по щекам, приглашала приезжать на следующее лето и вообще не забывать стариков.

— Какие же вы старики, тетя Ксения? — не без лукавства спросила Наташа, успокаивая тетку. Конечно же, на самом деле они казались ей стариками, и потому Наташе особенно неуютно было стоять у вагона рядом с плачущей теткой. Две прошедшие недели были такими клевыми: каждое новое лицо в Степном немедленно привлекало внимание, а шестнадцатилетняя

девушка — отнюдь не дурнушка — тем более. Наташа наслушалась за это время и двусмысленных, и совершенно однозначных предложений, нацеловалась в укромных уголках и даже выслушала три признания в любви.

Она уезжала из Степного с ощущением собственной притягательности для мужчин, самоуверенная, юная, предвкушающая счастье во всех его проявлениях. Тетка Ксения с ее слезами была тут немного не к месту.

Поэтому, когда проводница завопила, что до отправления остается пять минут и посадка заканчивается, Наташа с облегчением выскользнула из родственных объятий и юркнула в вагон. За невымытым оконным стеклом тетка сразу же показалась далекой, остающейся в прошлом.

Вагон дернулся, поползло куда-то в сторону здания вокзала, и Наташа замахала тетке рукой. Та рванулась было вслед поезду, но быстро отстала.

— Фух, — сказала Наташа и потащила тяжеленную сумку, набитую в основном теткиними печеностями и соленьями, на свое место, в середине плацкартного вагона.

Как и говорила тетка Ксения, поезда ходили совсем не переполненные. В Наташином купе сидели только двое: молодой мужчина в темно-синей майке, дремавший у столика, и увлеченно читавшая «СПИД-инфо» дама лет сорока с химической завивкой не первой свежести на голове.

Наташа не без труда закинула сумку наверх и села рядом с молодым человеком, который во сне дышал глубоко и размеренно.

От нечего делать Наташа стала разглядывать своего спящего соседа. Он был похож на спортсмена — остриженный почти наголо, мускулистый. Обнаженные руки были перечеркнуты, словно красными черточками, двумя длинными царапинами.

Наташе было лень думать о возможном происхождении этих царапин. Она уставилась на обложку «СПИД-инфо», где большими красными буквами спрашивалось «Сколько женщин было у Валерия Меладзе?», и смотрела на нее еще минут пятнадцать, пока дама не оторвалась от чтения и не спросила подозрительно:

— Что вы на меня так смотрите?

— Тоже хочу знать, сколько было женщин у Валерия Меладзе, — ответила Наташа.

Соседка по купе насупилась: она не терпела, когда ей мешали заниматься чем-то приятным, а в данном случае — чтением «СПИД-инфо». Она задумалась, стоит ли дать соплячке гневную отповедь на тему «не приставай к незнакомым людям» или просто проигнорировать наличие этой пигалицы напротив. Победила первая точка зрения, и накрашенные полные губы уже раскрылись для произнесения необходимых слов, но тут динамик поездного радио кашлянул, взвизгнул, затрещал, а затем вдруг разразился маршем «Прощание славянки», причем звучало это словно сквозь подушку или как если бы трансляцию пытались заглушить специальными приборами неизвестные враги.

Дама в завивке застыла с открытым ртом, а парень в майке вздрогнул и открыл глаза. Повел он себя как-то странно: обвел быстрым пристальным взглядом купе, встал, вышел в проход, глянул в обе стороны и вернулся на свое место. Теперь он привалился спиной к стенке, скрестил руки на груди и повернул голову к окну.

Наташе такие причуды соседа не понравились, тем более что она заметила — парень в майке только изображал, будто любит красотами степной природы за окном, а на самом деле то и дело настороженно косился в сторону прохода.

«Нервный какой-то», — опасливо рассудила Наташа. Подумав, что такие мускулы в сочетании с такими нервами могут быть опасны для окружающих, она постепенно отодвинулась от соседа на край полки, а затем как бы невзначай переместилась на боковую нижнюю полку, благо там оба места были свободны.

Тут она почувствовала себя спокойнее.

2

В Степном было мало машин, и в основном это были старые модели советских времен — «Жигули», «Запорожцы», «Москвичи». Единственная в городе «девятка» принадлежала директору местного магазина. Начальник станции довольствовался «Волгой». На этом фоне появление в Степном иномарки, а именно джипа, не должно было остаться незамеченным, даже если водитель постарался его спрятать, оставив в укромном месте. В Степном было не так много укромных мест, и заинтересованные люди могли обыскать их за считанные минуты.

Таким образом, было совершенно естественным, что те, кто искал, нашли то, что искали.

Потрепанный временем и степными ветрами джип стоял во дворе покосившегося одноэтажного домика на окраине Степного. Забор был невысоким — стоило уцепиться за его верх и чуть подтянуться, чтобы увидеть машину. Это и было сделано.

Потом последовал удар ногой в калитку. Та с жалобным скрипом распахнулась, пропуская во двор неказистого домика четверых молодых мужчин. Собака, до этого лежавшая в будке, твякнула было на непрошенных гостей, но тот, что шел первым, скорчил в ответ зверскую рожу и так рывкнул на бедное животное, что оно тут же скрылось в своем убежище, не оправдав прибитую к калитке табличку «Осторожно, злая собака».

Тот из четверых, что шел последним, закрыл за собой калитку. Гости осмотрели джип и снаружи, и внутри, а затем подошли к открытому настежь окну дома. Из окна с любопытством поглядывал на происходящее в его дворе старик с темным от загара лицом и белой окладистой бородой. Опершись локтями на подоконник, он спокойно отнесся к тому, что четверо вплотную приблизились к нему.

Видя, что гости настроены серьезно, старик закрыл потрепанную книжку в мягкой обложке, которую читал до их появления. Предварительно он заложил недочитанную страницу бумажкой от шоколадного батончика.

— Слушаю вас внимательно, — сказал старик. В оконном проеме он выглядел будто какой-то чиновник, а четверо смотрелись пришедшими к нему на прием просителями, нерешительно мнущимися у окошка.

Заговорил самый маленький из четверых — ему приходилось задирать вверх подбородок, чтобы смотреть старику в глаза. Невысокий, кругленький, смуглый, с маленькими раскосыми глазками, он выплюнул изо рта жвачку, яростно почесал за ушами, кинул еще один взгляд в сторону джипа и спросил:

— Это чья тачка, старый? Твоя, что ли?

— А положим, что и моя, — невозмутимо ответил старик, хотя не было ничего в этом дворе более несовместимого, чем седовласый старец в окошке с белыми занавесочками и кактусами в горшках и джип — грязный, слегка побитый, но тем не менее стоящий не одну тысячу долларов.

Маленький захихикал, потирая круглые гладкие щеки, по которым словно никогда не проходила бритва. Из-за этого он иногда казался странным, не по годам полным ребенком.

— Шоколадки любишь? — сквозь смех спросил маленький, кивнув на закладку в стариковской книжке. — Зубки не заболят?

— А мне без толку уже беречься, — заметил старик. — Что с зубами меня похоронят, что без зубов — разница невеликая...

— Может быть... А вот с ушами тебя похоронят или без, тут уже есть разница, да?

— Может, и есть. Да тоже не больно серьезная.

— Да ну? Ты просто какой-то пофигист, дед, — даже с каким-то восхищением произнес маленький. — А тебе все равно — сдохнуть в положенный срок или прямо сейчас? — Он мотнул круглой стриженной головой в сторону стоящего рядом длинного узколицего парня, нижняя челюсть которого постоянно была чуть отвисшей, будто парень был не в себе. По жесту маленького узколицый казах жестом циркача извлек откуда-то складной нож, выщелкнул лезвие и одним лишь движением кисти отправил нож в полет.

Старик высунулся из окна и посмотрел, как дрожит рукоять воткнувшегося в стену ножа.

— А могла бы эта самая штука торчать у тебя в башке, дед, — пояснил маленький. — Ты уж лучше не выеживайся, а по-быстрому колись: откуда тачка, кто тебе ее притаранил...

— Иначе в башку, говоришь? — Старик дотронулся желтым ногтем до середины изборожденного морщинами лба.

— Запросто, дедуля. — Маленький ехидно усмехнулся и скрестил полные ручонки на груди. Трое остальных стояли за его спиной, мрачно глядя на старика.

— Ну ладно, ладно, что ж делать, — вздохнул дед, видя, что гости настроены серьезно. — Ну, допустим, не моя машина... И что теперь?

— Это мы и так знаем, — засмеялся маленький. — Мы даже знаем, что она появилась в твоём дворе сегодня утром.

— А раз вы такие умные, так чего же допытываетесь у старика? Да еще ножички свои швыряете куда ни попало?

— Кто тебе поставил во двор эту тачку?

— Парень какой-то.

— Какой парень?

— Почем же мне знать? Постучался парень. Говорит: «Можно мне машину у тебя во дворе поставить, дедушка?»

- А ты и рад до смерти?
- Не до смерти. Но рад. Потому как пенсию задерживают, и лишние копейки никогда не помешают.
- То есть он тебе заплатил?
- Ясное дело.
- И что сказал?
- Сказал, присмотри, дед, за моей машиной.
- И долго ты должен за ней смотреть?
- Этого он не сказал. Добавил только, что если он не появится, то могу машину себе забрать. Может, пошутил, а может...
- Как он выглядел? На морду как он смотрелся? Усатый, бородатый, лысый?
- Не, не лысый. Стриженный. Молодой такой парень. Одно могу сказать — не местный.
- А вещи у него с собой были?
- Вещи? — Старик задумался, и в эти мгновения все четверо неотрывно смотрели на него, ожидая слов, которые готовился произнести бородатый хозяин дома, и напряжение в четырех парах глаз было таким, словно от слов старика зависели судьбы всего человечества.
- Сумка была. Синяя такая, — наконец изрек старик. — Вот с ней он и подался...
- Куда подался?
- А я откуда знаю? Вышел со двора, да и подался...
- Ладно. — Маленький повернулся к остальным и быстро затараторил по-казахски. Все более заинтересовывавшийся визитерами старик лег животом на подоконник, прислушиваясь к разговору. До его ослабленного годами слуха донеслось что-то вроде: «Сумканы... вокзал кай жерде... канша...» [1]
- Ладно, — снова сказал маленький, уже не глядя на старика, и торопливо зашагал к калитке. Остальные потянулись за ним, только узколицый подошел к окну. Старик стал быстро сползать по подоконнику назад в комнату, ожидая от типа с отвисшей челюстью самого худшего, но тот всего лишь выдернул из стены свой нож, убрал его в карман и поспешил к калитке, бросив старику через плечо:
- Рахмет, аке [2].
- Всегда пожалуйста, — сказал старик и, спохватившись, крикнул вслед уходящим: — А машину-то берете? Эй, орлы?
- Оставь себе, — ответил на ходу маленький.
- Ну, спасибо, — удивленно произнес старик.

Покрутив головой, он вышел во двор, закрыл за гостями калитку, поставил чайник на огонь и вернулся к прерванному занятию: раскрыл книжку и продолжил чтение вслух — так легче воспринималось написанное.

— ...вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять меч с земли, и чтобы убивали, дан ему большой меч...

Мало кто приезжал в Степной, но пару лет назад занесло в городок проповедников-баптистов, что подарили деду Библию. С тех пор он почти каждый день читал ее, не всегда понимая смысл, но ощущая одно — произнесение вслух священных текстов наполнило его жизнь каким-то непоколебимым покоем, так что свирепые казахи могли сколько угодно метать ножи в стену. Нарушить спокойное течение жизни этого дома им было не под силу.

Но это и не входило в планы четверых мужчин, только что покинувших двор престарелого читателя Библии. У них самих был утрачен покой, и, видимо, на долгий срок.

Едва не бегом они ринулись к своей машине — а это был совершенно диковинный для Степного новый джип «Крайслер», темно-красный, сверкающий на солнце, будто только что из автосалона, будто не пришлось джипу за последние сутки хорошенько побегать по степи.

Заревел двигатель, громче и мощнее ста восьмидесяти лошадей, и джип рванул с места, оставив после себя облако пыли.

Старик услышал этот звук и покачал головой:

— Ну и дела...

Не часто с ним в течение одного дня случалось такое количество событий. Пожалуй, что и не было никогда такого.

Однако это было еще не все.

3

Вопреки первому впечатлению дама с «химией» на голове оказалась вовсе не злой стервой. Это выяснилось, когда стали разносить чай.

— Подсаживайся ко мне, — предложила женщина, доставая сумку солидных размеров, пахнущую съестным.

— Что вы, спасибо, — немного удивленно сказала Наташа.

— Не стесняйся, у меня тут слишком много всего, — настаивала женщина. На столе один за другим появлялись целлофановые пакеты, в которых угадывались курица, вареные яйца, помидоры, булка, полпалки копченой колбасы и еще какие-то баночки. Наташа подумала, что это действительно «слишком много», но разделять трапезу не торопилась, поскольку помнила о своей собственной набитой доверху сумке.

— Тебе как раз надо поправляться, — продолжала уговоры женщина. — Это я на диете, а тебе можно...

Но тут же она, похоже, напрочь забыла о диете и принялась поглощать свои припасы, любезно разрешив Наташе полистать «СПИД-инфо». По радио хрипела «Виа Гра» — кассету крутили

уже по второму разу, и плохое качество записи нисколько не огорчало даму с «химией», которая негромко мурлыкала в такт музыке, успевая при этом еще и обсасывать куриные косточки.

Наташе при такой жаре была противна сама мысль о еде, и она неторопливо листала страницы газеты на своей боковой полке. Наверное, парень в майке тоже не был голоден. Он отказался от чая и проигнорировал предложение соседки угоститься колбасой и яйцами. Парень в синей майке посмотрел на Наташу, решил, что та окончательно перебралась на новое место, переложил свой матрас с верхней полки на нижнюю, застелил его простыней и улегся сверху, не раздевшись.

Наташа бросила на соседа взгляд поверх страниц и убедилась, что парень только прикидывается спящим: его веки чуть дрожали. Он был напряжен. Он явно чего-то ждал или чего-то опасался. Оставалось только сожалеть о неудачном соседстве.

И еще одно — чтобы окончательно отдалиться от подозрительного соседа, стоило перетащить сумку с третьей полки купе на боковые места. Но чтобы сделать это, нужно было встать на нижнюю полку, то есть потревожить прикидывающегося спящим соседа. А этого Наташа делать не хотела.

Оставалось изредка поглядывать на свою поклажу, стоявшую рядом с багажом соседа — синего цвета спортивной сумкой, на боку которой грязно-белыми буквами было написано «Мальборо».

вернуться

1

Сумка... где вокзал... сколько (казах.).

вернуться

2

Спасибо, отец (казах.).

Наташа утешала себя тем, что ехать оставалось не так долго — в ее родной Новоудельск поезд прибывал в половине второго ночи. От железнодорожного вокзала пятнадцать минут на маршрутном такси — и дома. Теткины пирожки не успеют испортиться.

4

Жара и приносящиеся то и дело из степи пыльные ветра вводили жителей Степного независимо от возраста и занимаемой должности в состояние вялого равнодушного созерцания. Неподалеку от мэрии на лавочке сидел милиционер, утомленный солнцем, и лениво обмахивался форменной фуражкой, когда рядом остановился высокий загорелый мужчина.

«Не местный», — подумал милиционер, не прекращая двигать рукой.

— Сержант, — произнес мужчина голосом жестким, как гусеницы танка. Милиционер инстинктивно едва не подпрыгнул с лавки, чтобы вытянуться по стойке «смирно», но вовремя

спохватился — чужак был одет в штатское.

— Сержант, не спите, — сказал мужчина, и милиционер понял, что время его послеобеденного отдыха закончилось.

— А в чем дело? — самоуверенным тоном начал милиционер, но чужак прервал его, и стальная интонация сбила с сержанта благодущие в один миг.

— Дело в том, что нельзя блюстителю порядка спать в центре города. Это во-первых. А во-вторых, блюститель порядка уже должен знать, что случилось в этом городе.

— А что случилось? — озабоченно спросил милиционер, поднимаясь с лавки. Он надел фуражку и обнаружил, что ее козырек смотрит чужаку чуть ниже кадыка.

— А ты не знаешь, сержант? Это плохо, — жестко сказал чужак, скрестив руки на груди и глядя на милиционера сверху вниз.

— Э-э-э... А кто ты такой, чтобы говорить мне, что хорошо, а что плохо? — нашелся наконец разморенный жарой и медленно соображающий милиционер.

— Я именно тот человек, который будет тебе говорить, что хорошо и что плохо, — отчеканил чужак. — А чтобы у тебя не было сомнений в этом, отправляйся-ка вон туда, — он ткнул пальцем в сторону мэрии, где также располагалось и городское управление внутренних дел. — Приведи мне своего начальника. Я буду с ним беседовать.

Почему-то у сержанта не возникло сомнений насчет того, имеет ли чужак право так помыкать им, а также пожелает ли начальник городской милиции покинуть кабинет с кондиционером и выйти на улицу, чтобы пообщаться с незнакомцем.

— Вперед, сержант, — сказал чужак, и сержант подумал, что таким голосом, вероятно, отдают приказ «На штурм!», «В атаку!» или что-то в этом роде. И он бросился к дверям мэрии.

Пять минут спустя он выскочил обратно, но уже вместе с начальником. Тот волновался, но пытался это скрыть. Подойдя почти строевым шагом к чужаку, начальник спросил:

— Это вы?

— А то кто же, — усмехнулся чужак. — Ну, докладывай, что у вас тут случилось?

— У нас? — Начальник с подозрением покосился на сержанта («Неужели этот придурок успел что-то ляпнуть?») Хотя что он мог ляпнуть, если самым распространенным преступлением в Степном были пьяные драки между супругами? Насколько понимал начальник, чужака интересовало несколько другое). — У нас вообще-то все тихо и мирно, — осторожно начал начальник. — Кривая преступности за первое полугодие пошла вниз, а по сравнению с прошлым годом...

— Ты меня с кем-то спутал, — сказал приезжий своим вызывающим дрожь голосом. — Мне твои бумажки и показатели на хрен не нужны.

— А что же тогда мы можем...

— Так ты не в курсе, капитан?

— Нет, мне просто сообщили, что надо оказывать всемерное содействие, а что конкретно

делать — я без понятия.

— Ладно, — махнул рукой чужак. — Оказывай свое содействие.

— Так что вы хотели...

— Я хочу знать, что сегодня случилось в вашем городе.

— Случилось? А разве что-то случилось? — Капитан снова подозрительно покосился на милиционера. — Шамшиев, разве что-то случилось? Какое-то ЧП? Почему я не в курсе?

— Да я ничего, — пожал плечами Шамшиев. — Ни о чем таком не слышат...

— Что-то должно было случиться, — уверенно сказал чужак. — Если вы это не заметили, то это заметили другие люди. Остается найти этих людей.

— Каких людей? — непонимающе посмотрел на чужака снизу вверх капитан.

— Людей с широко открытыми глазами. Которые замечают все странное. Все новое. У вас маленький городишко. Кругом степь. Поезда ходят редко. Все друг друга знают. Если появляется новый человек, его сразу же замечают. Тем более если этот человек отличается от других.

— Чем же он может отличаться?

— Он спешит. Очень спешит.

— И все?

— Нет, не все. У вас в городе очень мало машин, насколько я успел заметить.

— Точно, — кивнул капитан, — десятка два на ходу. Я их все знаю, — гордо заявил он.

— Я тоже их знаю, — подал голос Шамшиев, всем своим видом показывая, что в этом знании нет ничего особенного. — У нас все знают, у кого какая машина...

— Вот об этом и речь, — кивнул чужак. — И если бы вдруг здесь появилась новая машина, ее бы заметили мгновенно. Так?

— Конечно, — согласился капитан. — Шамшиев, ты видел сегодня какие-нибудь подозрительные машины?

— Нет, — замотал головой милиционер.

— Это неудивительно, — сказал чужак, и Шамшиев потупил взор. — Значит, надо найти людей, которые видели.

— А какая марка машины? — Капитан достал блокнот и ручку, приготовившись записывать.

— Это джип, — сказал приезжий. — Или два джипа.

— А откуда у нас тут взялись? — удивленно спросил Шамшиев. — Вдруг! Сразу! Два джипа!

— Из степи, — пояснил приезжий. — Оттуда. — Он махнул рукой на юг.

— Если они ехали через степь, то им первым делом понадобился бы бензин, — рассудил Шамшиев.

— И то верно! — подхватил капитан, радуясь, что наконец-то смог оказать приезжему «всемерное содействие».

— А бензоколонка у нас всего одна, — продолжил Шамшиев. — Больше им заправиться негде было...

— Отлично, — сказал приезжий и поднял с асфальта свой рюкзак военного образца. — Поехали на бензоколонку.

— Проще пешком дойти, — сообщил Шамшиев и торопливо зашагал впереди, показывая путь.

— Что хорошо в маленьких городках, — уже на ходу сказал приезжий, — так это то, что все как на ладони. Еще бы построить башню, типа пожарной каланчи, как раньше делали, да посадить на верхушку этой башни милиционера, например, Шамшиева. Увидел где непорядок — засвистел в свисток, погрозил дубинкой — вот и все дела.

— Нет, меня не надо на башню, — чуть поморщившись, отказался Шамшиев. — Я высоты боюсь. Я уж лучше так, по старинке, понизу, по земле...

5

Закончив с ужином, дама завалилась спать. Парень в майке продолжал прикидываться дремлющим, и лишь Наташа сидела за столиком, листая «СПИД-инфо» уже по второму разу, потому что других занятий не было, а ложиться спать не имело смысла — скоро Новоудельск. Стоянка там была короткой — шесть минут, поэтому полагаться на то, что проводница разбудит в нужное время, было рискованным.

«Дома отосплюсь, — подумала Наташа, перелистывая разноцветные страницы. — На то и каникулы, чтобы отсыпаться». Тем более что это лето было последним беззаботным летом в ее жизни. На следующий год она заканчивала школу, а следовательно, впереди вставал призрак неизбежной нервозности с экзаменами — сначала выпускные в школе, а потом вступительные. Наташа помнила, как тяжело все это далось старшей сестре Валентине, которая уже два года как училась в Волгоградском педагогическом. Но если Валентина еще имела перед собой более или менее ясную цель, то у Наташи за год до окончания школы в мыслях царил такая неразбериха, что родители и классная руководительница ужаснулись бы, если в узнали. К счастью, они не знали. На их расспросы Наташа с неизменно глубокомысленным видом отвечала: «Конечно, буду поступать!»

Однако никаких подробностей при этом не сообщала, так как и сама не знала, куда ее занесет через год и чем она собирается заниматься после школы.

«Ничего, как-нибудь образуется, — успокаивала она себя, — время еще есть». Точно она знала одно — из Новоудельска надо сваливать. К этому ее, как двумя годами раньше и Валентину, исподволь подталкивали мать с отцом, желавшие поскорее отправить дочерей в самостоятельную жизнь и хотя бы остаток лет провести в собственное удовольствие. К этому ее подталкивала и сама жизнь в Новоудельске — однообразная, скучная, предсказуемая. В последнее время Наташа стала ловить себя на мысли, что завидует уходящим на север поездам, тем, что увозили людей к большим городам. Поезда проносились мимо, и Наташе казалось, что вот так — с ревом и грохотом — мимо проносится жизнь, оставляя ее прозябать в этой глуши. Пока Наташа еще могла с этим смириться — но провести здесь лучшие годы

жизни? Никогда! На зимние каникулы она ездила к сестре в Волгоград и поняла, что ей просто необходимо вырваться из Новоудельска. Пример сестры более чем убеждал, хотя Валентина и жила не в Москве и не в Париже, а в общежитии Волгоградского педагогического университета. Но и это было потрясающе! Как показалось Наташе, Волгоград был раз в сто больше Новоудельска, в сто раз интереснее и веселее. Здесь ярче сияли витрины магазинов, громче играла музыка, здесь можно было пройтись по набережной и увидеть огромную реку — зрелище особенно впечатляющее для Наташи, выросшей среди степей.

И еще здесь была свобода. Свобода жить, как хочешь. Возвращаясь позже домой, Наташа потрясение рассуждала: «Если жизнь настолько лучше в Волгограде, то что же тогда происходит, скажем, в Питере? В Москве?» Ей вдруг стало больно и обидно, что красивая, сверкающая жизнь проходит мимо нее, такой молодой, привлекательной, неглупой. Это было несправедливо! Она хотела вырваться из дома и устремиться в далекую и прекрасную, как мечта, жизнь больших городов, хотела так, как не хотела ничего в жизни!

Сейчас, поздним вечером, в плацкартном вагоне поезда, который вез ее в Новоудельск, — снова, снова в Новоудельск, и никуда больше! — Наташа тоже думала об этом. Случайно или нет, но ее пальцы раскрыли «СПИД-инфо» на полосе, где серия цветных фотографий иллюстрировала статью о новой квартире модной телесериальной актрисы. Ванная комната, судя по снимкам, была размером с зал в квартире, где жила Наташа с родителями. Только в этом зале не было мрамора и таких светильников, как на фотографиях.

Наташа резким движением закрыла газету и едва удержалась от того, чтобы не скомкать ее и зашвырнуть под стол. Но она сдержалась, как сдерживала свою нелюбовь к родному городу все последние годы.

Наташа аккуратно положила газету на столик у изголовья похрапывающей дамы с «химией».

Вскоре в вагоне погас свет. Осталось лишь дежурное освещение больничного бледно-синего тона, отчего лица спящих пассажиров сразу приняли нездоровый цвет.

— В Новоудельске выходите? — спросила Наташу проводница, проходя мимо.

— Да.

— Прибываем в половине второго, — сообщила проводница то, что Наташа и так знала, зевнула и пошла дальше по вагону, поглядывая, чтобы не оплатившие постель пассажиры коварно не стянули под себя пыльные рваные матрасы.

В наступившем полумраке не было видно, заснул ли странноватый Наташин сосед или по-прежнему прикидывается спящим. Впрочем, за своими тоскливыми мыслями Наташа и думать забыла о парне в синей майке, что лежал неподвижно на спине, вытянув руки вдоль тела.

А парню в синей майке с двуглавым орлом и надписью «Россия» тем более было не до нее.

6

На бензоколонке заправлял пузатый мужик в шортах. Появление в его владениях гостей, пусть даже и в милицейской форме, заправщика обрадовало, и он немедленно вывалился наружу из своей будки, прихлебывая на ходу пиво из банки.

— Здорово, начальники, — приветствовал он Шамшиева, капитана и долговязого незнакомца.

- Здорово, Макс, — сказал Шамшиев. — Как дела?
- Так себе, — пожал плечами заправщик.
- Здесь был джип. Не из города, — сказал чужак, минуя всякие церемонии.
- Да, был. А откуда вы знаете? — удивился заправщик.
- Знаем, — важно произнес капитан. — Ты давай, рассказывай.
- Что рассказывать?
- Все.
- Приехал джип, — начал заправщик, — вон оттуда. — Он махнул рукой в степь.
- Сколько там было людей?
- Вроде четверо.
- Никого из них не знаешь?
- Никого, — замотал головой заправщик. — Не наши, не местные...
- Русские, казахи? На вид что они собой представляют?
- Ну, тут вам проще простого будет. Если вы их ищете, то быстро найдете. Рожи очень специфические, — сообщил заправщик и покачал головой, будто вспоминал людей из джипа, соглашаясь с собственными словами. — Все четверо — узкоглазые. Может, казахи, может, киргизы... Один такой маленький, кругленький. Не ходит, а перекачивается с места на место. Трое остальных нормального роста. Один сидел в солнцезащитных очках, другой воткнул себе в уши наушники от плеера и вроде как в отключке был. А третий будто немного не в себе — челюсть нижняя отвисла, как у идиота. — Заправщик состроил гримасу, показывая, как именно отвисла челюсть у человека из джипа.
- Чудная компания, — оценил незнакомец. — И что они хотели?
- Полный бак. Плюс две канистры с собой. Помыть машину — она вся в пыли была.
- И что дальше?
- Расплатились и поехали.
- Куда?
- Куда? — переспросил заправщик и зачесал в затылке. — А, ну точно! Сначала поехали по улице Дружбы, но где-то посередине затормозили...
- Покажи, — попросил незнакомец.
- Легко, — кивнул заправщик, сделал несколько шагов влево и вытянул руку. Прямая, как стрела, улица от бензоколонки просматривалась до самого конца.
- Остановились, и что дальше?

— Вышли из машины. Наверное, дорогу спрашивали...

— А дальше?

— Дальше я за ними не смотрел. Я же не знал, что тут у нас какие-то серьезные дела... Зашел в свою контору за пивом, а когда снова вышел, то их джипа уже не видно было... А с чего вообще такой переполох? Что это за типы?

Незнакомец оставил вопросы без ответа. Он положил заправщику руку на плечо и сказал:

— Пойдем-ка прогуляемся. Покажешь, где именно они останавливались.

— Так я же только примерно могу сказать...

— Примерно, примерно, — кивнул незнакомец и зашагал впереди. Заправщик, не без удивления сообразив, что оба милиционера подчиняются долговязому чужаку в штатском, покачал головой, подтянул шорты и неторопливо двинулся по улице Дружбы.

Пять минут спустя он остановился, задумчиво посмотрел вокруг и сказал не без сомнений:

— Вроде бы здесь...

— Ты уверен?

— Ну, примерно.

— Ладно. — Чужак огляделся, увидел по обе стороны улицы одноэтажные домики за невысокими заборами и приказным тоном произнес: — Ну, а теперь надо найти тот дом, куда заходили эти четверо. Дорогу они спрашивали или что еще...

— Мне можно вернуться? — осторожно спросил заправщик.

— Я скажу, когда можно будет вернуться.

— Понял, — смиренно кивнул Макс.

Капитан и Шамшиев двинулись по сторонам улицы, стуча в ворота и калитки, объясняя жителям ситуацию и расспрашивая их о четверых мужчинах азиатского вида, останавливавшихся здесь несколько часов тому назад.

Стук Шамшиева в деревянную калитку одного из домов долго не приносил никаких результатов, пока милиционер не решился самостоятельно поддеть планку запора, просунув в щель подобранный на земле осколок деревянной рейки.

— Тут один дед живет, — пояснил он свои действия незнакомцу. — Ничего не слышит...

Когда они вошли во двор, у Шамшиева челюсть отвисла почти так же, как и у описанного заправщиком типа. Между яблоней и деревянной будкой туалета стоял джип.

Если бы Шамшиев увидел на этом самом месте летающую тарелку, он, пожалуй, удивился бы меньше. Хозяйина дома, во дворе которого обнаружилась столь неожиданная находка, он знал уже лет двадцать. Поэтому трудно было предположить, что старик Добронравов, всю жизнь чуравшийся современной техники и даже не обзаведшийся телевизором, на старости лет ударился в автомобилизм, да не какую-нибудь развалюху поставил во двор, а самый что ни на

есть джип, аналогов которому в Степном не водилось.

— Ну и ну, — пробормотал Шамшиев, медленно приближаясь к машине. Позади него в калитку уже проникли один за другим незнакомец, капитан и заправщик Макс. — Ни хрена себе!

Шамшиев удивлялся еще и потому, что, навещая старика на прошлой неделе, не заметил тут никакого джипа. И даже если учесть некоторое количество выпитого по уже забытому поводу домашнего яблочного вина, то все равно никак нельзя было предположить, что Шамшиев не заметил заполнявший собой почти весь двор автомобиль. Оставалось только развести руками, что Шамшиев и сделал, одновременно повернувшись к суровому приезжему и растерянно хлопая ресницами, что должно было сойти за выражение наивности.

Капитан негромко кашлянул за его спиной, тоже изумленно вытаращившись на джип. Только приезжий, ни на секунду не забывая о своей миссии, забросил длинную мускулистую руку куда-то назад, уцепил за плечо осторожного заправщика и выставил его в первый ряд, прямо перед хлопающим ресницами Шамшиевым.

— Этот? — коротко спросил чужак.

Заправщик недолго колебался, пристально разглядывая машину.

— Не-а, — сказал заправщик.

— Как это? — удивился капитан.

— А вот как. Я же говорил — тот джип я сполоснул. А этот будто только что из степи — грязный, пыльный... К тому же это — «Чероки». А тот — «Крайслер».

— Вот черт! — Капитан расстроено сдвинул фуражку на затылок. — А куда же тот делся?

— Уехал, — сказал приезжий. — Чего же ему тут у вас делать? Заправился и дальше поехал. Ладно, давайте-ка по порядку. Если чего-то не знаешь или не понимаешь, надо всегда спрашивать у старших...

— Вот именно, — поддакнул капитан и свысока посмотрел на Шамшиева.

Однако приезжий имел в виду вовсе не милицейское начальство Степного. Он подошел к человеку, на которого до сих пор никто из четверых не обратил почему-то внимания. А старик Добронравов сидел себе у открытого окна, все с той же книгой в руках, сетуя про себя, что слишком уж много суеты получается с этой машиной. Не дом, а проходной двор. Так вот поневоле задумаешься: а стоит ли оказывать помощь ближнему своему?

— Чья это машина, отец? — спросил чужак у Добронравова. Старик со вздохом заложил книгу оберткой от шоколадки, чинно сложил руки на коленях и стал рассказывать. Чтобы у новых пришельцев не было оснований швыряться ножами и портить стены, старик не стал настаивать на том, что машина принадлежит ему, а сразу же перешел к появлению нынешним утром некоего молодого человека, который попросил Добронравова присмотреть за машиной. О полученной за эту услугу сумме старик разумно умолчал, поскольку в Степном милиция выполняла еще и функции налоговой инспекции.

— Оставил, значит, он здесь свою машину. Потом взял сумку и ушел, — закончил свой рассказ Добронравов.

— Обещал вернуться? — спросил капитан.

— Нет, — после паузы ответил старик. — Об этом разговора не было.

Капитан облегченно вздохнул — если бы неизвестный с сумкой собирался вернуться за машиной, то, скорее всего, приезжий распорядился бы оставить у старика засаду, что при кадровом некомплекте местного отдела внутренних дел заставило бы сидеть в кустах у сортира самого начальника. Да и вообще, ехали бы все эти подозрительные личности на джипах мимо Степного. И хлопот меньше, и населению спокойнее.

— А кто-то еще к вам сюда наведывался? — продолжал расспросы приезжий.

— Наведывался, — закивал старик. — Тоже, вроде вас, насчет машины выпытывали.

— Кто такие?

— А кто ж его знает? Имен с фамилиями не называли. Нездешние ребята. Один молоденький такой... Он со мной и беседовал. А остальные вроде как и по-русски ни бельмеса не смыслят. Стояли да молчали.

— Что вы им рассказали?

— Да вот все то же, что и вам. Ко мне редко гости наведываются, так я с любым завсегда рад поговорить. Все, что они хотели, то и рассказал. Про парня, что на машине приехал.

— А если хорошо вам подумать и вспомнить: какие именно вопросы они задавали? Что их особенно интересовало?

— Да все то же, что и вас... спросили, куда этого парня понесло. Так я же за ним не следил! Вышел за калитку, да и пропал с глаз.

— Ну а еще о чем спрашивали?

— Еще... — Старик задумался, пожевал губами и произнес не слишком уверенным голосом: — Еще спрашивали, как этот парень выглядит.

— Угу, — кивнул незнакомец, и глаза его стали серьезными.

— А еще спрашивали, были ли у него вещи! — торжествующе воскликнул старик, вырвав у прогрессирующего склероза еще одно воспоминание сегодняшнего дня. — Про вещи они спрашивали, вот про что...

— И что вы ответили?

— Чистую правду.

— То есть?

— Синяя сумка. У парня была с собой синяя сумка.

— Вы рассказали этим четверым все, что они хотели знать, а потом?

— А потом они сказали «спасибо» и ушли. Бормотали что-то по-своему... Что-то насчет вокзала. — На этом воспоминания старика закончились, и он устало замолк, дожидаясь, пока

визитеры уйдут.

— Конечно, конечно, — кивнул приезжий. — Машину-то он оставил. Как ему отсюда выбираться, кроме как на поезде... Где у вас тут железнодорожный вокзал, капитан?

— А вот сейчас, как выйдем, так направо... — начал объяснять начальник, но приезжий предложил:

— Лучше вы меня туда просто отвезите...

— Проще пешком, — сказал капитан.

— Тогда пешком.

— А что с этим? — показал капитан на джип во дворе Добронравова.

— Поставьте в свой гараж. Мне сейчас некогда с этим возиться, но потом машиной обязательно займутся.

На вокзале чужак не стал опускаться до бесед с кассирами и дежурными, а сразу направился к начальнику. Капитан торопливо шагал следом, насупив брови и пугая своим видом встречных знакомых.

Вокзальный начальник собирался идти обедать, но, после того как получил от насупленного капитана все необходимые разъяснения, согласился поголодать еще минут десять.

— Поезда, проходящие через Степной после двенадцати часов дня, — вот что меня интересует, — сказал приезжий. Вокзальный начальник предложил ему присесть в кресло, но долговязый отказался и разговаривал стоя, словно специально подчеркивал спешность и чрезвычайность дела. Глядя на него, не осмелился сесть и капитан.

— Вы, наверное, говорите о пассажирских поездах? — уточнил начальник вокзала.

— Естественно.

— Тогда... — Начальник склонился над расписанием поездов. — Тогда у нас есть два поезда: один проходил в половине первого на Оренбург. Второй — в три часа дня на Алма-Ату. Сейчас стоит еще один поезд, но он вас, наверное, не интересует...

— Да, остановимся на первых двух, — кивнул приезжий. — У вас есть график их движения? Надо определить, где они находятся в данный момент и какая ближайшая станция на пути следования каждого? Можете дать такую информацию?

— Конечно. — Начальник снял с полки толстую черную папку, пролистал ее, посмотрел на часы и сказал: — Пожалуйста. Алма-атинский поезд через полтора часа останавливается в Александровке. Оренбургский поезд... у него стоянка теперь только в половине второго ночи в Новоудельске. Устраивает?

— Вполне, — кивнул приезжий. — Вы, кажется, собирались идти обедать?

— Совершенно верно, — согласился начальник вокзала.

— Идите. Я пока воспользуюсь вашим телефоном.

— Хорошо, — кивнул начальник вокзала.

— Можете составить ему компанию, — предложил приезжий капитану милиции и недвусмысленно показал на дверь кабинета.

Оставшись в одиночестве, приезжий сел за стол начальника вокзала, пододвинул к себе поближе телефонный аппарат и набрал несколько цифр.

— Это Бондарев, — сказал приезжий. — Я на месте. Да, кое-что выясняется. Приятного мало. Что мне нужно? Сейчас мне нужно, чтобы вы встретили пассажирские поезда в Александровке и Новоудельске. Записывай номера... Для Александровки надо подсуетиться, времени мало осталось. Да. Это первоочередное. Зачем встречать поезда? Там может быть наш человек. Машину он бросил. Я ее нашел. Я вообще много чего нашел, но об этом не сейчас... И еще одна малоприятная деталь. Кроме меня, на хвосте у этого парня сидят еще четверо. Понятия не имею. Но хуже всего, что они идут впереди меня. И вполне возможно, что они сейчас уже в его поезде. Тогда не удивляйтесь, если в Александровке или Новоудельске вам придется снимать с поезда пару трупов. А я вам сразу сказал, что приятного мало.

Закончив разговор, Бондарев вытащил из рюкзака рацию, настроил ее и громко сказал в непререкаемой манере, которая выработалась у него за два месяца руководящей работы:

— Алё, гараж! Хватит спать! Готовь вертолет к вылету. Мне здесь больше делать нечего.

7

Ритмичный стук колес убаюкивал, но спать больше было нельзя. Те пятнадцать-двадцать минут, которые Михаил проспал в поезде днем, и так были большим риском, поскольку в его положении беглеца он обязан бодрствовать двадцать четыре часа в сутки, не теряя бдительности и быстроты реакций. Однако после многочасовой гонки по степи сохранять бодрость духа и ясность мысли оказалось трудновато. Он едва не заснул на скамейке железнодорожного вокзала в Степном, когда ждал поезда. А в самом вагоне уже не сдержался и, едва опустившись на жесткую полку плацкартного вагона, сразу погрузился в сон, из которого его вывело несколько минут спустя заоравшее вдруг радио.

С того момента Михаил держал себя в постоянном напряжении, внушая себе мысль о возможных преследователях, которые могут даже находиться в поезде. Это помогало не спать.

Драгоценную синюю сумку он забросил на третью, багажную, полку. Оттуда ее можно было быстрее достать, если пришлось бы уносить из вагона ноги, да и внимания к своему багажу он привлекал меньше, чем если бы сидел с сумкой в обнимку, боясь выпустить ее хоть на минуту. Сумка стояла на виду у всех, что, как известно, является лучшим способом спрятать вещь.

Лежа на полке и чуть прикрыв глаза, Михаил наконец-то мог поразмыслить о своих будущих действиях. Не о том, что случилось, нет. Об этом он не думал, потому что знал — в таких ситуациях надо думать не о том, что случилось, а о том, как выкручиваться из создавшейся ситуации. При воспоминании о содеянном Михаила сразу прошибал пот, будто он все еще находился под палящим степным солнцем, а не ехал в плацкартном вагоне пассажирского поезда, где неизбежную духоту скрашивал слабый поток свежего воздуха из приоткрытого окна в соседнем купе.

Углубляться в подробности случившегося Михаил не хотел. Он размышлял о будущем. О том, что ему надо сделать, чтобы выйти из этой истории живым и невредимым. Желательно с синей сумкой.

Было забавно думать, что все его умение, годами вбивавшееся в разум и мышцы многочисленными инструкторами, пригодилось ему именно для такой цели. Ему предстояло использовать все свои знания и умения, чтобы убежать от своего собственного ведомства. В этом были свои плюсы и свои минусы.

Минус был в том, что в подразделении, где служил Михаил, дураков не держали. Там обязательно во всем разберутся и пустятся по его следу. И постараются его найти. Хорошо постараются.

Плюс заключался в прекрасной осведомленности Михаила о методике действий своих коллег в таких случаях. Свои все-таки.

Конечно, первым делом рванутся к жене. Оставят засаду на квартире. Прижмут других родственников, друзей. Начнут выпытывать — когда это Шустров М. И задумал такое? Не советовался ли с вами, разрабатывая план своего страшного преступления?

И как трудно будет поверить им — да и не поверят они никогда, — что не было никакого плана. Не было никакой подготовки. Не поверят, что ехал Шустров М.И. в очередную командировку совершенно без всяких задних мыслей и коварных планов. Втайне надеялся вернуться пораньше, чтобы успеть на свадьбу к племяннику в Люберцы. Только вот не успел. И уже никогда не успеет. И не увидит больше племянника. Потому что Гвоздев подставил свое горло под пулю и не смог вправить подчиненному мозги, когда это было нужно.

Потому что солнце своими жаркими лучами воспалило Михаилу мозги. И показалось ему, что не существует в мире человека, который, оставшись наедине с миллионом долларов, не сделал бы то же самое. Не сделал бы тот же выбор.

А именно — порвал с прошлой жизнью и начал новую. Разрыв означал следующее: Михаил выщелкнул обойму пистолета, увидел там еще четыре патрона и вставил ее обратно. Он не смотрел в глаза Сашке — это было бы слишком жестоко. Он даже в уме не произносил этого имени. Просто — напарник. Так проще. Напарник, с которым у него так и не сложились отношения. Вероятно, они были слишком разные. Большой и маленький. Мускулистый и худощавый. Здоровый и истекающий кровью.

«А ведь он не дотянет, — снова подумал Михаил тогда, настойчиво приучая себя к этой мысли. — Вон сколько крови уже вытекло...»

Сашка удивленно посмотрел на пистолет в руке Шустрова. Это было невероятно, но ствол пистолета опускался к его голове.

— Миха... — прошептал Сашка, и это было его последнее слово.

8

Темная тень вертолета скользила по степи, и казалось, что это путь без начала и конца: позади оставался такой же безликий и унылый пейзаж, что и лежащий впереди. Бондарева утешало одно — все-таки получалось, что они постепенно продвигаются на север, а значит — ближе к дому. На этот раз путь домой у Бондарева выдался особенно извилистым.

Все началось зимой, когда на Чердаке, то есть на верхних этажах бетонной башни, где располагалась. Контора, было принято решение ликвидировать Акмаля. Бывший офицер турецкой разведки последнюю пару лет находился в свободном полете, только вот эти полеты становились все более вызывающими, все более опасными. Фактически Акмаль набрал

собственное подразделение и за хорошие деньги продавал услуги своего подразделения разным замечательным людям. Среди этих людей регулярно оказывались арабские нефтяные магнаты с террористическими наклонностями, спецслужбы некоторых стран или просто международные преступные группы, которым не хватало квалификации в определенных видах вооруженного насилия.

После того как Контора несколько раз пересеклась с Акмалем и его людьми, было решено успокоить этого резвого молодого человека. Учитывая его связи по старому месту работы и родственные отношения с несколькими высокопоставленными турецкими чиновниками, убирать решили чужими руками. Бондарев должен был встретиться с неким Мурадом, чей брат был замучен людьми Акмаля примерно за год до того. На Чердаке считали — и Бондареву это казалось разумным, — что Мурад горит желанием отомстить за смерть брата и, таким образом, сделает за Контору ее работу. Однако Мурад подкачал, и Бондареву, разочарованно отметившему упадок традиций кровной мести, пришлось самому вышибать Акмалю мозги. Грязно, отвратительно... Как и всегда в таких случаях.

Распутавшись с этой ситуацией, Бондарев хотел было немедленно отправиться домой, но тут возник этот хозяин ресторана с его предложением, от которого Директор не смог отказаться. Невзрачный ресторан с покосившейся вывеской, видимо, служил местом встреч различного рода темных личностей, где слово хозяина служило определенной гарантией. Бондарев такую гарантию получил, и когда он позвонил Директору и намекнул на то, какой пост ему может обломиться, Директор пришел в дикий восторг. Он приказал Бондареву непременно соглашаться, а это означало, что возвращение Бондарева домой задерживается на неопределенный срок.

Это было неприятно, но больше Бондарева тогда беспокоило другое. До посещения стамбульского ресторанчика он учился, работал, выполнял сложные и опасные поручения, снова учился... А оказывается, надо было всего-то убить пять человек на глазах нужного шестого человека — и вот вам невиданный взлет карьеры. Что-то явно было не в порядке — то ли с Бондаревым, то ли с этим миром.

Но если в вопросах мирового порядка могли быть еще какие-то сомнения, то не было сомнений, что на этом своем новом посту Бондарев может принести очень много пользы Конторе. С одной стороны, это было хорошо, с другой стороны — означало, что Конторе выгодно, чтобы Бондарев сидел в этой должности как можно дольше. Хоть до самой смерти.

И вдруг все изменилось. Позвонил Директор и велел все бросать, садиться на вертолет и лететь на границу России и Казахстана искать какого-то парня из спецназа МВД, который то ли спятил после гибели своего подразделения, то ли, наоборот, сам эту гибель устроил.

Бондарев был рад свалить из президентского дворца, но, кроме радости, где-то должна была быть и логика... Пока Бондарев ее здесь не видел.

Поэтому он предпочитал не ломать голову над смыслом операции, а сосредоточиться на фактах. Факты особенно не грели. Заранее было ясно, что шансы отыскать невесть куда сгинувшего Михаила Шустрова, а также казахского милиционера Джуму невелики. Слишком много прошло времени после загадочных и кровавых событий на точке «Верба». Слишком много путей открывалось из казахской степи для беглецов: близко Узбекистан, Киргизия, Китай... Да и до Афганистана с Ираном не так далеко, если есть надежная машина, деньги и желание скрыться.

Шансы найти пропавших людей были невелики, но все же они существовали.

Бондарев был на месте разгрома группы «Верба», смотрел на тела, облетел, почти прижимаясь брюхом вертолета к земле, этот район. И он нашел. Слабые, едва заметные, почти стертые ветром и песком следы шин. Следы джипа.

Эти следы вели на север, к российской границе. Это было странно, потому что Бондарев, всегда ставивший себя на место преследуемого, рассудил, что проще всего было двинуть на юг, где и границы были попрозрачнее, и легче затеряться в малонаселенных горных районах. Но следы вели на север, и Бондарев, пожав плечами, скомандовал вертолету лететь к границе.

Так он прибыл в Степной, где при помощи местных милиционеров отыскал джип, но не тот, который оставил ему следы в степи. Бондарев внимательно осмотрел покрышки «Чероки», что нашелся в саду у старика, но был вынужден признать — не то.

Он запросил Москву насчет номерных знаков, и оттуда сообщили, что найденный Бондаревым автомобиль — один из двух, что были предоставлены группе «Верба» казахской стороной для поездки в степь. Один джип так и остался в выкопанном и замаскированном укрытии, а вот второй отыскался гораздо севернее.

Бондарев понял, что он идет по верному следу. Но идет не один. Люди, ехавшие на джипе «Крайслер» с юга уже позже «Чероки» и оставившие Бондареву подарок в виде следов шин, делали то же, что и он, — искали Шустрова. И делали это неплохо.

Это не могли быть казахские спецслужбы: те всегда вводили русских в курс дела. Да и не успели бы казахи так быстро сориентироваться в ситуации.

Значит, это были люди Сарыбая. То, что называется «группа прикрытия». Они не дождались в условленном месте своих приятелей, что возили деньги, и забеспокоились. И поспешили разобраться, в чем дело.

А потом уже не могли остановиться вплоть до самого Степного.

Бондарев надеялся, что, используя вертолет, он сократил разрыв во времени между ним и «Крайслером». А «Крайслер» мчался вдоль железнодорожных путей, стараясь догнать поезд.

Бондарев не стал пока продолжать погоню: вертолету была дана команда лететь на заправку в ближайший военный авиаотряд. Пока вертолет заполнял баки, Бондарев тщательно пережевывал жестковатый гуляш в офицерской столовой и ждал сообщений.

Сначала ему позвонили из Александровки. Ни Шустров, ни Джума обнаружены не были.

Бондарев не торопился. Он остался ночевать в местной гостинице. Около двух часов ночи его разбудил телефонный звонок.

— Новоудельск на проводе, — услышал он в трубке и по голосу звонившего понял, что пора одеваться. — Задержали поезд... В общем, один убитый. Такая история тут...

— Можешь не продолжать, — оборвал его Бондарев. — Скоро буду...

Он бросил телефонную трубку, схватил вещмешок и кинулся к вертолету. Шнурки на кроссовках он завязывал, когда уже заработали моторы и лопасти вертолета стали описывать первые медленные круги.

Шустров вспомнил о Джуме, когда отъехал от точки «Верба» километров на пятьдесят. И немудрено — последние двадцать минут казах преспокойно лежал в укрытии, не попадаясь Михаилу на глаза. И в кошмарном сне Джуме не привиделось бы то, что происходило над ним в реальности. У Михаила даже не возникло мысли о том, что надо как-то разобраться с казахом. Джума, как думал Михаил, не представлял для него никакой опасности. Провалается еще часок без сознания, потом выберется из своей ямы — и что?

Вполне возможно, что крыша у него поедет от увиденного. Вот и все последствия.

И Шустров совсем выкинул Джуму из своей головы.

Джума между тем понемногу приходил в себя. Он совершенно не помнил, что с ним случилось и каким образом он попал в укрытие, на брезент. Да еще эта головная боль...

Неужели солнечный удар? Вот позорище-то перед русскими! А он им еще рассказывал, как американцы в местный климат не въезжают...

Джума минут пять выжидал, пока голова перестанет кружиться с перезвоном карусели из Парка культуры и отдыха имени Абая, и полез к выходу.

И снова удивился, потому что уже смеркалось. И никто из ребят почему-то не попадался ему на глаза. Он поднялся на холм и замер.

Ему показалось, что все это — продолжение сна. Увиденное было слишком кошмарно и неожиданно. Джума увидел две машины и тела людей вокруг. А потом еще одну машину и людей, которые из нее выходили.

Эти люди были живые. Но незнакомые. Джума молча ждал, когда они поднимутся на холм к нему, а потом молчал уже по другой причине — первый из поднявшихся с каким-то странным выражением в глазах, словно взятых им у мертвого человека, вместо «здравствуйте» или «как поживаете» врезал Джуме прикладом автомата в лоб. Джума рухнул наземь и еще на несколько минут погрузился в темноту.

Когда он пришел в себя, вокруг сидели четверо незнакомцев с оружием. Все смотрели на Джуму, мягко говоря, нелюбезно. Джуме даже показалось, что они настроены враждебно.

Маленький полный паренек с неуместной улыбочкой на губах посмотрел Джуме в глаза и спросил:

— Мент?

Спросил ласковым приятным голосом, словно состоял в добровольном обществе помощников правоохранительным органам. Но новехонький карабин «ремингтон», которым поигрывал этот круглолицый малыш, настраивал Джуму совсем на другое. «Ремингтоном» можно было снести человеку голову, словно она там никогда и не росла.

— Мент? — уже жестче спросил паренек и швырнул на песок перед Джумой его собственное удостоверение. Джума не подозревал, что у него, единственного из этих людей, включая убитых русских и казахов, были настоящие документы. Отпираться было бесполезно. Джума собрал все свое мужество, посмотрел на малосимпатичные рожи перед собой и кивнул.

— Твое чистосердечное признание смягчит способ, которым мы тебя убьем, — сообщил маленький. — Можешь радоваться, мусор.

Джума взглянул в темнеющее небо и подумал о том, что ему надо было все-таки выучить пару молитв. Как раз на такой случай. Потом он подумал, что надо прыгнуть на маленького гада и вцепиться ему в горло, да покрепче, тогда его просто застрелят и не будут мучить. Джума был наслышан о том, как люди наркомафии расправлялись со своими врагами, в том числе с милиционерами. Иногда процедура казни длилась несколько суток. Бандиты Сарыбая славились особенной изобретательностью.

— Мент, — мягко сказал Малыш, — скажи, что у вас здесь стряслось? Кто кончил наших людей? Кто кончил джанабаевских людей? Что это за парни еще тут валяются? Что тут за ямы нарыты? Говори, не стесняйся. Чем дольше будешь говорить, тем дольше будет длиться твоя жизнь.

Джума молчал. Какой смысл говорить, если тебя все равно зарежут, как барана?

Парень со стеклянным взглядом, тот, что треснул Джуму автоматом, внезапно затараторил что-то на диалекте — Джума понимал только каждое второе слово. Малыш внимательно выслушал и перевел взгляд на Джуму.

— Мой друг хочет посмотреть, что там у тебя внутри, — сказал он и играючи ткнул Джуму в живот дулом карабина. — Какого цвета у тебя кишки. Говорят, у ментов они синие. Я тоже любопытен, как и мой друг. Но больше, чем цвет твоих кишок, меня интересует вопрос: кто здесь был и куда он ушел?

— А разве кто-то ушел? — удивленно спросил Джума.

— Ушел. Если точнее, то уехал. Пешком тут далеко не уйдешь.

— Я не знаю, — развел руками Джума. — Я там валялся, плохо мне было, задремал...

— Плохо тебе еще не было, — возразил Малыш. — Плохо тебе будет. Ладно, я тебя настрою на нужную волну. Это русские, да? С севера приехали, да?

Джума подумал, что отрицать очевидное — глупо. Он кивнул.

— И вы сидели тут в засаде, да? Накопали себе укрытий, да? А ты с русскими ментами компанию водил, так? — Малыш говорил таким тоном, что Джуме и отвечать не нужно было. Малыш и не спрашивал, он фиксировал очевидные факты.

— Так, — сказал Джума на всякий случай. В глубине души он надеялся на быструю и безболезненную смерть. Если только такая бывает.

— А кто забрал деньги? — спросил Малыш и прищурился. — Кто?

— Деньги? — Джума понимал, что выглядит сейчас полным болваном, но ничего другого произнести не мог. — Какие деньги? Они говорили, что ловят одного русского, который убежал в Казахстан...

— Иди и посмотри на людей, которых убили твои друзья! — жестко сказал Малыш. — Где там русские? Там все твои братья казахи. Русские убили их и забрали их деньги. Это называется грабеж. И ты знаешь, как следует поступать с ворами и помощниками воров. Ведь ты помощник, так?

— Нет, — негромко, но твердо сказал Джума. — Вором я никогда не был и не буду.

— Хватит с тебя того, что ты мент, — с сожалением посмотрел на него Малыш. — Откуда приехали эти русские? Сколько их было?

— Наверное, из Москвы, — ответил Джума. — А было их пятеро.

— Ага! — обрадовался вдруг Малыш. — Пятеро... А осталось их здесь только четверо.

Он коротко пояснил ситуацию своим друзьям и снова обратился к Джуме:

— Вставай. Посмотришь на тех русских и скажешь, кого здесь нет.

Это было тяжкое испытание. Джума еще никогда не видал стольких мертвецов сразу. Причем четверо из этих убитых еще час назад разговаривали с ним, вместе с ним ели, вместе с ним спали. Командир Гвоздев, Серега, Олег, Сашка...

— Одного нет, — согласился Джума. — Высокий такой парень. Сильный. Миша зовут.

Внезапно он понял, как ему следует себя вести. Он увидел выход из этой безвыходной ситуации.

— Вы будете его искать? — быстро спросил он. — Вы не знаете его в лицо. А я знаю. Как только я его увижу, я вам его покажу. Без меня вы его не найдете. Он хитрый. Если он взял ваши деньги, то он будет хорошо прятаться. Я, только я знаю его в лицо...

— Заткнись, — сказал Малыш. — Я подумаю.

Он думал примерно минуту. Потом подозрительно посмотрел на Джуму и спросил:

— И куда этот Миша двинулся, как ты думаешь?

— Не знаю. — Джума пожал плечами. — Наверное, туда. — Он махнул рукой на север.

— Естественно, — пробормотал Малыш. — Оттуда пришли, туда и ушли...

Парень со стеклянным взглядом опять что-то затараторил, показывая на часы и на заходящее солнце.

— Успеем, — сказал Малыш. — Направление мы знаем. Надо только тут прибраться. Нехорошо так все оставлять, в беспорядке...

Он сходил к своей машине, джипу «Крайслер», и принес Джуме лопату.

— Держи.

Джума сжал древко и почувствовал сильное желание раскопать лопатой круглую голову Малыша. Но посмотрел на «Калашниковы» в руках остальных и сдержался.

— И что мне делать? — спросил Джума.

— Наведи порядок, — приказал Малыш. — Чтобы ничего на поверхности не валялось. Машины, люди... Все — под песок. И быстро.

Джума неторопливо поплевал на ладони и услышал маленькое добавление от Малыша:

— Не справишься за час — я тебе кисти рук отрежу, раз они у тебя такие неумелые. Ведь руки тебе не нужны, чтобы опознать Мишу?

Еще никогда в жизни Джума так быстро не вгрызался лопатой в почву. Он не знал, уложился ли он за отпущенный ему час, но когда «Крайслер» тронулся с места, а Джума занял место на заднем сиденье, сжатый с двух сторон бандитами, обе кисти были у него на прежнем месте.

И он очень этому радовался.

10

Больше всего Михаила интересовало, насколько он оторвался от преследования. В том, что преследование существует, он не сомневался. Прошло уже больше суток, а он знал, что через определенные промежутки Гвоздев обязан был подавать кодовый сигнал на спутник, извещая, что все в порядке. Отсутствие сигнала должно было поставить на ноги всех, кто занимался операцией «Красное солнце» в Москве. А те, в свою очередь, должны были поднять тревогу и спустить с цепи всех своих «псов», каких достаточно было в министерстве.

Еще Шустров с удовольствием приобрел бы сейчас карту, чтобы разобраться, куда он движется в этом вагоне. Он постарался обезопасить себя тем, что не покупал билета на поезд, а заплатил проводнице, а значит, его фамилии не было в железнодорожном компьютере. Однако его незнание здешней географии могло сыграть с ним злую шутку — например, станция, куда он выехал на джипе после многочасовой гонки по степи, могла оказаться единственной на сотни километров вокруг, и преследователям не составило бы труда сесть ему на хвост.

Но он надеялся, что тот бешеный темп, в котором он передвигался последние двадцать часов, обеспечил ему хорошую фору. Он едва не запаниковал, когда ждал поезд в Степном. Это вынужденное бездействие было для него невыносимо, особенно после сумасшедшего рывка по степи, когда он ориентировался только по солнцу, долго плутая, но все-таки выбрался к железнодорожному полотну.

Передышку в Степном он использовал для того, чтобы перекусить, побриться и поменять одежду. Теперь на нем была синяя майка с двуглавым орлом и надписью «Россия», легкие светлые брюки и кроссовки. Старую одежду и сапоги Шустров выбросил в мусорный бак на привокзальной площади Степного и почувствовал себя новым человеком. Поезд уносил его все дальше на север, а Михаил лежал на нижней полке, прикидываясь спящим, обдумывал примерный план своих дальнейших поступков. До конца маршрута он, естественно, не поедет, соскочит на какой-нибудь маленькой станции, да так, чтобы проводница и соседи заметили его отсутствие не сразу.

Дальше — уже не поездом. Можно использовать попутки или рейсовый междугородный автобус. Чаше менять направление движения и транспортные средства. К счастью, деньги это позволяют. У него столько денег, что они позволяют ему делать все.

Он улыбнулся: пусть его теперь подкарауливают дома, у жены, у друзей. В Москву он не сунется. Незачем. Его влекла совсем другая дорога, и было любопытно, догадаются ли в Конторе, куда он направил свой путь? Вряд ли. Они будут оценивать его действия как действия профессионала, пытающегося скрыться от профессиональных преследователей. Они будут искать логику и трезвый расчет в его поступках. А как раз этого они не дождутся. Как там говаривал папа Мюллер в «Семнадцати мгновениях весны»? Профессионалу легко понять действия профессионала, но логика дилетанта остается для него загадкой. А что скажете насчет профессионала, который будет работать под дилетанта? Сможете его взять? Черта с

два!

Михаил чуть улыбнулся, и девушке на боковой полке, которая изредка поглядывала в его сторону, показалось, что парню в синей майке приснился забавный сон.

Наташа еще раз подумала о том, что надо бы снять сумку с третьей полки и поставить к себе, но до Новоудельска оставалось больше часа, и она решила, что еще успеет это сделать.

11

После этой поездки у Джумы раз и навсегда осталось прочное осознание того, что джип «Крайслер» — поразительно неудобная машина. Главным образом, Джуму тяготила теснота: с обоих боков его стискивали жесткими локтями тип с остановившимися глазами и еще один, не менее пугающий экземпляр казахского гангстера: с поразительно безразличным лицом и отвисшей нижней челюстью. В уголках тонких губ накапливалась слюна, иногда сосед Джумы вспоминал об этом и вытирал рот рукавом, иногда слюна капала бандиту на грудь. Или на плечо Джуме, что он предпочитал не замечать: на коленях слюнявого лежал автомат Калашникова.

Двигались они рывками: находили след шин, оставленный джипом Шустрова, — стремительно бросались в этом направлении, теряли след — возвращались назад, искали заново и снова совершали рывок.

Когда стемнело, они остановились на ночлег. Четверо спали в машине, а Джуму выставили наружу, приковав за ногу к дверце. Джума лежал на песке, с задранной правой ногой и тихо бормотал все самые страшные проклятия, какие только мог вспомнить.

Через несколько часов, когда наступила давящая тьмой и странными звуками середина ночи, Джума решил. Он сел и протянул руку, чтобы проверить, насколько прочно держится та штуковина с внутренней стороны дверцы джипа, к которой его приковали.

Он едва успел дотронуться до металлического изгиба, как что-то холодное и тяжелое вдавило его пальцы в дверцу. От боли и неожиданности Джума вскрикнул. В лоб ему уперся ствол пистолета, и кто-то сказал с сильным акцентом по-русски:

— Еще раз дернешься, убью.

— Жаксы, жаксы [З], — простонал Джума и вытянул свои раздавленные пальцы из-под пресса. Почему-то эти гады разговаривали с ним исключительно по-русски, словно отказывались признать в Джуме земляка. Джуме это очень не нравилось, и он всячески старался напоминать, что он тоже казах, пусть и милиционер. Но, похоже, никто из них менять своего отношения к пленнику не собирался.

вернуться

3

Хорошо, хорошо (казах.).

Вот и сейчас, когда Джума дул на распухавшие пальцы, из окна джипа раздалось презрительное:

— Заткнись.

И после паузы опять по-русски:

— Мент. Собака.

Джума попробовал попрочитать шепотом: «Вай-вай, коп...» [4], но в ответ ему напомнили:

— Сдохнешь, пес, если не заткнешься.

И Джума прекратил попытки наладить контакт с бандитами, отложив это неблагодарное занятие до лучших времен.

На рассвете он проснулся от толчка. Разлепив веки, он увидел, что все четверо сидят в машине, а та чуть подрагивает, рокоча и исторгая тепло. Внезапно джип тронулся с места, и Джуму, к его ужасу, поволокло по степи все быстрее и быстрее. Он заорал, задергал ногой, стараясь отцепиться, но безрезультатно. Рубашка на боку разорвалась, и Джума кожей почувствовал все неровности рельефа. Он кричал не переставая, но потом понял, что это бесполезно, и замолчал, обхватив голову руками, чтобы уберечься от острых камней.

Может, через сто километров, а может, метров через пятьсот джип остановился. Малыш подошел к ободранному, окровавленному Джуме и сказал:

— Сегодня ночью я слышал какие-то звуки. Или мне приснилось?

— Нет, — дрожащим голосом ответил Джума. Водитель не заглушил двигатель, и в любой момент все могло начаться снова.

— Ты хотел сбежать? — поинтересовался Малыш. — Только честно.

— Ноге было неудобно, — скривился в жалостливой гримасе Джума.

— А сейчас тебе удобнее?

— Нет! — торопливо признался Джума.

— Мы можем и дальше так ехать, — сообщил Малыш. — На твои глаза это никак не влияет. А волочащийся за машиной мент — это оригинально. Такого ни у кого нет. Другие ребята будут нам завидовать.

— Не надо больше, — взмолился Джума. — Я буду тихо сидеть!

— Да? А кто теперь посадит тебя рядом с собой, такого грязного? Оборванец, вот ты кто. Позор всей казахской милиции, — Малыш засмеялся. — Позор президента Назарбаева! Жаль, фотоаппарата нет, а то отправили бы ему твою фотографию.

Джума промолчал, надеясь, что его тихое смирение заставит Малыша сменить гнев на милость.

— Ладно, — сказал наконец Малыш. — Я тебя отцеплю отсюда...

И он действительно освободил ногу Джуме.

— Но в машину тебя такого сажать нельзя, — продолжал Малыш. — Куда бы тебя пристроить?

Ага...

Джума раскрыл рот.

Остаток пути до Степного он проделал на крыше джипа, втиснувшись в нее плотнее, чем когда-либо втискивался в любимую женщину. Тут дело было серьезнее — можно было слететь и разбиться, потому что джип не ехал, а летел по степи.

К Степному Джума подъехал с красным обветренным лицом. На окраине городка джип остановился. Джуму за ноги стащили с крыши и поставили на землю. Он пошатывался и искал взглядом, куда бы ему сейчас сблевать.

Человек со стеклянными глазами ударил его сзади по голове, и Джума потерял сознание. Его закинули внутрь машины на пол под задним сиденьем и набросали сверху каких-то тряпок, так что на бензоколонке заправщик ничего не заметил и остался в уверенности, что на «Крайслере» приехали четверо мужчин.

12

В начале первого ночи, когда пассажиры безмятежно спали под стук колес, Шустров перестал притворяться спящим и сел. Соседка довольно посапывала, выводя носом замысловатые трели. То, что не было съедено за ее ужином, лежало на столике, завернутое в целлофановый пакет — наверное, на случай, если дама проснется среди ночи и захочет подкрепиться. Важные вещи должны быть под рукой. Этот подход к делам Михаил одобрял.

Его важные вещи были с ним: к икре, под штаниной, был прилеплен скотчем нож с выкидным лезвием. Пистолет «ТТ», тот самый, из сумки, только без обертки, лежал сейчас под подушкой. В кармане брюк — комок денег: он разорвал одну пачку долларов и поменял несколько купюр в Степном. В другом кармане лежала купленная в вокзальной аптеке упаковка поливитаминов, которые он глотал горстями, — Шустрову казалось, что пребывание в степи иссушило и обессилило его.

Он осторожно выглянул в проход — в мерцающем свете слабенькой дежурной лампы спали люди. Девушка напротив тоже дремала, опустив голову на сложенные руки. Со стороны купе проводниц не доносилось никаких звуков. Только ритмичный подстегивающий стук колес.

Михаил встал и, протянув руку, коснулся сумки. На месте. Это хорошо. Все пока было хорошо. Никаких причин для беспокойства. Никаких причин впадать в панику. Поэтому было бы глупостью тащить за собой сумку в туалет. Это ведь минутное дело. Михаил осторожно запустил руку под подушку, ухватил пистолет и быстро втиснул его за пояс. Оружие было теплым, словно из него только что стреляли. За поясом брюк, прижавшись рукояткой к животу Шустрова, оно, должно быть, чувствовало себя очень хорошо. Как дома.

Михаил тоже чувствовал себя уверенно. Удача была с ним. Он подмигнул синей сумке и быстрыми шагами направился в конец вагона.

Он не засекал время, за которое управился со своей нуждой, но оно наверняка не превышало полутора-двух минут. Михаил быстро застегнул брюки, ополоснул руки холодной водой. Потом подумал и плеснул водой на лицо и шею — прохлада была сейчас так кстати.

В туалете его посетила неожиданная мысль — толковая и на удивление простая. Михаил подумал, что деньги можно транспортировать по почте, не обязательно тащиться за тысячу километров с сумкой, полной долларов, дергаясь при виде каждого милиционера и каждого

подозрительного типа в штатском. Существовали же еще и почтовые переводы! Но сразу возникли сомнения — примут ли на почте перевод, скажем, на сумму в сто миллионов рублей. Потом он подумал о том, что почтовый сбор при отправке перевода составит... Он покачал головой. Идея требовала существенной доработки...

Он толкнул дверь, что вела из околотуалетного закутка в вагон, и насторожился. Какие-то люди медленно двигались по проходу в направлении его места. В направлении его сумки.

Михаил вытер ладони о брюки и положил правую руку на рукоятку «ТТ».

Они его, похоже, не замечали. Они были заняты своим важным делом. Когда Михаил понял, в чем это занятие состоит, он почувствовал легкую дрожь в икрах. Получалось, что он слишком расслабился...

Один из четверки светил фонариком в лица спящим людям, остальные рассматривали их, будто были на экскурсии в картинной галерее: они кого-то искали. И Шустров догадался кого.

Но самое большое потрясение он испытал, когда шедший первым человек с фонариком вдруг остановился и стал что-то шепотом говорить, словно оправдываясь. Второй мужчина молча схватил его за шею и согнул пополам, словно тростинку. Третий, самый низенький, отвесил первому оплеуху и сказал довольно громко:

— Работай, работай, пес, ищи! Крути своей тупой башкой, смотри глазами!

Чтобы провинившийся лучше осознал свои обязанности, низенький мужчина схватил его за волосы на затылке и стал крутить ему голову вправо-влево, приговаривая:

— Смотри, смотри, ищи...

Михаил был настолько зачарован этой сценой, что не отвел глаз, когда голова наказанного повернулась в его сторону. На долю секунды их взгляды встретились.

Шустров еле сдержался, чтобы не охнуть. Джума ничего не успел сказать, но выражение его лица так стремительно изменилось, что низенький человечек сразу все понял, отпустил волосы Джумы и резко повернулся.

— Ага! — радостно сказал он, увидев половину тела Шустрова, стоявшего за перегородкой. Он достал пистолет, и Михаил совершенно точно осознал: компания явилась по его душу.

Ситуация складывалась проще некуда. Ничуть не беспокоясь о мирном сне пассажиров, Михаил присел на одно колено, вскинул «ТТ» и послал в проход, в тех, кто его перегораживал, первые три пули.

Заниматься подобными делами в плацкартном вагоне ему еще не приходилось, но он был готов попробовать.

«Небось хотели меня спящего шлепнуть, — думал Михаил. — Чтобы все шито-крыто было! А вот хрен вам!»

Он снова выстрелил, повторив это яростное «Хрен вам!» уже вслух.

вернуться

Ох-ох, рука (казах.).

13

После первых выстрелов всех из прохода как ветром сдуло. Преследователи попрыгали в купе и оттуда стреляли в Шустрова, не обращая внимания на вопли пассажиров, что кричали уже не только от страха — на боковой полке напротив Шустрова дородная баба в синем тренировочном костюме вопила, схватившись за простреленную ногу.

«Мазилы!» — зло подумал Михаил и хотел посоветовать тетке прижаться к стене, но решил, что ее габариты не позволят ей это сделать.

Ситуация становилась забавной — и Шустров, и его противники сидели в укрытии, не желая высовываться в коридор и подставляться под пули. Между тем Шустрову надо было прорваться к сумке, а полуночным гостям был нужен, очевидно, труп самого Шустрова. Продолжая в таком же духе, они не добились бы своего даже к Новому году.

Тут кто-то из орущих пассажиров рванул стоп-кран.

Поезд остановился, вагон хорошенько трянуло, кто-то из преследователей вылетел в проход, и Михаил, не задумываясь, выстрелил.

Потом выпрыгнул еще один. Он не вопил, а молча выпустил в Шустрова несколько пуль. Михаил повалился на пол и в падении выстрелил не глядя, затем выстрелил еще.

Вагон снова качнулся, завопили пассажиры, и Михаил рванулся вперед. Он столкнулся лицом к лицу с одним из троицы, как только сделал первые два шага. Оба не успели выстрелить, но Михаил сбил своего противника корпусом и выстрелил в него, уже лежащего. Перешагнул и кинулся дальше.

Вспышка обожгла ему висок и бровь. А пуля, выпущенная Малышом, ушла в оконное стекло. Михаил приставил «ТТ» к круглой стриженной голове и нажал на спуск, но пистолет лишь щелкнул. А в следующую секунду низенький тип уже был в другом конце вагона. Он сбил с ног проводницу, выскочил в тамбур и спрыгнул на землю, мгновенно провалившись в черноту ночи.

Михаил, сжимая в руке пустой «ТТ», кинулся вслед, обуреваемый не столько азартом погони, сколько осознанием того, что эти гады, раз достав его, теперь не остановятся, если их самих не успокоить навсегда. Он выскочил в тамбур и тут же отпрянул, одновременно со сверкнувшей в ночи вспышкой выстрела.

Пуля влетела в тамбур и расколола стекло противоположной двери. Лучше мишени, чем освещенный тамбур ночью, трудно было представить.

Михаил метнулся назад, влетел в свое купе, где на него вытаращилась огромными перепуганными глазами закутанная в простыню дама, не глядя запустил руку наверх, на третью полку, следя при этом за проходом.

В проходе кто-то лежал. Не двигаясь.

А на полке...

Михаил с удивлением посмотрел наверх. Место, где стояла десять минут назад его драгоценная сумка, было пустым. Его запущенная наверх ладонь вернулась испачканной в пыли.

Зато рядом стояла другая дорожная сумка.

Шустров с искаженным от бешенства лицом повернулся к соседке:

— Твое?!

— Н-н-нет! — после долгих попыток выговорила дама, глядя то на лицо Михаила, то на «ТТ» и соображая, что внушает ей больший ужас.

— А чье?

— В-в-в-вот... — Дама осторожно высунула из-под простыни полную руку, словно боялась, что Михаил ее укусит. Палец указывал на боковую полку. Там было пусто.

— Девчонка? — спросил Михаил. — Она взяла?

— Н-навер... — пробормотала испуганная дама, но Шустров не дождался, пока она выговорит слово полностью. Он ворвался в купе проводницы и движением руки отшвырнул ее в сторону.

Та, вылетев в коридор, верещала что-то про милицию, но милиция волновала сейчас Михаила меньше всего. Он схватил со стола кожаную планшетку с карманчиками, куда проводницы вкладывали билеты. Палец проследовал вдоль написанных шариковой ручкой номеров, пока не добрался до цифры 47. Место, на котором сидела эта малолетняя сучка.

Его палец с трудом влез в кармашек. Тот был пуст.

Билета не было. Шустров опешил: на кого это он нарвался? Что это за девка, которая не только успела увести сумку, но еще и замела за собой следы?!

Секунду спустя он вспомнил, что девушка потом пересела на боковое место, а поначалу ехала в его купе. Михаил произвел в уме лихорадочные вычисления, и его палец метнулся на цифру 14. Он вытащил из кармашка сложенный вдесятеро билет, развернул и прочитал в нижней строке: Селиванова Н.И., потом взгляд Михаила скользнул выше — билет гражданке Селивановой, чтоб ее черти в аду поджарили, был продан до станции Новоудельск.

Шустров сунул смятую синюю бумажку в карман, снова оттолкнул проводницу и побежал по проходу, провожаемый взглядами испуганных пассажиров. Он перешагивал через гильзы, лужицы крови, брошенное оружие, недвижимое тело человека, в лицо которого он так и не успел заглянуть. Это все было не важно.

Важно было то, что у профессионала с многолетним стажем увели из-под самого носа миллион долларов. Вот это было важно.

14

Некоторое время проводница злосчастливого вагона с открытым ртом наблюдала за тем, как неподалеку от железнодорожного полотна в степи садится вертолет. Ей было понятно присутствие здесь нескольких милицейских машин, прибывшей из Новоудельска «Скорой помощи», каких-то транспортных начальников, ходивших с хмурым видом вдоль путей в

сопровождении нервничающего начальника поезда.

Но вертолет... Это уже было слишком. Проводница поняла, что влипла во что-то очень нехорошее, могущее иметь для нее самые плачевные последствия.

Милиционеры тоже удивленно посматривали в сторону вертолета и выбирающегося оттуда высокого человека. Затем в толпе вокруг вагона произошло какое-то движение, к прилетевшему на вертолете человеку подбежал милицейский майор, козырнул и стал что-то говорить.

Проводница вздохнула. Еще один начальник приперся.

Бондарев шел к вагону, а майор бежал сбоку и торопливо докладывал:

— Около часа ночи произошла перестрелка... Между одним из пассажиров и группой неизвестных, один из которых был убит. Пятеро пассажиров, ехавших в том же вагоне, получили ранения. Один мужчина в очень тяжелом состоянии...

Бондарев легко поднялся в вагон, увидел проводницу и спросил:

— Как он попал на этот поезд?

— Кто? — не поняла проводница.

— Конь в пальто! Пассажир твой!

Проводница потупилась.

— Ясненько, — нахмурился Бондарев. Как только было установлено, что фамилия исчезнувшего члена «Вербы» — Шустров, Контора немедленно вошла в компьютеры транспортных систем. В итоге Бондарев точно знал, что за последние сутки Михаил Иванович Шустров не садился ни на один поезд и ни на один самолет в России.

— Начальнику поезда будет приятно узнать, что вы сажаете безбилетных пассажиров за взятки, — холодно сказал Бондарев.

— Так я... — заныла проводница. — Так ведь...

— Где он ехал? На каком месте?

— На тринадцатом, — поспешно сообщила проводница.

Бондарев усмехнулся:

— Тогда далеко не убежит. Багаж у него был?

— Одна сумка, — сказала проводница. — Сумка, и больше ничего. А уж когда все это стряслось, так он очень спешил и без сумки сбежал.

— Стоп, — нахмурился Бондарев. — Оставил свой багаж? Посмотрим. — Он прошел на тринадцатое место, заглянул на третью полку, потом поднял нижнюю — пусто. — Ты что, мать, шутишь со мной? — посмотрел он на проводницу. — Где сумка?

— Так я не сказала, что он ее в купе оставил, — затараторила проводница. — Но Христом-богом

клянусь — убегал он безо всего. С пистолетом только.

— Угу. — Бондарев задумался. — А соседи у него в купе были?

— Были, — кивнула проводница. — На пятнадцатом месте и на...

— Тащи их сюда.

Минут через пять в купе привели растрепанную женщину лет сорока.

— Парень, который здесь ехал, — сказал Бондарев и показал женщине фотографию. — Это он?

Женщина кивнула.

— У него был багаж?

— Сумка, — сказала женщина. — Синяя такая. Он ее наверх поставил.

Проводница, довольная тем, что ее слова подтвердились, засияла металлическими зубами.

— Где он сел?

— В Степном, — хором ответили проводница и женщина с пятнадцатого места.

— Вы разговаривали с вашим соседом? — спросил женщину Бондарев, знаком приказав проводнице помолчать.

— Нет, он как сел, сразу заснул. Потом проснулся, но все сидел такой хмурый... В окно смотрел.

— Где его багаж? Проводница говорит, что он убежал без сумки.

— Да, правильно, — закивала женщина. — Тут такая вещь случилась...

— Какая?

— С нами в купе ехала еще одна девушка... У нее был билет в наше купе, но потом она пересела на боковую нижнюю полку. Там было свободно. У нее тоже была сумка. И она тоже поставила ее наверх.

— И куда делась эта девушка? — Бондарев посмотрел на милиционеров. — Она здесь? Давайте ее сюда.

— Девушка? — майор недоуменно посмотрел на даму с пятнадцатого места. — Тут была только эта женщина. Больше в купе никого не было.

— Была девушка, — настойчиво твердила дама, а проводница кивала. — Только когда началась эта стрельба... Я проснулась, ничего не пойму, шум, крики! Я перепугалась. Чуть под стол не залезла! — Она рассказывала о пережитом с явным удовольствием, будто это было опасное приключение с гарантированным хорошим финалом. — И девушку эту я уже не видела. Когда зажегся свет, ее не было. Зато прибежал вот этот... — она кивнула на тринадцатое место, где сейчас сидел Бондарев, — и стал допытываться, где его сумка.

— То есть его сумки там уже не было? — уточнил Бондарев.

— Его сумки не было, была сумка той девушки.

— А где она сейчас? — Бондарев снова обернулся к милиционерам. — Куда делся багаж из этого купе?

— Сейчас найдем, — пообещал майор.

— Он не нашел свою сумку, и что дальше? — продолжил Бондарев беседу с женщиной.

— Дальше? Дальше он очень разозлился. У него лицо стало прямо... Даже не знаю, как сказать. Страшное, короче. Спросил меня, кто взял сумку. А я что? Я ничего не видела. Я только сказала, что сумка эта, что стоит на третьей полке, — той девушки. Тут он и убежал. Вот и все.

— Он очень сердитый был, — встряла проводница. — Ко мне в купе ворвался, меня отшвырнул, я едва не упала!

— А к вам его за каким чертом понесло? — удивился Бондарев.

— Не знаю, — пожала плечами проводница. — Он ведь меня вытолкал. Что уж он там делал...

— Так. — Бондарев посмотрел в окно. Вдалеке виднелись огни ночного Новоудельска, рядом с вагоном горели фары санитарных и милицейских машин. — У вас должен был остаться билет этой девушки, что так таинственно исчезла...

— Принести? — вскочила проводница. Бондарев медленно кивнул, проводницу словно ветром сдуло.

Майор посмотрел ей вслед и вяло сказал:

— Бегай, не бегай — все равно уволят.

Женщина с пятнадцатого места вытаращила глаза, словно майор открыл ей какую-то страшную государственную тайну. Бондарев подумал, что эта пассажирка теперь надолго обеспечена темами для рассказов подругам. Это будет почище любого телесериала.

Проводница, шаркая тапочками по полу, вернулась гораздо медленнее, чем убегала к себе.

— Нету, — подавленно сказала она и развела руками.

— Чего нету? — спросил Бондарев.

— Ее билета нету. Пропал. Все билеты на месте, все... А этого нет...

— Не беда. — Бондарев поднялся с полки. — Зато ясно, чем занимался в вашем купе наш приятель. Пошли, — сказал он майору.

Когда они вышли из вагона, Бондарев отвел майора в сторону.

— Запоминай, — начал он. — Мне нужна фамилия этой пропавшей девчонки. Узнаешь, кто она. Узнаешь, где она живет. Куда она ехала. Найди ее сумку.

— А что она собой представляет? — спросил майор. — Она как-то связана с этим...

— Теперь связана, — кивнул Бондарев. — Не знаю как, но связана. Одновременно ищи нашего

человека — фотография у тебя есть. И ищи девчонку. Я думаю, сейчас они оба там. — Он посмотрел в сторону Новоудельска. — Используй свой шанс.

— Хотите взглянуть на труп? — спросил майор. — Пуля в грудь. Предположительно, «ТТ».

— Пойдем посмотрим, — согласился Бондарев. Ему показали лежащее на носилках тело худощавого молодого мужчины азиатской внешности. Рот мертвеца был широко раскрыт, в уголках рта засохла слюна.

— Без документов, — сообщил майор. — В руке был зажат «вальтер» с глушителем. Хочу отправить его портрет и пальчики казахам на опознание. Как считаете?

— Верно мыслишь, майор, — сказал Бондарев и похлопал милиционера по плечу.

Он пошел к вертолету, думая о том, что его первоначальные опасения подтвердились: охоту за Шустровым вела не только его родная Контора, но еще и казахские бандиты. Да вдобавок эта девчонка...

Узлы запутывались прелюбопытные. Распутывать их до конца Бондарев не собирался. Это была не его работа. От него требовалось найти Шустрова и обеспечить его захват.

А уж что там встало между Шустровым и казахами, которые ездят на поездах только с «вальтерами» в кармане, — это их личное дело.

А уж что там встало между Шустровым и Директором... А между ними точно что-то было, иначе с чего бы Директор дважды повторил Бондареву:

— Живым он мне не нужен. Ты понял? Живым не нужен.

Бондарев сказал тогда, что понял. Но это было не совсем так.

15

К моменту, когда глаза Джумы неожиданно встретились с пристальным и настороженным взглядом Шустрова, казахский милиционер находился на грани нервного срыва. Он настолько устал, вымотался и обессилел, что готов был махнуть на все рукой, сесть на землю и сказать своим мучителям: «Хотите меня прибить? Давайте, только побыстрее».

Ничего не случалось в его жизни более унижительного, чем осознание того, что ты лежишь на полу бандитской машины, а в голове свинец от нижней челюсти до самого затылка, и поэтому никогда ему не поднять эту несчастную голову от пола. И на тебе стоят, словно на подставке, ноги двоих ублюдков, что развалились на заднем сиденье и покуривают травку.

Это было уже после Степного, когда «Крайслер» мчался вдогонку поезду. То есть Джума-то не имел ни малейшего представления о маршруте их движения. Он видел только ноги бандитов и потолок джиповского салона. Потолок был красивым. Ноги — не очень. Джип шел на предельной скорости, и Джума своей спиной и затылком ощущал каждую неровность рельефа. Он стал еще одной дополнительной рессорой.

Все это было так тяжело, что он закрыл глаза и попытался забыться, уснуть, чтобы хотя бы таким способом сбежать от кошмарной реальности. Но сон не шел, вместо этого перед глазами вставали картины, вполне сгодившиеся бы для какого-нибудь фильма ужасов, снятого на «Казахфильме». Джума вспомнил, как прошлым вечером стаскивал в яму один за другим

трупы — русских и казахов, милиционеров и бандитов, знакомых и незнакомых. Его руки быстро стали липкими от крови, а он все носил и носил...

Малыш поторапливал его, держа палец на крючке «ремингтона», и Джума, надрываясь, рискуя выдернуть руки из суставов, волочил мертвецов, которые будто нарочно цеплялись за почву носками ботинок. Будто не хотели уходить под землю.

Но в итоге все легли под землю. Джума, задыхаясь, закидал вход песком и протянул лопату Малышу. Тот отрицательно покачал головой.

— Еще не все.

— Что? — хрипло спросил Джума. Он тяжело дышал, рубашка на спине, пропитавшись потом, слиплась с кожей. Джума боялся, что его стошнит — не от отвращения к мертвецам, а от того, что он не ел уже часов семь, и бешеный темп этих непредвиденных земляных работ привел его в полуобморочное состояние. — Что еще? — выдохнул Джума и уронил лопату. Руки предательски дрожали — и от усталости, и от страха.

— Забыл одну вещь. — Малыш ногой подтолкнул к Джуме какой-то предмет. Когда Джума разглядел, что это оторванная человеческая кисть, его так стошнило. Он упал на колени, чувствуя, что его выворачивает наизнанку, тянет лечь на песок и зарыться в него лицом, только не видеть больше людей — ни живых, ни мертвых, ни целых, ни их оторванных частей. Он хотел остаться один.

— О перекуре мы не договаривались, — заметил Малыш. — Вставай, бери лопату и закапывай эту ручку.

Джума вытер рот тыльной стороной ладони, медленно поднялся и стал копать небольшую отдельную могилку для черной обожженной кисти.

— Нет, ты ее ко всем остальным зарывай, — велел Малыш. — Нечего разбрасываться. Где хозяин этой ручонки лежит, туда и ее надо... А то она обидится и будет за нами по степи гоняться.

Джума посмотрел на Малыша и не разобрал, шутит тот или нет. На всякий случай он решил, что Малыш серьезен. Во всяком случае, «ремингтон» по-прежнему был у того в руках. Черная кисть с растопыренными пальцами отправилась в общую могилу.

Джума, шатаясь, пошел к джипу. Так начинался кошмар, продолжением которого было путешествие на крыше джипа, а теперь в качестве подстилки для ног.

Но в конце концов он все-таки заснул, провалился в черноту, наполненную непонятными безмолвными страхами, заставлявшими его вздрагивать даже во сне. Когда его растолкали и вытащили из машины, вокруг тоже была чернота, и Джума даже засомневался, явь ли это? Или же сон продолжается, только страхи приобрели более конкретные и знакомые образы.

Чтобы окончательно пробудить Джуму, Малыш сунул ему под нос ствол пистолета, который едва не разорвал Джуме ноздри.

— Сейчас будешь искать своего друга Мишу, — проинструктировал Малыш. — И не дай бог, не найдешь! Ляжешь на рельсы!

Только тут Джума понял, что они оказались рядом с железной дорогой. Слева от них стоял

пассажирский поезд, который в этот момент пропускал встречный грузовой состав.

— Пошли, — скомандовал Малыш. По этому сигналу тип с отвисшей челюстью ухватил Джуму за локоть и потащил к двери последнего вагона. Другой бандит стукнул в оконное стекло купе проводников. Появилась заспанная физиономия, но сон слетел с проводника быстрее быстрого, когда он увидел оружие в руках незнакомцев.

Дверца вагона открылась. Малыш забрался первым, потом тип со стеклянными глазами затолкал Джуму. Последним поднялся бандит с вечно открытым ртом. Четвертый, от которого Джума не слышат еще ни единого слова и который всю дорогу не вынимал из ушей крохотных наушников аудиоплеера, остался в машине.

Когда дверца закрылась и поезд тронулся, Джума увидел в окно, как «Крайслер» поехал за поездом вдоль рельсов.

— Давай не спи, — прошептал Малыш и сунул Джуме в руку электрический фонарик.

В вагонах был уже выключен свет, поэтому приходилось светить спящим людям в лица. Когда дошли до купейных вагонов, где двери были заперты, Джума растерянно оглянулся на Малыша, но тот достал из кармана проводницкий универсальный ключ и начал хладнокровно, одно за другим, отпирать купе.

Осматривал спящих быстро, и почти никто не успевал проснуться. А если натыкались на бодрствующих, то Джума прижимал указательный палец к губам, призывая молчать. За Джумой маячили весьма выразительные физиономии, и пассажиры предпочитали не возмущаться. Не вору все-таки.

Они двигались из вагона в вагон, у Джумы начало рябить в глазах от мужских и женских лиц, и он засомневался, сможет ли опознать Шустрова, когда наконец его увидит. Правда, тут была одна деталь, о которой Джума предпочитал не упоминать. Если здоровяк Миша действительно стащил у бандитов большие деньги, то вряд ли он будет сейчас безмятежно храпеть, дожидаясь, пока за ним придут и отрежут голову. Нет, насколько Джума успел узнать Шустрова за пять дней, этот парень был не из таких. Он не позволит взять себя голыми руками.

На это Джума втайне и надеялся — что Шустров оправдает свою фамилию и окажется шустрее Малыша, Слюнтяя и Странноглазого. А если завяжется перестрелка, то бандитам будет уже не до Джумы, и вот тогда... При этой мысли у Джумы каждый раз начинало бешено колотиться сердце, и он старался переключиться на что-то другое, чтобы блеском в глазах и блуждающей улыбкой на губах не выдать себя.

И когда вывернутая неожиданно могучей рукой Малыша голова Джумы повернулась к Шустрову, это было оно, долгожданное мгновение. Рука Малыша на шее ослабла, и Джума сел на пол, предвидя, что вслед за произнесенным «Ага!» последует и более существенный обмен мнениями. Грохнули первые выстрелы, и Джума, предоставленный самому себе, понесся на четвереньках к тамбуру, слыша свист пуль, вопли пассажиров и молясь Аллаху, чтобы в этой критической ситуации ни одна пуля не облюбовала бы в качестве мишени задницу Джумы.

Молитва, не очень складная, но искренняя, сработала. В тамбуре Джума вскочил на ноги и побежал в соседний вагон, пронесся насквозь, влетел в следующий...

Потом поезд вздрогнул и остановился. Джума не удержался на ногах и полетел прямо на нижнюю полку. Спавшая там девушка отчаянно завизжала, замахала руками, успев разбить Джуме нос, прежде чем он успел объясниться.

Продолжая на ходу извиняться, Джума двинулся было дальше, но на защиту чести девушки выскочила из своего купе дородная проводница с кочергой. Пассажиры дружно указали на Джуму как на виновника переполоха. Облик Джумы действительно вызывал подозрения: разодранная во многих местах грязная одежда, синяк под глазом, разбитый нос...

Проводница смело двинулась к Джуме, помахивая кочергой. Он понял, что, прежде чем он докажет свою невиновность, ему проломают череп. Джума повернулся и побежал назад, однако споткнулся о любезно подставленную кем-то из пассажиров ногу, упал и тут же был скручен.

Когда к замершему на рельсах поезду подъехали милицейские машины, то первым, кого проводники сдали правоохранительным органам, был Джума. Ему тут же надели наручники, запихнули в «УАЗ» с зарешеченными окнами и повезли в Новоудельск.

По дороге Джума очень сожалел, что не попросил у Малыша назад свое удостоверение. А также сожалел о том, что вообще появился на свет.

16

— Я так и знала, я так и знала, — безостановочно бормотала Наташа, привалившись спиной к двери туалета, которую только что закрыла изнутри. — Я знала: что-то должно было случиться...

Руки ее все еще дрожали, хотя уже никто не стрелял над самым ухом. Сердце колотилось маленьким тревожным молоточком, и мочевого пузырь — как же без этого — напомнил о себе...

Она упорно старалась не впасть в дремоту, щипала себя за нежную кожу руки, то и дело смотрела на часы, но время тянулось как бесконечная жевательная резинка, уже потерявшая свой вкус. До Новоудельска оставался час. Пятьдесят пять минут. Пятьдесят три. Это было невыносимо.

Наташа опустила голову на руки. Она бы сдалась и уснула, если бы была уверена в том, что проводница не забудет ее разбудить. Однако такой уверенности не было, как не было видно и самой проводницы.

Наташа с трудом оторвала голову от скрещенных рук, огляделась и удивленно подняла брови. Парень в синей майке, который вроде бы спал на нижней полке, куда-то исчез. Хотя еще пару минут назад был здесь и выглядел так, будто смотрел уже седьмой сон.

Это было забавно, но, в конце концов, ей было плевать на этого типа. Не слишком симпатичен. Нос его портит. Какой-то сплюснутый. И слишком мускулистый. Это неестественно. Да и возраст у него уже... Лет тридцать, наверное.

Мысленно перебрав недостатки своего соседа, Наташа спохватилась, что сейчас можно воспользоваться его отсутствием, встать ногами на его место и достать с третьей полки свою сумку. Кстати, можно и пожевать что-нибудь из теткинских гостинцев, это скрасит остаток дороги до Новоудельска.

Наташа встала, подтянула джинсы — нет, надо действительно подкрепиться, иначе скоро штаны спадут — и шагнула к тринадцатому месту, поглядывая в проход на случай, если будет возвращаться сосед.

Но в проходе появился не сосед. Там возникли несколько странных мужчин. Странность их заключалась в том, что шедший первым человек, весь какой-то ободранный, светил фонариком

в лица спящим пассажирам, не пропуская ни одного человека.

Сначала Наташа подумала, что это транспортная милиция. Но потом вспомнила, что сопровождавший поезд милиционер уже проходил по вагону, он был в форме и не был казахом. Эти же четверо все были как раз азиатской наружности. И они не выглядели как милиционеры.

Наташе стало не по себе, и она присела на тринадцатое место. Ее страх был совершенно естественным для девушки, которая видит приближающихся с непонятными целями четверых мужчин, да еще ночью. К этому страху прибавилась еще и боязнь «всяких там нерусских», как их называла тетя Ксеня. Пока Наташа гостила у нее, тетка успела порассказать массу кошмарных историй о своих дальних родственниках и родственниках своих знакомых, которым несладко пришлось от «нерусских» в разных южных республиках. Наташа воспринимала эти рассказы как просто истории, но сейчас... Сейчас что-то нехорошее могло случиться и с ней.

В вагоне, конечно, есть другие люди, можно закричать... но уж слишком жутковато выглядят эти полуночные гости. Особенно длинный парень в черной джинсовой куртке. Во-первых, нижняя челюсть у него отвисла книзу, обнажив длинные кривые зубы, а во-вторых, правую руку он держал под полкой куртки, и Наташе это сразу же напомнило сцену из какого-то американского боевика. В фильме так руку держали бандиты, прежде чем выхватить пистолет и начать стрелять во все, что движется.

Наташа постаралась замереть и не шевелиться. И не встречаться с приближающимися мужчинами взглядом. Они могли прочесть страх в ее глазах.

Так она сидела на нижней полке, уставившись на обложку лежащего на столике «СПИД-инфо», когда услышала:

— Нет его тут! У меня все уже сливается в одно лицо...

И ответ, произнесенный грубым повелительным тоном:

— Работай, пес, ищи! Крути своей тупой башкой, смотри глазами!

Она моментально отметила — сказано было «нет его»! Значит, эти люди ищут какого-то мужчину! Наташа облегченно вздохнула, но все равно не решилась поднять глаза. Звук какой-то возни, и снова грубый голос:

— Смотри, смотри...

Это происходило уже совсем рядом с ней, и она бросила короткий взгляд в проход. Парень с фонариком согнулся пополам, оттого что его держали за шею двое других. «Они сейчас еще между собой передерутся, — подумала Наташа. — Передерутся, и кто-нибудь случайно заедет мне в ухо. Вот будет здорово...»

А потом что-то загрохотало, и это было совсем не похоже на драку. Наташа резко вскинула голову и завизжала: парень с фонариком лежал на полу и пытался ползти, над ним стоял другой тип в джинсовой куртке, в руке он держал пистолет и целился куда-то в дальний конец вагона. Потом он прыгнул куда-то вбок, снова загрохотало, пронзительно закричала какая-то женщина. Опять грохот, теперь совсем близко.

Наташа удивленно посмотрела на перегородку между купе, в которой почему-то появилась дырка. Крики стали слышаться со всех сторон, зазвенело разбитое стекло.

«Это что, выстрелы? — с ужасом подумала Наташа, и мурашки побежали не только по спине, но по рукам и ногам. — Но это же вагон, тут люди...»

Очередной выстрел заставил ее соскользнуть с полки на пол и обхватить голову руками. Женщина с химической завивкой на соседней полке вскочила, ударилась головой о верхнюю полку и отъехала к окну. Она кричала басом, пытаясь накрыться простыней, словно это было надежное средство от пуль.

Наташа посмотрела в проход и увидела, как парень с фонариком быстро-быстро побежал на четвереньках в безопасный тамбур. Она поняла, что должна последовать его примеру. Сидеть здесь на полу и ждать, когда шальная пуля... или не шальная.

Она стремительно вскочила, оттолкнулась ступней от нижней полки, подпрыгнула, ухватила с третьей полки свою сумку, потом съежилась до размеров футбольного мячика — так ей показалось — и покатилась, поползла, полетела по проходу, по пути, проторенному тем оборванным парнем. Едва она оказалась в проходе, как все вдруг встало на дыбы и затряслось. Поезд остановился, и выстрелы на секунду стихли. Наташа использовала эту секунду для рывка вперед, толкая сумку впереди себя головой и едва успевая перебирать руками по грязному полу.

У нее не хватило сил и смелости вслед за предшественником выскочить в тамбур. Она дотянула лишь до двери туалета, когда сзади снова грохнул выстрел, кто-то с топотом побежал и перепрыгнул через нее, едва не задев подошвами. Наташа в панике ударила головой в туалетную дверь, и та раскрылась. В следующую секунду Наташа влетела внутрь, закрыла за собой защелку и привалилась к двери, тяжело дыша и чувствуя непрекращающуюся дрожь во всем теле.

В вагоне еще продолжались крики, слышались быстрые шаги, опять выстрел... Она думала, что это никогда не кончится.

— Я так и знала, я так и знала, — твердила она, как заклинание...

Внезапно она посмотрела на приоткрытое окно. Наташа вцепилась в металлическую ручку и изо всех сил потянула раму вниз. Хотя и неохотно, но окно становилось все шире. И вскоре стало настолько широким, что Наташа сначала выбросила в окно сумку, а потом выпрыгнула сама.

Приземлилась Наташа не слишком удачно, подвернув левую ступню. Но это не могло остановить ее паническое бегство. Обхватив сумку обеими руками, прихрамывая, она побежала так быстро, как могла, вдоль поезда, удаляясь от страшных звуков, раздававшихся из оставленного вагона.

Звуки вскоре стихли, но будто эхо звучало в ее ушах, подстегивая Наташу бежать все дальше, дальше...

Поравнявшись с электровозом, она остановилась. Наташа увидела, как близко подъехал поезд к Новоудельску — были видны огни города. Там ее ждали отец и мать. Там было безопасно. Наташа припустила дальше, вдоль железнодорожного полотна, с каждым шагом приближаясь к родному городу. Вокруг была ночная тьма, но она пугала Наташу гораздо меньше, чем оставшийся позади поезд, где сверкали вспышки выстрелов.

Ее порыв стал иссякать метров через восемьсот. Опасный поезд остался позади, а городские огни будто и не стали ближе. Она остановилась, чтобы отдышаться. Потом подумала и села на

рельсы, поставив сумку перед собой. Наташа смотрела в звездное небо и думала, что она, Наташа Селиванова, все-таки молодец. Кто бы еще из знакомых девчонок решился на такое? Пожалуй, никто. Наверное, и не каждый пацан смог бы...

Порадовавшись за себя и улыбнувшись звездам, она опустила голову и увидела перед собой нечто непонятное. Наташа нахмурилась. Потом повернула сумку другой стороной.

— Блин, — прошептала она. — Блин, вот дура...

Пожалуй, что никто из ее подруг и даже пацанов не совершил бы такую глупость: так перепугаться, что уволочь с собой чужую сумку. Да, они были похожи — стандартные дорожные сумки одного и того же размера, с двумя ручками, на «молнии». Эта сумка была чуть поновее, чем та, что дала Наташе тетя Ксения. И у этой на боку было написано облупившимися белыми буквами «Мальборо». На Наташиной сумке никаких надписей не было.

— Блин, — еще раз сказала она и покачала головой. Ну да, конечно... В вагоне было темно. Да и не время было тогда сумки разглядывать.

Так что же теперь, назад тащиться? Расстояние, отделявшее ее от поезда, сейчас казалось Наташе приличным, хотя пробежала она его за каких-то пять минут. Но и перспектива пешком добираться до дома не радовала. Особенно с вывихнутой ногой.

Она прислушалась: от поезда не доносилось ничего похожего на выстрелы. Успокоились.

Наташа вздохнула и пересела с холодного рельса на синюю сумку. Хоть какой-то толк от нее. Но и тут ей не повезло — что-то твердое мешало удобно устроиться на сумке.

— Что ж там такое положили, что... — вслух спросила Наташа. Это звучало как оправдание тому, что она стала делать. Ее пальцы потянули замок сумки.

Штука, которая мешала, оказалась приличных размеров свертком. Судя по всему, там была какая-то железка. «Наверное, запчасть для машины», — решила Наташа, насмотревшаяся на подобные свертки у отца в гараже.

А вот то, что было под свертком... Такого Наташа еще не видела. Никогда.

— Твою мать! — потрясенно прошептала она. — Ни фиги себе!

Она сама никогда не материлась и заставляла Алика, который считался ее парнем, воздерживаться от крепких выражений. Но сейчас ситуация была такой, что и не выразить свои эмоции было невозможно.

— Твою мать! — еще раз сказала Наташа и села на землю.

В следующие несколько секунд она поняла сразу несколько вещей: во-первых, в поезд она не вернется и искать оставленную там сумку не будет. Происшедший непреднамеренный обмен ее более чем устраивал. Во-вторых, она увидела в содержимом сумки тот самый подарок судьбы, о котором мечтала столько раз. С такими деньгами можно было ехать куда угодно. И делать что угодно. Дальше ее мысли так стремительно понеслись в мир самых невероятных сверкающих фантазий, что у Наташи перехватило дух.

Приближающийся звук милицейских сирен окончательно вернул ее в реальный мир. Целая автоколонна ехала к поезду от Новоудельска, и Наташа вспомнила, что ни одна из ее грез

может не осуществиться, если сейчас она сглупит и останется сидеть на рельсах в обнимку с сумкой.

Ее нужно было хорошенько спрятать. Значит, нужно как можно быстрее добраться до Новоудельска, что-нибудь соврать родителям про пирожки тети Ксе-ни, пропавшие вместе с сумкой... Она встала, повесила сумку на плечо и зашагала вдоль железнодорожного полотна. У Наташи появилась конкретная цель, и она была готова добиваться этой цели всеми средствами.

Она только не подумала, что сумка, доверху набитая деньгами, может быть как-то связана с перестрелкой в поезде. Она считала эти деньги подарком судьбы. Она была все еще полна иллюзий в свои шестнадцать.

17

Бондарев еще метался на вертолете по приграничным районам, а в Москве министр внутренних дел распорядился закрыть дело об операции «Красное солнце», а всю документацию уничтожить. С оставшихся в живых взять подписку о неразглашении.

С этим оказалось проще всего. Подписку брать было не с кого.

В таких распоряжениях министерство знало толк, но вот когда надо было в кратчайшие сроки на огромном пространстве выловить человека, ставшего причиной таких распоряжений, тут громоздкая машина МВД со скрипом буксовала. Тут им нужна была Контора. Тут им нужен был Директор, а в конечном итоге — Бондарев.

Безымянный офицер МВД, готовивший материалы на Михаила Ивановича Шустрова, основательно постарался: он выделил маркером то, на что, по его мнению, стоило обратить внимание. Однако Директор прочитал документы от первой до последней строки и задумался.

Маркер коснулся текста как раз в нужных местах. И это подтверждало факт, что голова у безымянного офицера варит. Но ответов на вопросы эти выделенные маркером строки не содержали.

"...вел скромный образ жизни. Машина «Жигули» 1998 года выпуска была куплена Шустровым два с половиной года назад, для чего ему пришлось занять у родителей жены семнадцать тысяч рублей (это было выделено маркером, однако следующая фраза делала факт одалживания не имеющим смысла). Деньги Шустров отдал в течение семи месяцев. В коммерческих предприятиях замечен не был. Напротив, демонстрировал свое презрение к бывшим сотрудникам управления, которые занимались коммерческой деятельностью. Считал свое материальное положение удовлетворительным, хотя эту точку зрения не разделяла его жена. Иногда по этому поводу возникали конфликты, но вопрос о разводе никогда не стоял.

Отсутствует информация о денежных долгах Шустрова, которые могли бы заставить его самостоятельно или в сговоре с третьими лицами пойти на должностное преступление. Товарищи по работе аттестовали Шустрова в высшей степени положительно".

— Зачем было писать этот идиотизм? — спросил Директор человека из МВД, который был отправлен в Контору «для координации действий». — Товарищи аттестовали положительно... Идиоты тогда эти товарищи. И что с их аттестацией делать? У парня было шесть лет службы в спецназе, шестнадцать служебных командировок... Не пацан зеленый. И вдруг он сходит с ума, бросает все и исчезает...

— С деньгами, — напомнил «координатор». — Потому и исчезает, что с деньгами.

— Так не было у него серьезных материальных проблем, — напомнил Директор.

— Это как сказать...

— Есть еще какая-то информация?

— Нет, это все старая информация. Сами посудите — человек находит мешок с деньгами. С большими. От казахов разная информация идет, кто говорит — полмиллиона долларов, а кто — все десять миллионов. Короче, он находит деньги. Его люди к этому моменту убиты.

— Это только предположение, что к этому моменту они все убиты, — уточнил Директор.

— Я пытаюсь объяснить главный мотив: миллион долларов, лежащий посреди степи. Ничей. Какие нужны еще материальные проблемы, чтобы забрать этот мешок? Да лежало бы там двадцать долларов! Шел бы по степи какой-нибудь Рокфеллер, у которого уж точно над головой не каплет, так и он бы взял эти деньги. Без всяких особых причин. Деньги — это деньги...

— А ты бы взял?

— Что? — не понял «координатор».

— Ты так рассуждаешь, будто это совершенно естественно. А вот ты на его месте что бы сделал?

Помощник замаялся.

— Это теоретический подход. Если бы да кабы... Меня там не было. А Шустров взял, и я считаю, что никакой особой мотивации тут не было.

— Хорошо, а может, он комплексовал перед женой? Может, он ей хотел доказать, какой он крутой?

— На квартире жены установлены прослушивающие устройства, за ней наблюдают, — скороговоркой отрапортовал «координатор». — Все под контролем.

— Детей у них не было?

— Не было.

— А близкие друзья, соседи? Знаешь, как бывает — предложили войти в хороший бизнес, но надо внести свою долю. У Шустрова не было...

— Бизнесом занимается отец жены, телефоны прослушиваются. Еще армейский друг, магазин по торговле бытовой электроникой, телефон прослушивается. Двоюродный брат в Калининграде, инженер в порту, телефон прослушивается. Племянник в Люберцах, телефон прослушивается...

— Интересно, к кому из них он направился, — сказал Директор. — Пока, по нашим сведениям, Шустров зачем-то потащился на север, в глубь страны. Туда, где его легче будет выловить. Тут тоже, как ты говоришь, нет особой мотивации?

— Шустрову было бы логично двигаться на юг. Он это понимал. И он понимал, что мы это понимаем. Вот он и попер против логики.

— Но это пока только предположения, — заметил Директор. — Брошенный джип — это еще не сам Шустров. Он мог заплатить какому-нибудь шоферу, чтобы тот перегнал джип в Степной, а сам засел в какой-нибудь норе и деньги пересчитывает.

— Его же опознали, — сказал «координатор». — Старик, во дворе у которого спрятан джип. Двое работников железнодорожного вокзала. Клерк в обменном пункте.

— Хорошо, — пожал плечами Директор. — Это хорошо, что ты так уверен в правильном направлении поисков. Поиск — это дело техники. Мой человек свое дело знает. А я просто хочу понять...

На самом деле Директор ничего не хотел понимать. Потому что все уже давно было понятно.

— Слушай, а тебе сколько лет? — внезапно спросил Директор.

— Двадцать девять.

— А Шустрову? Столько же?

— Почти.

— Может, это такое новое мышление теперь?

— То есть?

— Ты считаешь, что Шустров поступил вполне нормально. Он тоже так считает. У вас одинаковое мышление. Раз лежат деньги, нужно их хватать и бежать куда подальше, пока не отобрали. Я тебя почти в два раза старше, поэтому я никак не могу врубиться в эту вашу мотивацию... Может, дело в поколениях?

— В генерационном менталитете, вы хотите сказать? — нахмурил брови «координатор» из МВД. — Возможно, возможно... Если вас такое объяснение успокоит.

— Не успокоит, — мрачно сказал ему Директор.

Стадия четвертая:

Шкатулка Пандоры

1

Сидя среди деревянных ящиков и упакованных в бумагу пакетов, Шустров, будто бухгалтер, сводил дебет с кредитом, вспоминал плюсы и минусы своего теперешнего положения. Бухгалтеру в его положении пора было выгребать остатки мелочи из сейфа и делать ноги от греха подальше. Полный абзац.

И все это случилось за пять минут. Пять минут огнестрельных безумств в плацкартном вагоне, неистовство победителя, похода крушащего черепа лежащих врагов, вкус чужой крови... А в результате — исчезнувшая сумка, пустой «ТТ», и вся местная милиция слетается к поезду как туча саранчи. Вдобавок прошедшая ночь подарила приятный сюрприз: на хвосте сидят какие-то узкоглазые ублюдки, у которых Джума почему-то работает поводырем. Казахская милиция? Какого черта, вооруженная до зубов, она рыскает на российской территории, палит во все, что движется?

Превращение из удачливого обладателя астрономической суммы, не подлежащей налогообложению, в нищего загнанного беглеца, безоружного и обреченного, по следам которого бегут сразу несколько псов разных хозяев, — вот итог этой ночи.

Михаил погладил нож, последнее свое оружие. Сдаваться он не собирался ни своим, ни казахам. И уж кто-кто, а свои должны были это понимать: сами учили, что поведение в таких ситуациях должно быть прямым и целенаправленным. Начнешь метаться — сдохнешь. Существует такое понятие «точка возврата», после прохождения которой повернуть невозможно, надо идти только вперед. Свою точку возврата Михаил прошел, когда направил ствол пистолета в невысокий Сашкин лоб. Все.

— Стоп, — сказал себе Шустров и постарался переключить мысли на иное — воспоминание о Сашке и оставшихся в степи могло привести его в угнетенно-подавленное состояние. Он даже мог подумать, что совершил что-то неправильное. Допустить такие мысли было нельзя, он должен быть собранным, целеустремленным и готовым к дальнейшим действиям. И не жевать сопли по поводу того, что не исправить...

«Я ни о чем не жалею. Я ни о чем не жалею. Я ни о чем не жалею...» Мантра сработала, и Шустров стал думать о том, как вернуть сумку. И не напороться на преследователей.

Какая жалость, что он не присмотрелся к той девчонке, что бессовестно кинула его в вагоне! Стервочка подросткового возраста должна была понять по шустровским глазам, что воровать его сумку — значит искать приключений на собственную задницу.

И она получит свою порцию приключений. Посмотрим, выдержит ли их ее задница.

Шустров прикинул свои шансы: у него есть ее фамилия. Он знает, что девчонка ехала в Новоудельск. Если она там прописана, то дело легче легкого — через справочное бюро найти адрес и нанести визит. Если она приехала в гости...

Шустров помрачнел. В этом случае его дела плохи.

«Она должна быть местной, — сказал он негромко. — Она должна жить здесь. И я найду ее».

В этот момент поезд тронулся с места. Почтовый вагон, в котором отсиживался Шустров, дернулся и медленно покатился к Новоудельску, продолжая свой маршрут с опозданием в час с небольшим.

Михаил зевнул, потянулся и стал готовиться к прибытию в город. Совсем не на экскурсию.

2

Вся информация, касавшаяся событий в поезде, приходила к Бондареву. Поэтому Джуме повезло, и уже в час дня его вывели из камеры СИЗО и повели на собеседование с приезжим человеком.

Бондарев сверился с фотографией и остался удовлетворен сходством. Но любезности в его голосе не появилось.

— Ваши документы? — резко спросил он.

Джума развел руками и в десятый раз стал объяснять, что удостоверение у него забрали бандиты...

— Почему вы позволили им это сделать?

Джума опешил. Потом он хотел было сказать, что отчитываться о своих действиях и возможных ошибках будет своему начальству в Казахстане, но уж никак не наглым русским следователям... Однако, взглянув в глаза Бондарева, решил, что эти заявления стоит придержать при себе.

— Мне кажется, у меня был солнечный удар, — сказал он, помедлив. — Видимо, я потерял сознание. Меня отнесли в укрытие, и когда я очнулся, то с трудом ориентировался. Меня ударили, я снова потерял сознание. Когда очнулся — вокруг были вооруженные люди. И тогда уже я увидел, что русские, которых я привез в степь, убиты.

— Все русские были убиты?

— Сначала я не сообразил, но эти... бандиты сказали мне, чтобы я посмотрел на трупы и сказал, кого из русских здесь нет. Там не было парня, которого звали Миша. Мне сказали, что этот Миша забрал деньги, бывшие в одной из машин, и уехал. Я сказал, что могу его опознать. Они собирались меня убить, и поэтому я предложил свои услуги. Я надеялся при первой же возможности сбежать от бандитов, но получилось это только вчера...

Бондарев вроде бы сочувственно кивал, а потом спросил:

— В вагоне был Шустров? Это он устроил перестрелку?

— Миша там был. Я его увидел, и потом началась стрельба. Кто начал первым, не знаю, но у этих бандитов были с собой пистолеты. Они заранее готовились к чему-то такому...

— Как только началась стрельба, вы побежали. Так? И больше не видели ни Шустрова, ни этих бандитов.

— Да, — согласился Джума. — Я не оглядывался, когда уносил ноги.

— Знаете этого человека? — Бондарев протянул Джуме фотографию, сделанную в новоудельском морге с трупа человека, застреленного ночью в поезде.

— Знаю, — кивнул Джума и злорадно усмехнулся. — Это один из тех четверых. А остальные трое, значит, еще где-то здесь?

— Значит, так. У них красный джип, да? «Крайслер».

— Красный. А насчет марки не уверен.

— И у них много оружия.

— Вот это точно. — Джума широко развел руки в стороны. — Куча! Вот такие ружья! Пистолеты! Очень солидно ребята упакованы...

— Приятно слышать, — отозвался Бондарев. Он подумал, что начальнику местной милиции стоит побеспокоиться. Трое вооруженных убийц перетряхнут весь город, чтобы найти свои деньги.

— Извините. — Джума по тону беседы понял, что личность его установлена и в камеру его не вернут. — Вы кто по званию?

— Неважно.

— Ну да... А чем вчера дело кончилось в вагоне? Убили этого придурка, а еще?

— Больше никого не убили, — усмехнулся Бондарев. — Если вас интересуют трупы, это был единственный.

— А Шустров? Его нашли?

— Нет, — сказал Бондарев. — Пока не нашли.

— А он действительно украл деньги у бандитов?

— Джума Амантаевич, — сказал Бондарев. — Вы задаете вопросы, на которые я вам не ответил бы, даже если бы знал на них ответ. Когда я встречу с Шустровым, я обязательно поинтересуюсь насчет денег. Вам нужно дать официальные показания по поводу перестрелки в поезде, после чего можете ехать домой. Ваше начальство извещено, где вы находитесь. Претензий к вам нет ни у нас, ни у них.

— Это просто здорово, — обрадовался Джума. — Я могу идти?

— В соседний кабинет. Давать показания. Есть у вас какие-то пожелания?

— А можно, прежде чем давать показания, сначала поесть? Я уже больше суток ничего не ел...

— Можно, — кивнул Бондарев.

— А можно сначала поесть, потом выспаться, а потом уже давать показания?

— Женщину не хотите? — с серьезным выражением лица осведомился Бондарев.

Джума, которому за последние сутки было не до шуток, напрягся:

— Что?

— Я пошутил, — признался Бондарев. — Наверное, слишком жестокая шутка. Вы так грустно на меня смотрите...

— Боюсь, с женщиной придется подождать, — сказал Джума. — Перенервничал.

Он встал из-за стола и пошел к двери, но остановился.

— Как вы думаете, Миша поехал дальше? Или остался здесь?

— Не знаю, — сказал Бондарев. — А вам-то что? Для вас все кончено. Езжайте домой.

— Если он поехал дальше, то и эти сволочи за ним дальше потащились, — рассудил Джума. — А вот если он остался, то и эти трое где-то поблизости крутятся... Ох. — Он тяжело вздохнул. — Хоть обратно в камеру залезай и на все замки закрывайся. Если вы знали, что за сволочи разъезжают на красном джипе...

— Примерно представляю, — сказал Бондарев. Утром ему переслали по факсу из Алма-Аты краткое досье на убитого Шейбеналиева Р.У., который, по сведениям казахских правоохранительных органов, входил в банду Сарыбая и был причастен к нескольким

убийствам и похищениям людей...

— Зато вы не представляете, что бы я сделал с каждым из этих ублюдков, встретиться я с ними один на один, — мечтательно покачал головой Джума. — И чтобы у меня был автомат Калашникова...

— Будем надеяться, что вы с ними не встретитесь, — высказал пожелание Бондарев. — Так мне за вас будет спокойнее.

— За меня не беспокойтесь, — заметил Джума. — За них беспокойтесь. Я только сначала схожу пообедать...

— Вот именно, — согласился Бондарев. — И после этого я начну беспокоиться за всех казахских бандитов сразу.

3

Родители слушали рассказ Наташи с вытаращенными глазами. «Интересно, что бы вы сказали, если бы услышали правду? — подумала она. — Просто упали бы в обморок. Ничего, я позаботилась о вашем здоровье».

— Да-а-а, — глубокомысленно протянул отец.

— Просто ужас какой-то! — Мать нервно щипала себя за щеки. — Прямо в поезде... Нигде уже порядка не стало.

Мать Наташи десять лет проработала проводницей и считала по наивности, что поезда во все времена остаются оплотом порядка. Рассказ дочери ее сильно разочаровал. Она вздохнула и посмотрела на мужа:

— Теперь точно закроют ветку. Раз такие дела пошли...

— А ты думаешь, такое первый раз случается? Небось каждую неделю кого-нибудь да прирежут, — скептически отозвался отец. — Ладно, вы тут можете хоть до утра сидеть, а мне в восемь надо быть на работе...

Он встал и, позевывая, пошел в спальню, шаркая по полу дырявыми тапочками. За кухонным столом остались Наташа и ее мать. А также три пустые чашки и наполовину полный заварочный чайник.

— А может, и не потерялась сумка, — с надеждой посмотрела на дочь Ольга Петровна. — Кому нужны пирожки да варенье? Сдадут в бюро находок. Надо будет завтра сходить на станцию, спросить...

— Так поезд-то дальше пошел, — возразила Наташа. — На конечной станции ее, может быть, и сдадут в бюро находок.

— О-о-о, — протянула Ольга Петровна. — И правда... Значит, все — пиши пропало. Тетя Ксения так расстроится...

— А ты ей не говори. Скажешь по телефону, что все было очень вкусно.

— Сама скажешь. У меня соврать не получится.

— Хорошо, — кивнула Наташа. Она знала, по содержимому сумки было легко установить личность и адрес ее хозяйки. Хотя бы по надписи на титульном листе первого тома «Унесенных ветром», что Наташа брала с собой в дорогу, но так и не продвинулась дальше пятнадцатой страницы. Книга лежала вместе с бельем и пресловутыми пирожками тети Ксени. Может, мать была права, и после того, как Наташа стремительно покинула опасный вагон, ее сумку передали в милицию, а оттуда — в вокзальное бюро находок... Может быть. Только меньше всего сейчас Наташа хотела заниматься поисками собственной сумки. Ее волновала судьба сумки чужой.

Поэтому, когда мать упомянула, что в Наташино отсутствие несколько раз звонил Алик, девушка встрепенулась. Без Алика в этой истории было не обойтись. Более того — сам не подозревая о том, Алик уже был замешан в Наташину аферу с сумкой.

Возвращаясь пешком в город, Наташа сознательно миновала железнодорожный вокзал, где ее ждал отец. Она направилась к гаражу, где хранился мотоцикл Алика. В кромешной тьме, то и дело спотыкаясь о разбросанный на земле мусор и вздрагивая от подозрительных шумов, Наташа добрела до гаража, вытащила из секретного (но известного ей) места ключ, открыла дверь (пронзительно заверещавшую, словно сигнализация, извещающая о проникновении чужого). Не зажигая свет, на ощупь, она пробралась в дальний конец гаража, приподняла старую покрышку, положила под нее сумку и накрыла ее сначала покрышкой, а затем деревянным ящиком и куском брезента.

После этого она направилась домой, где открывавшая дверь мать никак не могла взять в толк, почему дочь стоит на пороге одна, в грязной одежде и без багажа. Потом явился отец, недовольный тем, что битый час впустую прождал Наташу на вокзале.

Но она все объяснила. Сначала отец, а потом мать отправились на боковую, а Наташа пошла в душ. Перед этим, в своей маленькой комнате, которую раньше приходилось делить со старшей сестрой, она сняла джинсы и вытащила из карманов несколько пятидесятидолларовых бумажек, которые взяла из сумки. На пробу.

Джинсы она бросила в таз для грязного белья, и струи горячей воды, обмывавшие ее тело, развеселили ее. Она беззвучно, чтобы не разбудить родителей, смеялась, терла розовой губкой в форме утенка свой плоский живот, маленькие крепкие груди, узкие бедра, которых пальцы мужчины касались пока лишь через ткань.

Она вылезла из ванной, завязала полотенце на голове чалмой и посмотрелась в зеркало, увидев там восхитительное тело юной девушки. Девушки, которую ждало восхитительное будущее. Теперь, когда прошедшая ночь обернулась таким сюрпризом, жизнь казалась прекрасной.

И она легла в постель с желанием проснуться как можно раньше, потому что ее ждало множество важных и тайных дел.

4

Утром следующего дня, когда Наташа Селиванова еще нежилась в постели, а Джума нервно ерзал на нарах в ожидании решения своей участи, на стол Бондарева легли листы факсовых сообщений.

Девушку, ехавшую с Шустровым, звали Селиванова Н. И. Ехала она в Новоудельск.

Майор из Новоудельского УВД вошел в кабинет и положил на стол книгу в зеленом переплете.

- Это что? — спросил Бондарев.
- "Унесенные ветром", — сообщил майор. — Книга подписана. — Он раскрыл том и прочитал: — Селиванова Наташа.
- Откуда это?
- Так ведь сумку ее нашли.
- В сумке была одна только книга?
- Остальное не представляет интереса. Еда. Туалетные принадлежности. Одежда.
- Одежда женская или мужская?
- Женская, — ответил майор и добавил: — Конечно, женская.
- А вот раз «конечно», то сегодня же найди адрес этой Селивановой. И отнеси ей сумку. Скажешь, что нашли в поезде, прочитали имя на книге... Понятно?
- Отдать сумку и?.. — вопросительно посмотрел майор.
- И все. Можешь задать пару вопросов насчет происшествия в поезде. Что видела? Почему бросила сумку? Но она вряд ли скажет что-нибудь дельное. Тогда повернешься и уйдешь.
- Понял.
- Только прежде чем туда пойти, установишь наблюдение за домом. А после установи постоянное наблюдение за этой Селивановой. Двадцать четыре часа в сутки.
- Понял. Думаете, она как-то связана...
- Пока не знаю. Сейчас три основные заботы — Селиванова, красный «Крайслер» и Шустров. Двое последних будут стараться не светиться. Но в Степном Шустров отметился в обменном пункте — менял доллары на рубли. Очень может быть, что деньги у него уже кончились. Тогда он снова будет вынужден менять деньги. Вывод ясен?
- Во все обменные пункты дать фотографии?
- Да. И чтобы лучше смотрели, напиши, что это известный налетчик. Который сначала присматривается к месту, где лежат деньги, а потом громит его. Пусть у этих девочек в окошках проснется чувство страха. А насчет красного «Крайслера» — передай описание на заправочные станции, в ГАИ. Только пусть не пытаются сами задерживать. Братская могила в Новоудельске — это не лучший итог розыскных мероприятий.

* * *

Адрес Натальи Селивановой был легко получен через паспортный стол. Оказалось, что это девушка шестнадцати лет от роду, живет с отцом и матерью в своем доме по улице Садовой, дом двадцать шесть. Отец — слесарь на автобазе, мать — продавец в универмаге. Все просто и банально.

Бондарев собрался подремать с полчасика прямо за письменным столом, когда майор вернулся. Его лицо выглядело растерянным.

— Пропало тело, — с порога сказал майор. — Из морга. Того типа, что был убит ночью... И никто ничего не заметил.

— Вам это кажется странным? — спросил Бондарев, прищурившись.

— В моей практике это первый случай...

— А в моей — не первый. И хочу дать вам совет — пока все это не кончится, ничему не удивляйтесь. Может быть, до сих пор вашему городу везло, и в него не заносило таких людей. Но везение кончилось. Эти люди здесь. Они будут решать свои задачи и не станут обращать внимания на условности и правила приличия. Так что будьте готовы...

— Я должен ответить «всегда готов»? — иронически посмотрел на Бондарева майор.

— Вы можете послать меня к черту. Только это ничего не изменит. Не я причина ваших несчастий. Причина в том, что железная дорога проходит через ваш город и что некто Шустров выбрал именно это направление... А вслед за Шустровым и компания в красном джипе. И я. Скованные одной цепью. — Он усмехнулся. — И как ни странно, но из всех троих я в самом выгодном положении. Я знаю, что происходит. Они знают только часть. Шустров знает, что за ним идут казахи, но не знает, что мы тоже у него на хвосте. Казахи не знают, что у Шустрова больше нет сумки с деньгами.

— Еще бы найти того человека, который знает, где сумка, — мечтательно произнес майор.

— А еще бы человека, который бы все про всех знал. Кто сказал бы, где находится Шустров, где сидят казахи, у кого деньги и при чем тут Селиванова. Хотите познакомиться с таким человеком, майор? — спросил Бондарев.

— Не отказался бы.

— А я отказался бы. — Бондарев откинулся на спинку кресла.

5

В конце долгого летнего дня облака на западном крае неба стали красными, словно пропитались кровью. Солнце, как полноправный хозяин здешних мест, уходило медленно и с достоинством. Всего на несколько часов даровало оно природе и людям освобождение от палящего гнета, чтобы затем вернуться и жечь, палить, иссушая любые проявления растительности, вгоняя в тревожный сон животных и пробуждая странные унылые мысли и у людей, тщетно пытавшихся укрыться от его лучей под крышами домов — жар проникал сквозь окна, трубы, двери, и не было от него спасения.

В этот час в степи, откуда Новоудельск казался выстроенным на песке макетом, молча сидели трое. «Крайслер» с выключенным двигателем стоял невдалеке. Прорывавшееся сквозь облака солнце тускло отсвечивало от металлических частей машины, но игра солнца с металлом тонула в столбе дыма, поднимавшемся от продолговатой ямы, вокруг которой сидели трое.

Малыш раскачивался взад-вперед, будто находился в трансе. Глаза его неотрывно смотрели в яму, хотя дым ел глаза, и по его круглым гладким щекам катились слезы. Странноглазый на этот раз не оправдывал данного Джумой прозвища. Его глаза были прикрыты веками. Он скрестил руки на груди, неловко выбросив вперед левую ногу, перебинтованную в колене. Синяя тряпка, служившая бинтом, пропиталась кровью.

Третий, водитель джипа, в руках держал выключенный плеер. Рядом лежала длинная сухая ветка, от которой он периодически отламывал куски и подбрасывал в огонь, не давая ему угаснуть.

Они не боялись, что уходящий в небо столб дыма привлечет к ним внимание. Они вообще ничего не боялись, потому что не имели такого права. В отличие от остальных участников гонки эти трое не обладали правом выбора. Они не могли махнуть рукой и вернуться назад с пустыми руками. Их приняли бы дома только в том случае, если бы они вернули пропавшие деньги. Любой ценой. Даже если бы из четверых вернулся лишь один.

Не выполнивших задание дома не ждали. В этом случае неудачникам грозила смерть от рук своих же друзей. А семьи ждал позор. Ни то ни другое не устраивало воинов из клана Сарыбая. Поэтому у них не было выбора — только дорога, только поиск и только удача.

Одному из них поиск уже стоил жизни. Пуля Шустрова пригвоздила его к грязному полу плацкартного вагона. Это была смерть в бою, и потому трое оставшихся не могли оставить мертвого друга в морге, откуда открывалась одна дорога — к бесславному захоронению в дальнем углу Новоудельского кладбища, где высились неухоженные заросшие холмики — могилы бродяг и людей, которых некому было хоронить.

Теперь убитый нашел достойное пристанище — огонь пожирал его тело, а слитая с дымом душа взлетела на небо. Когда пламя совершило свое очистительное дело и в яме остался обгоревший скелет с пистолетом «ТТ» на груди, трое поднялись и забросали покойника землей, чтобы ни люди, ни звери не нашли это место в степи.

Долг был отдан, и теперь троим предстояло пуститься прежним путем. Путем поиска и отмщения. Ничто на свете не могло их удержать на этой дороге.

Музыкант сел за руль, Малыш — рядом. Странноглазый втащил свою раненую ногу и лег на заднее сиденье. Джип, постепенно набирая скорость, двинулся к Новоудельску.

6

Качели негромко поскрипывали. Алик похлопал ладонью по креплению и заметил по-хозяйски:

— Смазать не мешает.

— На них никто не катается, — сказала Наташа. — Поэтому отец и не смазывает.

Деревянная доска на цепях свисала с могучей ветви яблони, что росла во дворе дома Селивановых. Качели соорудил отец Наташи в те незапамятные времена, когда две его дочери еще играли в куклы. С тех пор прошло много лет, а качели так и висели, напоминая жильцам дома об ушедшем и пробуждая странное тягучее чувство в груди. Возможно, поэтому качели и остались висеть, а не пошли на дрова.

Алик, с опаской прислушиваясь к скрипу, взобрался на доску и стал раскачиваться, весело помахивая ногами.

— Что за детский сад, — нахмурилась Наташа. — Больше заняться нечем?

— Есть предложения? — Алик спрыгнул с качелей и, приземлившись на обе ноги, картинно застыл перед Наташей. Качели вернулись и ударили Алика по заду, испортив весь эффект. Наташа засмеялась. Алик почесал ягодицу и ухмыльнулся.

— Так что, есть предложения? Сходим куда-нибудь?

— Куда? — вздохнула Наташа. — Куда здесь можно сходить?

— Ты так говоришь, словно только что вернулась из Парижа, — заметил Алик. — Там, слов нет, побольше развлечений... Но, по-моему, ты не из Парижа приехала. А из Степного. Там вроде бы не намного веселее, чем здесь. Во всяком случае, дискотека в парке все еще работает. Правда, вечером.

— А до вечера ты чем собираешься заняться? — поинтересовалась Наташа. — Качаться на качелях?

— Ну... — Алик почесал в затылке, сдвинув темно-синюю бейсболку на загорелый лоб. — Вообще-то мне надо будет в четыре кое с кем встретиться...

— Это с кем еще, интересно знать, ты стал встречаться, пока меня не было?

— Я же не спрашиваю, как ты себя вела в Степном, — парировал Алик.

— Спроси.

— Не хочу. Тем более что встреча у меня сегодня такая...

— Какая?

— Не очень приятная.

— Наверное, с Ирккой Козыревой? Приятного мало, учитывая, что у нее вся рожа в прыщах...

— Да я не с девчонкой иду встречаться. Это деловая встреча.

— Да? Ты теперь деловой?

— Приходится. Тебе, наверное, родители не рассказывали...

— А что они мне могли рассказать?

— В общем, пока тебя тут не было, я и еще двое пацанов... Костик и Рашид, ты их знаешь. Мы ездили на озеро...

— На озеро? Это же километров триста, наверное?

— Четыреста пятьдесят, — уточнил Алик не без гордости.

— Это ты ездил на мотоцикле за четыреста километров? Ничего себе!

— Не на мотоцикле. В этом все и дело. Понимаешь, Костик и Рашид ездили со своими девчонками. Вроде как на пикник. Жратвы взяли, палатку. И поехали на выходные. Один мой знакомый одолжил мне «шестерку». На ней и ездили.

— Ничего себе знакомый! — удивилась Наташа. — Машины в долг дает.

— Он нормальный парень. У него еще есть «Дэу», он на ней ездит. А «шестерка» не новая, вот он мне и дал покататься.

— Минутку, — нахмурилась Наташа. — Ты хочешь сказать, что Рашид и Костик были на озере с девчонками, а ты, бедный, страдал в одиночестве? Ты меня за дуру считаешь?!

— Не считаю я тебя душой, — сказал Алик, глядя в сторону. — Рашид сказал своей девчонке, чтобы та взяла с собой подружку для меня. Только у нас ничего не было, честно! Потому что ей плохо стало с водки, ее тошнило все время...

— Ну, здорово, — сказала Наташа дрожащим голосом, что должно было означать праведный гнев. — А если бы ей не стало плохо, то ты бы...

— Так ведь не было ничего! — пожал плечами Алик. — Что гадать о том, что могло бы случиться... Не случилось. И вообще — нечего вставать в позу. Я тебе все рассказываю, а ты мне — фиг! Откуда я знаю, что ты у тетки... — Он выразительно замолчал.

— Ну, хорошо. — Наташа постаралась ускользнуть от этой темы. Не то чтобы она чувствовала за собой какие-то грехи, просто исповедоваться, как Алик, она не хотела. Ей нравились тайны. — Так что там с тобой стряслось?

— Когда обратно возвращались, уже на окраине, вмазался в «Волгу». Пошел на обгон, а та по встречной... Короче, левый бок всмятку.

— И что сказал тот парень, который одолжил тебе машину? Наверное, он не очень обрадовался.

— Обmaterить меня он уже успел. А вот сегодня пойду к нему договариваться.

— О чем договариваться?

— Что я ему должен. Или деньгами, или еще как. Такие дела, Наташа...

— А починить нельзя?

— Можно, — невесело засмеялся Алик. — Починить можно. Только это денег стоит. Хороших денег. Мне отец сказал — сам наделал делов, сам и выпутывайся. Таких денег у него нет...

— Тебя просто нельзя оставить одного, — словно взрослый ребенку, сказала Наташа. — В какую-нибудь историю да влипнешь.

— Невезуха, — вздохнул Алик. — Бывает. Ничего, выкручусь.

— Во сколько у тебя встреча?

— В четыре.

— Знаешь что? Ты заходи потом ко мне. Тому парню ничего не говори, просто обещай подумать. И приходи сюда. Может, чего-нибудь придумаем.

— Я, конечно, зайду, — сказал Алик. — Только много ты все равно не надумаешь. Разве что научишься деньги рисовать. Пятьсот долларов. Да еще за «Волгу» почти столько же. Нарисуешь?

— Попробую, — сказала Наташа и посмотрела ему в глаза. Она испытывала сейчас приступ щедрости, который свойствен людям, внезапно и легко разбогатевшим. Она была готова облагодетельствовать Алика с высоты своего положения. Чем дольше Наташа думала о сумке,

что мирно лежала в гараже под старой покрышкой, тем сильнее было ее ощущение превосходства над Аликом, родителями и всеми остальными. Словно сумка была пьедесталом, взобравшись на который человек получал право смотреть на всех сверху вниз.

Алик не понял этого взгляда. Ему показалось, что подруга издевается над ним. Но он был готов смириться, потому что надеялся проложить дорогу к сердцу и телу этой девчонки.

— Я приду, — повторил он. — А твои предки дома будут?

— Возможно. А ты их боишься?

— Не то чтобы боюсь, но... Они же не знают, кто я такой.

— Ну, если тебе нужно официальное знакомство, то я тебе его устрою, — сказала Наташа и обняла Алика за талию простым и естественным жестом, от которого у Алика пересохло во рту и напряглась ткань джинсов в паху. В глазах его появилось восторженно-глуповатое выражение.

Такой реакции Наташа и добивалась. Она собиралась кое-что сделать для Алика, но и Алик был ей нужен для кое-каких серьезных дел.

7

Алик вернулся в начале шестого. Наташин отец только что пришел с работы и направлялся в ванную, будучи налегке — в бордовых семейных трусах и тапочках. Столкнувшись в коридоре с незнакомым парнем, он встал как вкопанный. Потом увидел, что вслед за парнем идет любимая дочь, и насупился. Селиванов хотел что-то сказать, но Наташа так быстро потянула Алика в свою комнату, что отец успел лишь произнести «кхм-кхм» и обнаружил, что остался в коридоре один. Он махнул рукой и прошлепал в ванную, посчитав, что еще успеет поговорить с дочерью по душам.

Наташа забралась с ногами на свою кровать и кивнула Алику на невысокий деревянный табурет.

— Ну, рассказывай.

— Чего рассказывать, — невесело буркнул Алик. То, что дела его обстоят неважно, Наташа поняла, еще когда открывала ему дверь. Все было написано на веснушчатом широком лице Алика. — Даже неохота рассказывать... С отцом, что ли, побазарить? Может, он найдет управу на этого гада...

— Наверное, когда ты у него машину брал, ты его не так называл.

— Тогда он вел себя по-человечески... А сегодня — как гад. Прихожу, а там еще два лба сидят. Лет по двадцать пять. С золотыми цепочками на шеях. И смотрят так исподлобья. Мол, сейчас тебя урыть, парень, или потом? А Женя — его Женя зовут — со мной говорит да все на своих друзей поглядывает. Намекает — если не сделаешь, как я говорю, будешь с ними иметь дело.

— А что он тебе сказал?

— Он сказал, что за разбитую машину я ему должен две штуки баксов. Позавчера он говорил про пятьсот. Я говорю, что можно дешевле отремонтировать: у меня отец может договориться — за триста баксов все сделают. А он мне: «Откуда я знаю, что твой отец сделает как надо? Что

за ремонт на триста баксов? Нет, давай две штуки. Покатался, теперь плати. А если денег нет, то поработай на меня».

— И что за работа?

— Что-то куда-то отвезти, в другой город. Что я не буду знать ничего о грузе, просто отвезу и отдам, а взамен мне дадут другой груз... Гнилое дело, я сразу понял. А он твердит — шесть таких ходок, и твой долг списан. А откажешься — кости переломают. И на тех двоих смотрит. А те кивают. Мол, всегда к вашим услугам.

— И что ты ответил?

— Сказал, что подумаю. Он мне дал три дня. Вот я и думаю, может, отец на работе соберет пяток здоровых мужиков, да наваляют они хорошенько этому Жене?

— Короче, залетел ты по-крупному, — подытожила Наташа.

— А ты-то чего радуешься? — не выдержал Алик. — Какого черта звала к себе, если сидишь и подсмеиваешься?

— А ты хочешь, чтобы я помогла?

— Хотя бы идею какую-нибудь подбрось! А то у меня уже шарики за ролики закатились, ничего не соображаю. Хочется Жене морду набить, вот и все. Больше ни одной мысли.

— Когда ты брал у него машину, ты его долго уговаривал? — спросила Наташа.

— Нет, недолго.

— Он сразу согласился, да?

— Да это он фактически и предложил мне взять машину. Я еще подумал: «Вот клевый мужик!» Да и с чего ему быть жадным — сам-то на новой тачке разъезжает, а «шестерка» просто в гараже стояла...

— Это он тебя купил на эту «шестерку», — сообщила Наташа. — Если бы ты ее не разбил, он бы по-другому придрался. И деньги он такие огромные заломил, чтобы ты не мог откупиться.

— Ты к чему клонишь?

— К тому, что ему понадобился дурачок, который мог бы возить разные опасные грузы. И чтоб денег за это не брал. Вот он куда тебя потянул, врубился?

— Я — дурачок? — возмущенно проговорил Алик.

— А кто же еще? Ты же купился. И что бы ты без меня делал...

— В каком смысле? — Алик вообще ничего не понимал.

— У меня с собой нет двух тысяч, — сказала она и выложила на кроватное покрывало несколько смятых купюр зеленого цвета. — Но если ты со мной прогуляешься кое-куда, то все будет в порядке. Идешь?

Алик безотрывно смотрел на купюры: это была не какая-то там мелочь, а

пятидесятидолларовые купюры. Она запросто кинула перед ним четыреста баксов.

— Это ты в Степном их заработала? По сто баксов за ночь? — произнес он деревянным голосом. Он чувствовал себя в этот момент несчастным и униженным. Сосед Женя, казавшийся другом, использовал его в своих целях. А подруга, которую он воспринимал как смазливую девчонку, не способную на что-то серьезное, вдруг легко швыряется «зеленью» и предлагает отмазать его от всех проблем. Это был сокрушительный удар по самолюбию Алика. И именно это обиженное самолюбие заставило его выдать оскорбительный вопрос, на который Наташа отреагировала вполне естественно.

Она покраснела и отчетливо произнесла:

— Ты дурак и кретин. Лечиться тебе надо. Я к тебе... А ты...

Тем не менее через пять минут они вышли из дома и направились к гаражу. Когда Наташа откинула крышку, растянула замок в сумке, достала пачку долларов и спросила: «Этого тебе хватит?», Алик потерял дар речи.

А потом он был готов согласиться с Наташей, признать себя дураком, кретином и немедленно отправиться на лечение.

Потому что он увидел то, чего не видел еще никогда в жизни.

8

— Это что, твое? — потрясенно произнес Алик. Он смотрел не на пачку денег в руке Наташи, а ниже, и видел, что синяя спортивная сумка с надписью «Мальборо» доверху набита такими пачками.

— Мое, — подтвердила Наташа. Она уже твердо верила в то, что имеет бесспорное право на эти деньги, право, заработанное несколькими минутами ужаса, что были пережиты ею в вагоне.

— И откуда? — глупо спросил Алик. Его не столько интересовало происхождение денег, просто надо было что-то сказать. — Откуда это?

— От верблюда! — ответила Наташа. — Какая разница? Главное, что эти деньги здесь, у меня. А я готова дать тебе столько, сколько тебе нужно, чтобы рассчитаться за машину.

— Чтобы по-настоящему рассчитаться с этим гадом, нужны не деньги, а крупнокалиберный пулемет. Кстати... — Алик всмотрелся в содержимое сумки. — А это что за штукавина?

Он вытащил промасленный сверток, который Наташа по наивности приняла за какую-то деталь к автомобилю.

— Это тоже твое? — тихо спросил Алик. Как любой нормальный мужчина, он относился к оружию с уважением. — Вот это вещь! — оценил Алик пистолет-пулемет, не дожидаясь, пока Наташа ответит на его вопросы. — Классная штука... И магазин!

Наташа нахмурилась — ей здесь отводилось явно второе место после оружия. Знала бы заранее — выбросила бы эту чертову штуку. Во всяком случае, благодарности от Алика она пока не услышала.

— Положи эту штуку на место, — сурово сказала она.

— А? — Алик встрепепнулся. — Да, конечно...

Он осторожно завернул оружие в бумагу и вернул в сумку.

— Так, значит, все это твое?

— Мое.

— А почему оно лежит в моем гараже? И как это отец еще не добрался до твоего сокровища? — удивился Алик.

— Потому что это лежит здесь только со вчерашнего вечера.

— А где это было раньше?

— Я уже сказала — не твое дело, — отрезала Наташа, подумав, что на самом деле гараж — плохое место для хранения. Стоило подыскать новое укрытие, только где?

— Так ты даешь мне деньги? — спохватился Алик и взял из Наташиных пальцев пачку долларов. — Сколько здесь? Пятьдесят долларов, сто штук... Пять тысяч! Ни хрена себе!

— Отдай этому Жене две тысячи, — велела Наташа. — Только отдай их не один на один, а при людях, чтобы он потом не смог снова на тебя наезжать. Пусть будут свидетели. А после этого на километр не подходи к своему соседу!

— Это я и сам понял, — пробормотал Алик. Он снял с пачки резинку и теперь пересчитывал деньги, чтобы поделить их на две части — себе и Жене. — Блин, я столько бабок за один раз никогда не видел! Ты, блин, миллионерша!

— Спасибо, что заметил.

— А что ты теперь будешь покупать? Можно машину купить. Или квартиру, чтобы отдельно от предков жить...

— Я сейчас не буду ничего покупать, — отчеканила Наташа. — Это мое будущее.

— Не понял... — растерялся Алик. — Зачем тогда деньги, если их не тратить? Какое будущее?

— Через год я закончу школу и уеду из Новоудельска.

— Куда?

— В Москву. Или в Питер.

— А, у тебя же сестра...

— Дело не в сестре. Я не к ней поеду. Я просто хочу уехать отсюда. Я хочу найти место, где у меня будет интересная жизнь.

— Ух ты, раскатала губенки, — рассмеялся Алик. Потом он посмотрел на сумку и задумался. — Хотя... С такими деньжищами ты уж повеселишься.

— Вот именно. Я сниму квартиру, найду работу или поступлю в институт. И я не буду ни от кого зависеть, потому что у меня есть вот это. — Она кивнула на спортивную сумку. — Я не

хочу жить, как мои родители — всю жизнь в этой дыре за копеечную зарплату. Я пробьюсь. Понимаешь?

— Я-то понимаю. — Алик отошел в угол гаража, нашел там ветошь и вытер испачканные оружейной смазкой руки. — Я понимаю, что ты хочешь жить так, как по телевизору показывают. Только, скажи, пожалуйста, какого черта ты это мне рассказываешь? Потравить хочешь?

— Больно надо мне тебя травить, — снисходительно ответила Наташа. — Лучше скажи, куда ты собираешься через год?

— Понятия не имею, — буркнул Алик. — Тоже буду поступать куда-нибудь. Иначе в армию забреют. Но не в Москву. Мне там делать нечего.

— Неужели? — В голосе была ирония, но Алик ее не заметил.

— А что мне там делать? Я там никого не знаю. Там все дорого, и бандиты, говорят, на каждом шагу...

— А если бы я тебя попросила поехать вместе со мной?

— Вместе? — Сюрпризы для Алика продолжались, и он уже устал от обилия неожиданных предложений.

— Да. Все-таки девушке одной тяжело пробиваться в большом городе. Нужен кто-то сильный, чтобы был рядом и оберегал. Я подумала о тебе... Нравится идея?

— И на этот случай ты уже приготовила автомат в сумке? Чтобы я оберегал?

— Ты подумай, Алик, — значительно произнесла Наташа. — Я даю тебе шанс. Другого у тебя может и не быть...

— Я подумаю, — пообещал Алик. — Времени на раздумье — полно.

— Почему это?

— Ты же собираешься только в следующем году отсюда сваливать? Значит, я могу еще целый год думать.

— Ты что же, сомневаешься? — удивилась Наташа.

— Угу, — кивнул Алик. — Как-то это все мне не очень нравится. Ты при деньгах, а я вроде как у тебя такой мальчик — чемодан поднеси, в магазин сбегай, от хулиганов защити...

— Ты не просто мальчик, — сказала Наташа, подойдя к нему вплотную и положив руки на плечи. — Ты мой мальчик. Я прошу тебя, ни о ком другом я даже и не думала. Честное слово.

— Я подумаю, — повторил Алик, чувствуя, как Наташины пальцы обхватывают его шею. — Я подумаю, — торопливо произнес он, прежде чем надолго замолчать и погрузиться в торопливый ритм взаимных влажных прикосновений.

«Господи, да она делает со мной, что захочет!» — подумал Алик. Но это была радостная мысль.

И конечно же, он помог ей найти новое место, куда можно было бы спрятать сумку. Они отошли метров на триста от гаражей в маленькую рощицу, и там Алик выкопал небольшую яму, куда и была укрыта сумка. Поверх грунта Алик набросал веток, разного мусора, чтобы это место не отличалось от других.

— А ты уверен, что мы найдем это место? — спросила Наташа.

— Найдем, — заверил Алик. — А ты не думаешь, что, когда придешь в следующий раз на это место, там будет пустая яма?

— А куда же денется сумка? Ты, что ли, стащишь?

— Хотя бы.

— Ты этого не сделаешь, — уверенно сказала Наташа.

— Почему? Я на полном серьезе, — ухмыльнулся Алик. — Ты такая смешная, Наташа. Собираешься ехать в Москву и там пробиваться куда-то, а сама так подставляешься. Заберу сумку, и как будто ничего там не было.

— Вот так? — Она остановилась.

— Это не значит, что я ночью побегу выкапывать сумку. Я просто предупредил, чтобы ты не доверяла всем.

— И тебе?

— Мне можешь. Немного. Но если хочешь быть уверенной, перепрячь сумку сама.

— Хорошо. Завтра. Найду какое-нибудь место в доме, куда отец с матерью не заглядывают. — Она подозрительно взглянула на Алика.

— Успокойся. Не собирался я ничего такого делать. Ты хотя и миллионерша, а все равно девчонка еще глупая.

— На себя посмотри, гений. Кто кого выручает? Это я тебе, наверное, две штуки подарила, а не ты мне.

— Молодец. Потому я и подсказал тебе, чтобы не доверяла никому. В том числе и мне. Ты же могла мне не рассказывать о своих деньжищах, сидела бы да помалкивала. А ты мне помогла. Вот и я тебе помог. Все честно.

— Ага, — согласилась Наташа и подумала, что, не случись с Аликом ничего такого, она бы все равно рассказала о сумке с деньгами. Что это за тайна, если о ней никому нельзя рассказать? Она также подумала, что, кроме кучи денег, человеку нужна еще и опора, друг, с которым можно обсуждать самые тайные и самые сложные дела. Ей повезло, что у нее есть Алик.

Она взяла его руку в свою. Их пальцы переплелись.

Так они прошли от гаражей до центра Новоудельска. Алик отыскал своего соседа Женю в баре «Старый фрегат». Название звучало странно, учитывая окружающие город степи.

Алик спустился по лестнице в подвальное помещение, где в свете неярких огней играла музыка, смеялись девушки и под перезвон пивных бутылок и высоких стаканов для коктейлей

решались кое-какие финансовые вопросы. Кто-то сказал Алику, что в «Старом фрегате» отдыхают бандиты. Но до полуночи было далеко, и Алик надеялся, что бандиты еще не успели подтянуться в бар.

Он быстро прошел вдоль стойки, заглядывая в лица посетителям, двинулся в дальний конец помещения, где столики тонули в темноте, и эта темнота использовалась по-разному. Алику слышались какие-то стоны — женский голос вибрировал, перемежаемый основательным мужским кряхтением.

— Алик? Иди сюда, братан, — ухватили его за рукав. Он повернулся и увидел Женю.

— Присаживайся, — с улыбкой пригласил сосед и потянул Алика за стол, где уже сидели двое парней и девушка. Это были не те парни, с которыми Алик познакомился в прошлый раз. И это его обрадовало. А девушка держала пухлые губы плотно сжатыми — значит, стонала не она.

— Держи. — Женя пододвинул Алику бутылку пива. — Угощайся.

— Я... Мне некогда, — сказал Алик и полез в карман. — Я это... Я деньги принес. Как ты и говорил, две штуки.

Парни прекратили разговор и посмотрели на пачку долларов, которую Алик извлек из кармана. В глазах девицы появился голодный блеск. Она придвинулась к столу, и Алику стала видна в вырезе платья ее большая грудь.

— Хорошо, — произнес Женя, стараясь выглядеть равнодушным, но пальцы его в ускоренном ритме барабанили по поверхности стола.

— Вот, — сказал Алик и протянул Жене сорок пятидесятидолларовых банкнот. — Пересчитай.

— Обязательно. — Женя сдвинул бутылки и стаканы на край стола и стал аккуратно, словно карточный пасьянс, раскладывать банкноты двумя длинными рядами. Минуты через три он поднял глаза на Алика и сказал с некоторым разочарованием. — Все правильно...

— Я тебе ничего не должен. Мы в расчете, — четко выговорил Алик, глядя на соседа.

— Само собой, — согласился Женя, убирая деньги. — Наверное, напрягся, чтобы собрать бабки? Кто тебе помог?

— Это уже не твое дело. — Алик отступил назад. Если бы было возможно, он припустил бы из бара бегом. Но он держал марку и уходил медленно. — Все, я пошел.

— Не посидишь с нами? Выпьем, поболтаем, — предложил Женя, но Алик не остался бы здесь даже в том случае, если бы ему пообещали вернуть две тысячи. Ему здесь не нравилось. Что-то здесь было в самом воздухе — гнетущее и опасное.

Алик стремительно выбежал из бара на улицу и схватил Наташу за руку.

— Ну? — взволнованно спросила она. — Все в порядке?

— Вроде бы да. — Алик настороженно огляделся — ему мерещилось, что кто-то незнакомый и злоеший поднялся вслед за ним из «Старого фрегата» и теперь наблюдает из-за угла. — Но все равно — давай побыстрее слиняем.

Наташа не стала возражать.

— Пойдем ко мне домой. Я познакомлю тебя с родителями. И поедем заодно.

— Вот это кстати, — обрадовался Алик. — А что сначала — родители или ужин?

На самом деле сначала их ждало ни первое, ни второе. Пройдя мимо выглядевшего напряженным отца и озабоченной матери, Наташа увидела сидящего на кухне человека в милицейской форме.

— Здравствуйте, — удивленно и настороженно сказала Наташа. И не без труда улыбнулась.

— Добрый вечер, Наталья Ивановна, — ответил майор. Улыбки на его лице не было.

10

Хаотичные и расчетливые, случайные и преднамеренные, разрозненные и направленные единой волей — все события, протекавшие в Новоудельске вслед за вынужденной остановкой пассажирского поезда на окраине города, странным образом миновали человека, который, собственно, и нарушил покой захолустного степного городка своим появлением.

Михаил выпрыгнул из почтового вагона, когда поезд начинал тормозить. Потом он двинулся в противоположную от вокзала сторону. Используя ночную тьму, он остался незамеченным. Довольно быстро прошел город насквозь и на противоположной окраине обнаружил маленький деревянный домишко, показавшийся Михаилу необитаемым. Внутри дома он проникать не стал, а снял с близстоящего сарая засов, нашел там относительно чистое место и улегся спать, скрутив проволокой дверные ручки изнутри.

И после этого он провел около двенадцати часов в странном состоянии — где-то между сном и бредом. Только сейчас Шустров понял, как он устал — не в последнюю очередь от непривычного климата. Крем кое-как спасал от ожогов, но жара и пыль, в которых он пребывал уже неделю, измотали его.

К тому же отдых в сарае явился первым полноценным отдыхом за все это время. Однако его напряженный рассудок с трудом переходил из режима стресса в режим расслабленности. И первые несколько часов Шустрову снились сны — короткие фрагменты, прерывавшиеся его пробуждениями. Он смыкал веки, и поток знакомых и незнакомых образов обрушивался на него. Он дергался, переворачивался, хватал себя за левую сторону груди, где когда-то была наплечная кобура, а сейчас пустое место. И хотя ночь была довольно прохладной, Шустров быстро вспотел во сне. Сначала ему приснилось, что он все еще едет в поезде. Вагон трясет, стучат колеса на стыках рельсов. Он смотрит на девушку, что сидит на боковой полке, а девушка смотрит на него. Шустров чувствует себя вполне беззаботно, он не думает ни о деньгах, ни о погоне. Он не прочь поболтать с девушкой, а там — возможны разные варианты. Они все смотрят друг на друга, и Шустров начинает жалеть, что они едут в плацкартном вагоне, а не в СВ. Они продолжают молча пожирать друг друга глазами, и Шустрову кажется, что во взгляде его попутчицы написано: «Я готова. Ты мне нравишься. Я хочу тебя». Михаил улыбается — ему приятны такие признания. Он тоже хочет сделать девушке что-нибудь приятное. Он снимает с безымянного пальца правой руки обручальное кольцо и протягивает ей. Не разжимая губ, он произносит: «Возьми, это подарок». Девушка мило улыбается, берет кольцо. Встает, подходит к Михаилу и целует его в лоб. «В губы, — говорит он, — надо в губы». Он закрывает глаза, предвкушая прикосновение нежных губ, но ничего не происходит. Он не выдерживает и открывает глаза. Девушки нет. Она исчезла. «Она забрала с собой мою вещь!» — кричит Михаил, вскакивает с полки и... просыпается.

Вытерев со лба пот, он поворачивается на левый бок и засыпает. Сразу же темнота. Настолько

темно, что режет глаза. Михаил вдруг понимает, что это не темнота — это свет, белизна, настолько яркая, что больно глазам. Он закрывает их ладонью.

Чья-то рука заставляет его отнять ладонь от лица. Рука маленькая, тонкая, но сильная. Такие руки есть только у одного человека — у его матери.

И Михаил понимает, что белизна — это снег. Вокруг только снег. И высокие сильные кедровые деревья, уходящие прямо в небо. Он дома. Нет этой идиотской жары, нет безумных казахов с пистолетами. Он дома.

Шустров облегченно вздыхает и садится в снег. Он одет легко — та же синяя майка, джинсы. Но ему не холодно. Он берет снег и трет им лицо. «Класс!» — кричит он. «Простудишься!» — отвечает мать. Она стоит в своем старом черном пальто и сером пуховом платке.

«Не простужусь, — весело отвечает Шустров. — Я здоровый».

«Здоровый, только толку от твоего здоровья немного, — ворчит мать. — У других дети как дети, помогают родителям... А ты?»

«А что я? — обижается Шустров. — Я разве не помогаю? И на огороде летом, и вот сейчас...»

«Без этой помощи я обойтись могу, — строго говорит мать. — Я пока еще сама не больная. А случись что — как с отцом случилось, — где твоя помощь?»

Шустров хмурится: ему неохота в сотый раз доказывать матери, что все случилось так, как должно было случиться. Он был в командировке на Северном Кавказе, когда у отца случился сердечный приступ. Он был на этом чертовом Кавказе, когда в областной больнице матери сказали, что единственный способ спасти отца — срочно делать операцию. Что-то там с сосудами. Такие операции делали в Питере. Примерно за десять тысяч долларов. У матери не было денег даже на то, чтобы отправить отца туда на самолете. Она звонила сыну в Москву, но жена бесчисленное количество раз отвечала, что Миша в командировке, а местонахождение в таких случаях никто не сообщит. Михаил приехал через семь дней после похорон отца.

Мать ничего не выговаривала ему. Она все понимала. Шустров обустроил могилу, побыл еще несколько дней с матерью, помогая ей сжиться с потерей. Но сжиться с этим было невозможно, потому что сама жизнь оказалась разорванной смертью отца на две части: до и после. Соединить эти части было невозможно. Что-то изменилось навсегда.

Изменилась в первую очередь мать: она осунулась, помрачнела и истончилась, словно отец, уходя в иной мир, забрал с собой и часть ее. Изменились ее разговоры — ни о чем она не беседовала так охотно и долго, как о своей будущей смерти. Михаила это насторожило, тайком от матери он переговорил с врачом из районной поликлиники. Тот сказал, что имеет место общее нервное истощение и что было бы удивительно его отсутствие.

Мать Михаила выискивала и выпрашивала все последние известия о смертях своих знакомых и родных: кто от чего умер, какие были похороны, какую могилу устроили.

Когда Шустров приехал на годовщину смерти отца, то вся накопленная информация обрушилась на него, приведя его в состояние оторопи.

— У Никифоровой Прасковьи на похоронах сто пятьдесят человек было, — сообщала мать. — А уж какой памятник ей сыновья сделали! Любо-дорого поглядеть! Мраморный, два метра высотой!

— Откуда у них такие деньги? — мрачно поинтересовался Шустров.

— Достали для родительницы, — с укоризной в голосе сказала мать. — А вот я про себя думаю: хоть оградку бы мне сынок сделал... Может, и того не дождусь.

— Ты еще сто лет проживешь, — произнес Шустров, глядя в стол, разделявший их.

— Не загибай, не надо, — вздыхала мать и начинала сетовать на сына, который живет себе в Москве в свое удовольствие, кинув мать на произвол судьбы. А пенсия маленькая, едва на жизнь хватает, куда уж там на похороны скопить. А похороны-то нужно по-людски устроить: чтобы весь поселок был, чтобы помнили люди...

— А если сто пятьдесят человек не упьются на поминках, так и помнить не будут? — с сомнением спросил Михаил. — Ну и к черту таких соседей, которые только дармовую водку помнят.

— Тебе-то что, — продолжала сетовать мать. — Живешь сам по себе, про отца забыл, когда тот концы отдавал, и про меня забудешь...

— Ну так я же здесь. Я же не забыл. Просто работа у меня такая, что часто приезжать не могу. И денег на двухметровый памятник у меня нет.

— А зачем тогда такая работа? — язвительно проговорила мать, и Михаил замолчал, не желая продолжать этот бессмысленный спор.

Но и он не мог простить себе того, что случилось с отцом. Если бы он вовремя узнал, он бы приехал. Он бы постарался собрать деньги.

Однако все возможности остались в прошлом. В той половине жизни, которая называлась «до».

Он собирался уезжать в Москву, когда у матери случился приступ. В больнице молоденький врач долго и путано объяснял Михаилу сущность заболевания. Шустров запомнил лишь «поражена вся система» и «организм слишком изношен». Хуже всего было то, что болезнь усугубила у матери желание пенять Михаилу на отсутствие заботы. Через пару недель мать выписали из больницы домой — терапия оказала кое-какое действие. «Ждите следующего приступа», — сказал врач. Заплатив сиделке за первые три месяца, Шустров уехал в Москву.

Сидя в купе, он попытался подсчитать примерную стоимость похорон и поминок, в случае если это произойдет — не дай бог — в ближайшее время. Сумма получилась внушительная. Почти столько же стоили «Жигули», купленные в позапрошлом году. Да еще и сиделка... Михаил регулярно отправлял деньги переводом. И регулярно получал ответы, что ухудшения состояния не наступает. Улучшения тоже.

Следующий его приезд к матери начался со слов «Заявился наконец!», когда он переступил порог дома. Она много чего наговорила столь же обидного и несправедливого. Упомянула каких-то Козловых, у которых сын взял больную мать к себе в Астрахань и прописал в своей квартире. Какого-то Васюка, отправившего больного отца лечиться в Германию.

Михаил молча слушал, потом отдал сиделке деньги за полгода вперед и спросил, кто такой Васюк.

— Это директор лесокомбината, — пояснила женщина. — Хорошо живет, очень даже. Дача, что твой дворец. Дочка в Америке учится...

Шустров понимающе кивнул. Он только не мог понять, почему он, всю жизнь старавшийся жить с законом и людьми в ладу, нажил только однокомнатную квартиру и не накопил достаточно денег на похороны матери. А какой-то вор, от которых Михаил в последние годы по долгу службы защищал честных граждан, имеет все.

В Москву он уезжал мрачный как никогда. Увидев его потемневшее лицо, проводница в вагоне испуганно спросила:

— Вам плохо? Сердце?

— Нет, — ответил Михаил. Хотя боль действительно находилась в сердце. И не собиралась оттуда уходить.

Немудрено, что мать стала являться ему в снах. И он начал копить деньги на будущие материнские похороны. Жена попробовала было заикнуться, но Михаил пресек такие разговоры. Ценой пары истерик.

И этот сон — о снеге, о матери и ее словах — он не был новым. Он приходил раз за разом. Менялись слова, произносимые матерью. Не менялось ее настроение. Специально тренированная память Михаила являлась гарантом того, что все слова — подлинные, что все они когда-то действительно произносились его матерью. От осознания этого было еще тяжелее.

Но самыми тяжелыми были воспоминания о синей сумке, когда Михаил думал о ней как о небесном даре, посланном, чтобы он мог изменить жизнь, умиротворить больную и бесконечно любимую мать. Тогда он понимал, что воспользоваться даром он может, лишь порвав с прошлой жизнью и бросившись в жизнь новую, где будут он, его мать, покой и материнская благодарность. Эти две жизни разделяла пропасть, которую надо было мысленно преодолеть. А в реальности — наставить пистолет в лоб маленькому снайперу Сашке и нажать курок, чтобы убрать последнее препятствие на своем пути.

Тогда в затылок било невыносимо жестокое солнце. В какой-то миг Михаил подумал, что слепнет — настолько яркие белые круги поплыли у него перед глазами, заслоня все вокруг. Лицо Сашки — белый свет — песок — синяя сумка — белый свет — Сашка...

Он медлил, потому что, порывая с прежней жизнью, он убивал и часть себя. Он медлил, а солнце расплавляло ему голову, и в какой-то миг вместо лица Сашки он увидел перед собой лицо матери...

Почему-то именно в этот миг Шустров нажал на курок. И закрыл глаза.

Он стоял так несколько минут, боясь посмотреть на тело, что лежало на песке у его ног.

Но потом открыл и даже вздохнул с облегчением — лицом вниз на песке лежал Сашка.

Шустров вытер рукоятку и спусковой крючок, бросил оружие к мертвому бандиту в кожаном пиджаке.

И вскоре уже заводил двигатель в джипе. Разрыв состоялся. Шустров завис в прыжке от старого берега к новому.

Но когда из вагона исчезла синяя спортивная сумка, этот прыжок оказался бессмысленным. Исчезла причина. Исчез мотив всего страшного и невозможного, что совершил Михаил за

последние двадцать часов.

Это было настолько тяжело сознавать, словно он получил заверенную подписью Господа Бога записку, где говорилось, что его рождение было ошибкой и жизнь его не имеет ни малейшего смысла.

Он лежал в заброшенном сарае на окраине Новоудельска, подтянув ноги к груди и вздрагивая от своих снов.

После того как исчезло лицо матери на фоне сибирских снегов, засияло безумное солнце степей. Оно было почему-то красным.

Михаил стоял один посреди степи, сжимая сумку в руке. Песок у его ног шевелился. Сначала он подумал, что это змея, и отступил назад. На нем были высокие сапоги, и змей он не боялся.

Однако в следующий миг обнаружилось, что это не змея. Гораздо хуже.

Черные обрубки пальцев высунулись из серо-желтого песка, а потом появилась и вся кисть, обожженная, изуродованная. Она стремительно продвигалась по поверхности земли и вдруг совершила прыжок. Пальцы сомкнулись на ноге Михаила.

И он закричал, разжав пальцы и уронив свое сокровище на землю.

Он закричал и во сне, и наяву.

11

— Селиванова Наталья Ивановна? — спросил майор.

— Да, она самая, — осторожно проговорила Наташа. Они сидели за кухонным столом, друг против друга. Майор попросил Наташиных родителей оставить их наедине, а Алику такая просьба и не понадобилась: он немедленно выскочил во двор и скрылся где-то среди деревьев. Просто так, на всякий случай.

— Вы возвращались вчера в Новоудельск на поезде номер сто сорок семь? Двенадцатый вагон?

— Да, — все так же осторожно ответила Наташа. Она знала, что с милицией следует держать ухо востро, что они могут прицепиться к любому слову. И старалась говорить их поменьше.

— На подъезде к городу произошло ЧП. Вы были в вагоне в этот момент?

— ЧП?

— Чрезвычайное происшествие. Перестрелка. Есть человеческие жертвы. Вы были там?

— А-а-а... — замялась Наташа. Она с удовольствием бы сказала, что ничего не знает и ничего не видела, чтобы без лишних хлопот выпроводить майора, но, как она подозревала, вопросы были чисто формальными — майор и так знал, что Наташа была в вагоне. — Да, я была, когда все это началось.

— Ага. — Майор вроде как обрадовался. — Мы сейчас проводим расследование этого происшествия, поэтому мне хотелось бы услышать обо всем, что вы видели и слышали тогда.

— Понятно. — Наташа перевела дух. Ее пока ни в чем не обвиняли — и то хорошо. Хотите

рассказа? Пожалуйста. — Знаете, я особенно ничего такого не видела. Во-первых, было темно, а во-вторых, как только начали стрелять, я выскочила из вагона. Очень испугалась.

— Вы не видели, кто начал стрелять?

— Нет. Я видела только каких-то мужчин, которые шли по проходу в мою сторону. Они были такого... Восточного вида. И потом сразу началась стрельба.

— Ваш сосед, молодой мужчина в джинсах и синей майке. Помните такого?

— Помню. Он вроде бы спал, но, когда началась стрельба, его уже не было на месте. Не знаю, куда он делся.

— Понятно, — кивнул майор и что-то пометил в своих бумагах. — Значит, началась стрельба, и вы...

— Я испугалась и выбежала из вагона.

— В соседний вагон?

— Нет. — Наташа изобразила на лице смущение. — В туалет. Там было открыто, и я... А потом открыла окно, выпрыгнула наружу. И пошла домой.

— Что, вот так по рельсам и пошли?

— Да. Мне было страшно...

— И вы не стали дожидаться, пока поезд снова тронется?

— Нет, я видела, что едут милицейские машины, но я была словно не в себе. Не могла остановиться и шла, шла...

— Вы были настолько не в себе, что оставили в купе свои вещи, — сказал майор и испытующе посмотрел ей в глаза, надеясь увидеть испуг, замешательство или удивление.

— Да! А вы нашли мою сумку? — Она широко раскрытыми глазами уставилась на милиционера, словно двумя прожекторами излучая на него неземную радость по поводу обретения утерянного багажа. — Правда? А я потом спохватилась, но подумала, что сумка моя поехала дальше по маршруту...

— Нет. Не поехала, — сказал майор. — Мы нашли ее в купе. И там была книга, подписанная вами...

— Ага, «Унесенные ветром», — кивнула Наташа. — И еще там пирожки должны быть, тетя Ксения положила...

— По-моему, пирожки на месте. — Майор наклонился и выдвинул из-за табурета сумку. — Подпишите вот здесь... Это акт передачи вам возвращенного имущества.

Наташа черкнула быструю закорючку под текстом.

— Это все? — легко и весело спросила она.

— В общем, все.

— Спасибо за сумку. А что там случилось? Вы уже выяснили?

— Еще не до конца, — уклонился от ответа майор. — Когда выясним, то сообщим в газете. А то много шуму наделала эта история. Только и разговоров в городе что об этой перестрелке. Можно еще один вопрос, Наташа?

— Можно, — кивнула она, поставив сумку себе на колени и наскоро просматривая содержимое.

— Ваш сосед, тот, в синей майке... У него была с собой синяя сумка с надписью «Мальборо». Помните?

— У соседа? — Наташа не спешила поднимать глаза. Ей вдруг показалось, что именно сейчас майор задает свои главные вопросы, а то, что было раньше, — пустая болтовня, чтобы заставить ее расслабиться. — Да, помню...

— Что? — Майор подался вперед, навалившись грудью на стол. — Что вы помните?

— У него была сумка. — Наташа прекрасно понимала, что майор не из легковых дурачков и что на абсолютную ложь он не купится. Поэтому она решила сказать полуправду. И улыбаться при этом — как любая более или менее самоуверенная женщина, пусть и шестнадцатилетняя, она полагала, что ее улыбка способна хоть на миг затуманить мозги мужчине. Сейчас это было бы как нельзя кстати. — Она лежала на третьей полке, рядом с моей.

— И вы не видели, куда она делась? — Майор никак не отреагировал на улыбку. Его глаза оставались по-прежнему тусклыми и спокойными.

— Я даже про свою сумку не вспомнила! — рассмеялась Наташа. — И уж конечно, мне было не до чужих сумок... Он, наверное, взял ее с собой, тот парень в майке.

— Вы так думаете?

— Ну да. А кто он такой? Почему вы все время про него спрашиваете?

— Знаете, Наташа. — Майор нахмурился и посмотрел куда-то в сторону. — Я вам скажу одну вещь. Понимайте ее как хотите. Ваш сосед по купе, у которого была синяя сумка, — очень опасный человек. Способный на многое. Он, по всей видимости, потерял свою сумку. И тут вы с ним похожи. Но, в отличие от вас, он свою еще не нашел. Хотя, наверное, постарается найти. И если вы с ним вдруг встретитесь...

— А почему мы с ним должны встретиться? — не выдержала Наташа. У нее начали дрожать икры, и, чтобы успокоиться, она стала постукивать коленями друг о друга. Это только усилило у майора впечатление, что девушка нервничает. — Зачем нам встречаться?

— Просто так. Случайно, — пожал плечами майор. — Так вот, Наташа, эта встреча может для вас плохо кончиться. Имейте в виду.

— Ну-у-у... — Она не знала, что сказать, мысли путались, ноги пробирали дрожь. — Я постараюсь не встречаться с этим человеком. Если он так опасен, как вы говорите.

— Он опасен, — подтвердил майор.

Когда милиционер ушел, Наташа выскочила на улицу, чтобы найти Алика и посоветоваться с ним. Алика нигде не было видно, и это повергло Наташу в состояние отчаяния.

Еще более ужасно она почувствовала себя тогда, когда подумала, что совершенно не помнит лица своего соседа по купе. Помнит синюю майку с двуглавым орлом. Помнит сильные мускулистые руки. И совсем не помнит лица.

Это означало, что первый встреченный ею на улице молодой мужчина мог оказаться хозяином сумки. Мог оказаться очень опасным человеком, как выразился майор.

Как назло, Алик исчез, словно провалился под землю.

12

Когда майор подъехал к зданию ГУВД и поднялся на второй этаж, в кабинет, который был предоставлен человеку из Москвы, Бондарев дремал в кресле, забросив босые ноги на письменный стол. Кроме ног, на столе находились рация, телефон и кобура с пистолетом.

Майор, просунувший голову в приоткрытую дверь, хотел быстро ретироваться, но Бондарев сказал, не открывая глаз:

— Заходите, я не сплю. — И чтобы у милиционера не было сомнений в его работоспособности, убрал ноги со стола и открыл глаза, показав темные строгие зрачки. Он яростно помассировал свои щеки и виски, тиская складки темной от загара кожи. Майор подумал, что москвич не так уж и молод — в ярком свете люстры, были видны мешки под глазами, несколько седых волосков на висках.

Бондарев перехватил его взгляд и усмехнулся.

— Неважно переночу жару, — сказал он. — Уматывает она меня. Ну да ладно... Как ваши успехи?

— Ничего особенного. — Майор сел напротив, забросил ногу на ногу, однако с удивлением ощутил боль в мышцах ноги — слишком много бегал сегодня. И он опустил ногу. — Поговорил с этой девушкой. Она говорит, что ничего не видела, ничего не знает. Очень забеспокоилась, когда я сказал, что ее сосед по купе — опасный человек. И что он будет искать потерянную сумку.

— Забеспокоилась? — заинтересованно произнес Бондарев.

— Пожалуй, даже немного испугалась, — уточнил майор. — Может быть, просто устроить обыск у Селивановых? Она — девчонка зеленая еще совсем, куда она может спрятать сумку? Перевернем дом, но найдем. Как вам такая идея?

— Не особенно меня вдохновляет такое предложение, — ответил Бондарев. — Все-таки нас интересует не столько сумка, даже с деньгами, нас в первую очередь интересует Шустров. Пусть он придет к Селивановой. Вы установили за ней наблюдение?

— Установил, — кивнул майор.

— Остается ждать, что Шустров отыщет Селиванову и задаст ей несколько вопросов. Кстати, скажите своим людям, чтобы применяли оружие по нему не задумываясь. Если ранят — отлично, убьют — переживем такую потерю. Он слишком хорошо подготовлен, чтобы кричать ему «Руки вверх!» и ожидать, что он так и поступит.

— Хорошо. — Майор сделал пометку в блокноте. — А если он не знает, что сумка у

Селивановой?

— Он не только хорошо подготовлен физически, — заметил Бондарев. — Он еще и соображает головой. Я думаю, что он сразу смекнул, куда делся его багаж, иначе зачем он стащил билет с фамилией Селивановой у проводницы?

— А может быть, он ничего и не стаскивал. Она просто могла потерять билет. Или его взяла сама Селиванова, чтобы замести следы.

— Это всегда можно проверить. Где в городе можно узнать адрес человека по его фамилии? Адресное бюро? Справочное бюро? Сколько таких мест вообще?

— Три или четыре.

— Ну так оповестите все эти бюро, что надо немедленно сообщать в милицию о том, кто спросит адрес Натальи Селивановой.

— Сообщить в милицию... — написал майор. — А адрес дать? Или пытаться задержать этого человека у окошка?

— Не надо никакой самодеятельности. Он раскусит любые попытки поиграть с ним. Пусть дадут адрес, настоящий адрес, а потом сообщат вам. Я думаю, после такого предупреждения мы сумеем подготовиться к встрече Шустрова и Селивановой.

— Понятно. — Майор закрыл блокнот. — Что еще?

— Этот казах... Джума, кажется. Он уехал?

— Да, час назад его отвезли на железнодорожный вокзал и купили ему билет до Караганды.

— Хорошо, — медленно проговорил Бондарев. — Ваши люди будут вести наблюдение за Селивановой всю ночь?

— Всю ночь.

— И это хорошо. — Он откинулся на спинку кресла. — Я останусь в кабинете. Внизу есть дежурный? Пусть он докладывает мне лично обо всем, что случится за ночь. Любое подозрительное событие. Особенно если это будет связано с Селивановой или красным «Крайслером»...

— Вы не собираетесь спать?

— Я подремлю. — Бондарев снова положил ноги на крышку стола. Когда за майором закрылась дверь, он и вправду погрузился в дремоту, а поскольку дежурный так и не побеспокоил его за ночь, со временем дремота переросла в настоящий сон.

* * *

Судя по рапорту дежурного, ночь в Новоудельске выдалась спокойной. Самым серьезным происшествием в рапорте значилась пьяная драка возле бара «Старый фрегат». Пострадавший с переломом челюсти отправлен в больницу.

Но такое впечатление было ложным. Потому что существовали другие приметы того, что грядущий день в Новоудельске должен вылиться в нечто страшное.

Таких примет было несколько. Во-первых, небольшая лужица крови в мужском туалете новоудельского железнодорожного вокзала. Увидевшая кровь уборщица не обнаружила рядом человека, из которого эта кровь могла бы вытечь. Поэтому она не придала увиденному значения и замыла темно-красную лужу.

Второй приметой были периодически раздававшиеся из маленького сарая на окраине города стоны и вскрики, будто некто, пребывавший за дверями сарая, бредил во сне.

Третьей был свет в окне дома, принадлежавшего человеку, которого Алик называл Женей, а друзья называли Женёк. В свою очередь, главный человек в криминальных сферах города, «смотрящий за Новоудельском», называл его Жека Приколист. И доверял кое-какие дела.

В ту ночь свет в доме Жеки Приколиста не гас всю ночь. С ним были еще трое друзей, и, на удивление, в ту ночь они больше говорили, а меньше пили.

А четвертую приметку Бондарев увидел собственными глазами, когда поутру подошел к окну своего кабинета и выглянул на площадь перед зданием ГУВД.

Ему показалось, что он продолжает спать и видит кошмарный сон.

13

— Он просто вытащил из кармана вот такую пачку баксов и начал отсчитывать, — срывающимся от волнения голосом произнес Приколист. — Будто это были рубли... Я офонарел вообще!

— Ты до сих пор офонаревший ходишь, — заметил один из его приятелей. Напротив Жеки сидели трое крепких молодых людей, встретив которых в темном переулке добропорядочный гражданин, если он только не является мастером восточных единоборств, поспешил бы немедленно унести ноги. Водка, пусть и из холодильника, убийственно действовала в такую погоду. Все четверо уже расстегнули рубахи.

— Конечно, офонарел! — фыркнул Приколист. — Потому что я точно знал — он не достанет таких бабок! Я уже собирался запрячь его в одно дело, а тут такой облом!

— Ёпт, Жека, ну не все же тебе быть самым умным, — усмехнулся парень с густыми, сросшимися на переносице бровями. Его кличка была «Брежнев». — Обул тебя пацан — ну так что?

— Меня волнует не то, что он меня обул, — громко и взволнованно ответил Приколист, хлопнув об стол пачкой банкнот, полученных от Алика. — Меня волнует, где он их взял!

— А что же не спросил? — вяло поинтересовался парень, даже в помещении не снявший солнцезащитные очки. Его звали Слепой. — Надо было сразу и спросить, а не бубнить сейчас...

— Я так думаю, что он не скажет, — пояснил Приколист. — Он же не дурак.

— Ёпт, так надо хорошо спросить, — предложил Брежнев. — С пристрастием.

— Пошли, спросим, — согласился Приколист. — Что найдем, поделим между собой.

— "Зелень"? — встрепенулся Слепой.

— "Зелень" поделим! — отвлекся от просматривания «Плейбоя» третий гость Приколиста —

Лысый. — На четверых?

— На четверых, — согласился Приколист. — Только надо выбить из него правду...

— Ёпт. — Брежнев посмотрел на свои кулаки. — Ты, Жека, меня удивляешь. Да неужто мы не разговорим сопливого пацана?

— Он нам расскажет не только про «зелень», он признается, когда в первый раз подрочил и какого цвета трусы у его подруги, — мрачно произнес Лысый, закрывая журнал.

— Подруга? — Приколист задумался. Что-то было связано с подругой Алика, какая-то мысль, не очень четкая, но важная... Недаром он вчера поспешил выскочить на улицу вслед за Аликом. Ему было чертовски интересно посмотреть, кто сопровождает парня в таком деликатном деле, как возвращение долга в две тысячи долларов. Он ожидал увидеть какого-нибудь «крутого» и уже приготовился пожалеть, что перспективный пацан отпал сам собой. Но вместо этого Приколист уперся взглядом в спины Алика и худенькой блондинки, быстро удалявшихся от «Старого фрегата».

И тогда появилась эта мысль...

— Позавчера мы с ним базарили, и он сильно напрягся, — проговорил Приколист. — У него явно не было денег. Вчера он тоже был не в духе... Но он торопился, потому что приехала его девчонка. Вчера она вернулась. Он побазарил со мной и пошел к подруге. И через три часа приходит с такой рожей, будто он сын Рокфеллера. И вытаскивает из кармана кучу баксов. Словно они там всегда лежали. И уходит. А девчонка ждала на улице.

— Ты хочешь сказать, что он от бабы своей получил деньги? — сделал вывод Слепой. — Так?

— Выходит, что так, — медленно проговорил Приколист. Он пытался вспомнить все, что Алик говорил ему о своей подруге, но в памяти всплыло только одно — имя.

— Наташа, — произнес Приколист. — Так ее зовут.

— Да хоть Памела Андерсон, — отозвался Лысый. — Если надо, мы и ее разговорим. Бабу даже проще разговорить. Быстрее. Однажды потрошили такого буржуя у него на дому... Пытали, где побрякушки спрятаны. Он, сука, молчит, хотя уже кровью обливается. Я пошел, взял его бабу за горло. Думал, сейчас пригрожу, что мы ей групповой секс устроим. Даже до этого не дошло. «Не мните мое платье! — кричит. — Это от Юдашкина, бешеных денег стоит! Все скажу, только платье не портите!»

— И сказала? — поинтересовался Слепой.

— Ясное дело.

— Вот сучка, — неодобрительно покачал головой Брежнев. — Как из-за таких блядей мужики страдают! Так мы идем базарить с этими твоими друзьями, Женёк?

— Давайте с утра, — предложил Приколист.

— Как скажешь, — не стал возражать Брежнев. — Ты только не забудь — дележка на четверых.

Приколист обещал не забыть, и в результате, на следующее утро, едва Алик около девяти часов вышел из дома и прошел метров двадцать по улице, как получил могучий тычок кулаком

Лысого в основание позвоночника. В следующую секунду его шея оказалась зажатой под мышкой того же Лысого, и в таком положении Алика втащили в машину, которая тут же рванула с места.

В салоне «Дэу» было тесновато — все-таки пять человек, трое из которых — Лысый, Брежнев и Слепой — отличались крупными габаритами. Алик попытался что-то выкрикнуть, но Брежнев отвесил ему легкую затрещину, и Алик потерял сознание.

14

Поднявшись со своего неудобного ложа вскоре после рассвета, Бондарев потянулся, размял шею, руки и поясницу, сделал несколько отжиманий от пола, встал на руки и после этого почувствовал себя окончательно проснувшимся. Он позвонил дежурному, и тот заверил московского гостя, что за ночь ничего существенного не произошло.

— Что ж, пусть будет так, — сказал Бондарев и повесил трубку. Он подозревал, что воцарившееся затишье — лишь прелюдия к новым кровавым событиям, связанным с Шустровым и синей спортивной сумкой.

Но пока ничего не происходило, и он хотел использовать свободное время с пользой. Бондарев умылся, надел кроссовки, накинул рубашку и подошел к окну. Раздвинув занавески и впусив в кабинет утреннее солнце, он поморщился — опять эта душегубка...

Солнце слепило, и потому Бондарев не сразу заметил фигуру, медленно бредущую через площадь к зданию ГУВД.

Бондарев уже успел привыкнуть к неспешному ритму разморенных жарой маленьких городишек типа Степного или Новоудельска, но эта фигура передвигалась уж слишком медленно даже по местным стандартам. И что-то в ней было не так.

Бондарев пристально всмотрелся. Увиденное заставило его вздрогнуть. Он схватил со стола кобуру и помчался вниз.

— Дежурный! — закричал он еще на лестнице. — Дежурный!

— Что случилось? — поднялся из-за конторки лейтенант.

— За мной! Быстро!

Лейтенант пожал плечами, но последовал за Бондаревым. Выйдя на площадь, он прищурился, пытаясь разглядеть человека, к которому так торопился Бондарев. Потом он остановился и прошептал:

— О господи!

Женщина с трудом переставляла ноги, медленно приближаясь к зданию ГУВД. Она была босая, с растрепанными волосами и каким-то странным остановившимся взглядом. Она прошла мимо Бондарева, будто того не существовало вовсе.

Но не на волосы и не в глаза смотрели лейтенант и Бондарев. Женщина была одета в белую юбку, а выше... Выше на ее плечах болтались обрывки белой блузки и половинки рассеченного спереди бюстгалтера. Обвисшие груди были испачканы в крови, и эта кровь капала с разбитого лица женщины. Но не только. Между грудей краснел вертикальный длинный порез,

начинавшийся от грудины и заканчивавшийся вверху живота.

— Лейтенант, — хрипло проговорил Бондарев. — Уведите ее в здание. И врача. Немедленно.

— Хорошо. — Побледневший лейтенант подозвал еще двух милиционеров, те взяли женщину под руки, и в этот момент женщина остановилась. Она обвела мужчин жалобным, исполненным боли взглядом и вытянула вперед правую руку.

Бондарев разжал пальцы и взял у женщины смятый, испачканный кровью листок бумаги.

— Уведите ее, — поторопил он лейтенанта и, развернув листок, прочитал: «У вас есть три часа, чтобы вернуть нам нашу вещь. Вы знаете, что это. Если вы скажете „нет“, то двое детей этой женщины и еще двое людей будут убиты. Не берите на душу грех. Верните нам наше, и мы уйдем. Вам позвонят через три часа и скажут, куда принести сумку. Это не шутка».

— Что там написано? — спросил лейтенант.

— Там написано... — Бондарев осекся. Женщина повернулась к нему спиной, и он увидел на ее голой спине неровные порезы, из которых складывалось: «Это не шутка».

У лейтенанта задрожали губы. Он хотел что-то сказать, но Бондарев опередил его. Он посмотрел на часы и проговорил:

— Сейчас девять сорок. У нас есть три часа. Это до двенадцати сорока.

— Какие сволочи... — начал лейтенант сдавленным голосом, но Бондарев положил ему руку на плечо:

— После будем разговаривать.

15

Они выехали на окраину города. Приколист остановил «Дэу» на каком-то пустыре, но не стал глушить мотор.

Алика выволокли из машины и поставили на ноги. Лысый одной рукой держал его за шиворот, и Алик чувствовал себя так, словно он висел на какой-то огромной вешалке, вешалке для людей.

Он не удивился, увидев перед собой Женю. Он только презрительно сплюнул, не попав, к сожалению, на ботинки соседа.

— Плюйся не плюйся, — сказал в ответ Приколист, — а пока ты на наши вопросы не ответишь, отсюда не уйдешь.

— Хрен тебе, а не ответы, — проговорил Алик. — Ты меня не убьешь, а как только этот гад меня отпустит, я пойду в милицию...

— Ба-а! — удивился Слепой. — Он еще и стукач! А со стукачами разговор короткий...

Он ударил Алика в солнечное сплетение, и мир для того сжался до размеров одной пульсирующей точки невыносимой боли, поселившейся в его теле.

— Ты хотя бы послушай, какой вопрос я хочу задать, — предложил Приколист, склоняясь к

опустившему голову Алику. — Слушаешь?

— Ну, — прошептал Алик.

— Ты вчера отдал мне две штуки долга, помнишь?

— Помню... — Голос Алика был слабым, он сам едва слышал его, будто звук шел из глубокого подземелья.

— Я не в претензии, мы разошлись с тобой по этому вопросу. Все в порядке. Просто скажи: откуда взял эти баксы? Кто их тебе дал? У тебя же их не было вчера днем? Откуда они?

— От верблюда, — пробормотал Алик.

— Ладно, — сказал Приколист и пнул соседа в пах.

Алик вскрикнул, но звук потонул в шуме мотора. Алик почувствовал, что задыхается, и попытался упасть, чтобы лечь на землю и найти в ней опору для своего пожираемого болью тела. Но Лысый успешно продолжал играть роль вешалки.

— Твоя подруга тебе деньги дала? — снова приступил к допросу Приколист. — Да?

— Нет, — выговорил Алик, потому что не мог промолчать в этот момент.

— Нет? — усмехнулся Приколист. — Если ты говоришь «нет» — это значит «да». От Наташки своей? Хороший подарочек, пара штук «зеленых»!

— Вы разговаривайте, — подошел к ним Брежнев. — А я делом займусь.

Он тщательно обыскал Алика, вывернул наизнанку все карманы и, довольный результатом обыска, повернулся к Приколисту. В огромном кулаке были зажаты с десятков пятидесятидолларовых купюр.

— Это тоже ее подарок? — спросил Приколист. — А у нее откуда такие богатства? У нее ведь папа не миллионер, я знаю.

Алик молчал, и тогда Приколист улыбнулся.

— Хорошо, молчи, — сказал он. — Всегда есть возможность узнать у нее самой. Сейчас парни сходят за ней. И приведут сюда. И мы поговорим с ней. Как ты думаешь, она захочет поговорить с нами? Я думаю, захочет. Знаешь, такие здоровые мужики, как эти, — он показал на Брежнева и Слепого, — они многое могут сделать с девушкой в таком тихом, спокойном и, главное, безлюдном месте. Они могут ее оттрахать, как ты ее никогда не трахал! Она будет в таком восторге, что расскажет все. А ты будешь смотреть. И будешь радоваться. И ни в какую милицию ты не пойдешь, потому если ты хоть шаг сделаешь в том направлении, то твоей Наташке оторвут голову. Сначала ей, потом — тебе. Ты уж лучше веди себя смиренно. Ну, скажешь?

Алик заскрипел зубами, раздираемый болью и отчаянием. Оставалось надеяться, что эти сволочи блефуют или что они не сумеют взять Наташку. Алик помнил, как радовалась она своей чудесной сумке. И он не мог вот так запросто, после пары пинков, лишиться ее этой радости. И он промолчал.

— Ладно, — пожал плечами Приколист. — Ребята, смотайтесь за этой сучкой. Улица Садовая,

двадцать шесть, если я не ошибаюсь.

В этот момент Алик дернулся изо всех сил, взмахнул ногой, но его ступня прошла в десятке сантиметров от Приколиста. Тот раздраженно сплюнул и ударил в ответ. Ударил гораздо удачнее, чем Алик.

Боль была такой, что Алик даже пожалел о том, что не ответил на вопрос Приколиста. Сожаление быстро прошло. Остались боль и злость.

А из этих двух злость была самым сильным чувством.

16

Взбудораженный и нервный майор подошел к Бондареву и сказал шепотом, чтобы не слышали другие:

— Просто звери какие-то... Я еще никогда такого не видел, у нас тут...

Бондареву захотелось сказать, что причитания майора кажутся ему глупыми. Не дело здоровому мужику с пистолетом на заднице распускать сопли при виде окровавленной женщины. Пусть даже в Новоудельске такие вещи были редкостью. Ему захотелось спросить, неужели майор думал, что весь срок его службы он будет иметь дело лишь с пьяными драками и кражами? Ему захотелось схватить майора за плечи и встряхнуть. И сказать: «Потом будешь причитать».

Однако все свои умные слова Бондарев придержал при себе. Он хмуро посмотрел на майора:

— У меня такое соображение. Надо быстро найти эту девчонку, Селиванову. Втолковать ей, как обстоят дела.

— Чтобы она отдала сумку? — Майор сразу перестал выглядеть растерянным и нервным.

— Вот именно. И чтобы никто ни слова за пределы этого здания! Чтобы никто не знал! Привезти родственников этой женщины сюда. Выяснили, кто она?

— Нет. Она не в состоянии разговаривать. Ей вкололи успокоительное...

— Понятно. Насчет нее я не беспокоюсь, раны несмертельные. Вот моральное потрясение, это да... Ладно, ищите девчонку и...

— Вас к телефону, товарищ майор, — позвал дежурный. Бондарев и майор переглянулись.

— Они сказали, что позвонят через три часа, — произнес майор то, что Бондарев и так помнил. — Может, что изменилось?

— Сейчас узнаем.

Майор взял протянутую дежурным трубку, а Бондарев подсел к параллельному аппарату.

— Казаков слушает, — сказал напряженно майор.

— Казаков, здравствуй, — торопливо заговорил кто-то. Майор облегченно вздохнул и, посмотрев на Бондарева, помотал головой: не они. Но Бондарев не спешил вешать трубку параллельного телефона. — Беда у нас случилась! Ты еще не в курсе?

— Смотря насчет чего, — настороженно произнес майор. Его лицо снова стало напряженным, голова будто вдавилась в плечи.

— У меня жена повезла детей в школу, — захлебывался в тревоге голос неизвестного. — А потом мне звонят и говорят, что машина на полдороге пустая стоит. С распахнутыми дверцами... И кровь на стекле! Казаков, что-то случилось!

— О господи, — пробормотал майор. — А я ее и не узнал...

— Кто это? Кто звонит? — спросил Бондарев.

Майор поднял на него ошалелые глаза и покачал головой, медленно и сокрушенно.

— Я ее и не узнал, — проговорил он, глядя на Бондарева. — Это жена нашего мэра. А это он сам звонит. Вот так...

Голос мэра еще трепыхался в трубке, майор все еще смотрел глазами побитой собаки на Бондарева, а тот, не в силах отказаться от многолетней привычки оценивать все с профессиональной точки зрения, сказал то, что от него меньше всего ожидали. Это были не слова утешения, это был не гениальный план освобождения детей мэра.

Бондарев понимающе кивнул и сказал:

— Конечно. Все верно. Они должны были выбрать кого-то в этом роде. Грамотно работают.

Потом он увидел обращенные на него взгляды, спохватился и добавил:

— Сволочи.

17

Наташа вернулась из магазина и выгружала купленные продукты на кухонный стол, когда услышала скрип калитки во дворе. Она подумала, что это Алик, и продолжила свое занятие, ожидая, что он поднимется по ступеням в дом и увидит ее.

Она захлопнула дверцу холодильника, но никто не появился в кухне. Тогда Наташа вытерла руки полотенцем и сама вышла на крыльцо.

В саду стояли двое незнакомых парней. То есть не то чтобы совсем незнакомых, Новоудельск был слишком маленьким городом, чтобы здесь встретились совсем незнакомые люди. Она знала их в лицо, но не более того.

— Вам кого? — спросила Наташа.

— Селивановы здесь живут? — спросил один.

— Здесь, — подтвердила Наташа. — Что вы хотели?

— Это ты, что ли, Наташка? — весело спросил второй. — Привет, Наташка.

— Допустим, привет. — Она сделала маленький шаг назад. В Новоудельске не было принято вот так среди бела дня ходить по домам и насиловать молодых девушек, если те оказывались дома одни. Тем не менее Наташа отступила еще на шаг — просто так, на всякий случай. Она не думала, что парни представляют какую-то опасность. На всякий случай Наташа спросила: —

Может, вам отца позвать? — Это должно было отпугнуть парней, если у тех было что-то недоброе на уме. Отец-то был на работе.

— Зови, — легко согласился первый. — Зови. Что ж не зовешь, Наташка?

— Сейчас. — Она попятилась к двери. Войти в дом, запереться. На всякий случай.

— Ты погоди, не суетись, — сказал второй, заметив ее движения. — Мы сейчас Алика встретили...

Она остановилась.

— И что?

— У него неприятности. Крупные неприятности. Может, ты ему поможешь?

— А что же он сам не пришел?

— Я же говорю, — ухмыльнулся первый. — У него крупные неприятности. Того гляди, он и вообще не придет. Пойдем, мы тебя проводим к нему.

Наташа подумала, что надо написать записку родителям, чтобы те знали, куда она пошла. Правда, родители придут с работы вечером. И если эти парни задумали что-то плохое, то искать ее по записке будет поздно. И все-таки заскочить в дом и запереться?

— Ну ты давай решай, — спокойно произнес второй. — Идешь или не идешь? У нас времени нет рассиживаться тут с тобой...

Ее смутило то, что оба парня не делали ни малейшей попытки подобраться к ней поближе и схватить. Они вели себя спокойно и даже равнодушно. Наташа не почувствовала угрозы.

— Ладно, — сказала она. — Минутку.

Она вошла в дом, пробежала в свою комнату, схватила ручку и написала крупными буквами на листе бумаги: «Что-то случилось с Аликом. Ушла к нему. Наташа».

Потом быстрым движением расчесала волосы, задумалась, не переодеться ли ей, сменив платье на джинсы, но махнула рукой. Время дороже.

Она выскочила на крыльцо, заперла дверь и спустилась по ступенькам к парням.

— Я готова, — сказала она.

— Мы тоже, — улыбнулся первый.

— Машина у подъезда, — добавил второй.

Удаляющуюся вдоль по Садовой улице «Дэу» провожал растерянным взглядом милиционер в штатском, которому было поручено наблюдать за Наташей. В Новоудельском ГУВД ощущался недостаток машин, и тем более здесь не привыкли вести слежку на автомобилях. Милиционер бросил на землю горсть семечек и вынул из кармана широких спортивных штанов рацию. Он смог только передать в управление информацию о марке и номере машины, на которой уехала Наташа. Милиционер еще не знал, какую записку доставил в управление жутковатого вида курьер и что Наташа Селиванова оказалась тем человеком, который держит в своих руках

судьбы нескольких людей, в том числе детей новоудельского мэра.

Когда он связался с управлением и ему прояснили ситуацию, милиционер рванулся по Садовой, чтобы проследить, куда проследовала «Дэу». Он пробежал метров пятьсот, запыхался и возвратился шагом.

Воспользовавшись этим моментом, Михаил Шустров проскользнул в приоткрытую дверь селивановского дома. Он быстро прошел по пустым комнатам, прочитал записку, быстро просмотрел содержимое шкафов, кладовки, тумбочки. Синей сумки не было.

Минут через десять за окном раздался резкий скрип колес. У дома остановились две милицейские машины. Шустров открыл окно и спрыгнул во двор.

Но он не убежал. Он нашел хорошее укрытие между поленницей и сараем, чтобы через окно наблюдать за происходящим в доме. Вскоре он убедился, что милиционеры в штатском и в форме делают то же, что и он, — ищут.

А из доносившихся разговоров он быстро сообразил, что сейчас происходит в Новоудельске. Михаил, задрав штанину, отодрал скотч от тела и положил нож в карман.

Похоже, ему предоставился шанс вернуть то, что было потеряно.

18

— Может быть, мы вступим с ним в переговоры, потянем время, а там подъедет спецназ? Вы можете вызвать какое-нибудь антитеррористическое подразделение? — с надеждой посмотрел на Бондарева майор.

— Я вызову своих людей, — пообещал Бондарев. — Но они приедут слишком поздно. И я не думаю, что мы сумеем потянуть время. Когда так выдвигают требования, — он кивнул в сторону кабинета, где врачи занимались израненной женой мэра. — Это значит, что люди серьезно взялись за дело. И не пойдут ни на какие уступки. К тому же мэр, насколько я понял, не собирается тянуть время.

— Конечно, — вздохнул майор. — Он хочет, чтобы его детей освободили немедленно. Я сказал ему, что любая попытка освободить их силой кончится бойней. И результат будет не в нашу пользу. У меня нет людей для такого дела, — сказал он, — не дай бог такого никому... Вы думаете, это те люди, что были в поезде?

— Да. — Бондарев кивнул. — Джума говорил, их было четверо. Осталось трое. Вооружены до зубов. Настроены решительно.

— Это я понял.

— И никто не видел в городе красного «Крайслера», да?

— Нет, не видел, — виновато произнес майор. — Сообщений, во всяком случае, не было. Вообще, все это как гром среди ясного неба... Никогда у нас такого не было.

— И поэтому вы тут все расплылись как тесто? — не выдержал Бондарев. — У нас того не было! У нас этого не было! А вы думали — у вас тут филиал райских кущей? Кто вам сказал, что вы гарантированы от таких вещей? Или вы думали, что всякая мразь процветает только в Москве? Только в Америке? А до вас не доберется?! Как же! Уже добралась и хозяйничает в вашем

милом городке! А вы только и знаете, что удивляться! А погоны со стволом на что вам даны? На то, чтобы быть готовыми к встрече с такой мразью и вышибить ей мозги. Вот она, ваша настоящая работа.

— Мне что, радоваться теперь, что настоящая работа подвалила? — тихо спросил майор.

— Радоваться будешь потом, — жестко сказал Бондарев. — Когда все кончится.

Они замолчали, сидя рядом, но избегая смотреть друг на друга. Майор курил, Бондарев раздраженно наблюдал за суетой в вестибюле Управления внутренних дел: приехал мэр. Он пронесся в кабинет, где лежала его жена.

— Ладно, — сказал через некоторое время Бондарев. — Будем играть с тем, что у нас есть. Только вот еще один деятель меня беспокоит... Что-то он не подает вестей о себе. Настораживает.

— Шустров? — предположил майор, пуская кольца дыма, взлетающие к табличке «Не курить!».

— Угадал. Неужели он плюнул на сумку и уехал отсюда? А на чем? Тот поезд мы перерыли от первого до последнего вагона. Дождлся следующего? Угнал машину?

— Заявлений об угоне не поступало, — сообщил майор. — Из обменных пунктов тоже — ничего.

— Вон твой подчиненный идет, — кивнул Бондарев на дежурного лейтенанта. — Сейчас еще чем-нибудь обрадует...

— Товарищ майор, — начал лейтенант, — получена информация...

— Помедленнее, — попросил майор.

— И без дрожи в голосе, — добавил Бондарев. — Не надо нас пугать.

— Получена информация, — сказал лейтенант, — что Селиванова Н.И., за которой ведется наблюдение, только что уехала от своего дома на автомобиле марки «Дэу». Отдана команда всем постам задержать машину и доставить Селиванову в управление. Все верно?

— Верно, — согласился майор. — И пошлите людей к ней домой. Пусть сделают обыск. Что еще, лейтенант?

— Есть сигнал из справочного бюро. Возле железнодорожного вокзала. Высокий мужчина интересовался адресом Селивановой. Это было пятнадцать-двадцать минут назад.

— Опа! — воскликнул Бондарев. — Быстрее! На квартиру Селивановой! Он может быть уже там!

— Казаков, — мэр решительным жестом отодвинул дежурного в сторону, — мне нужен точный и незамедлительный отчет о том, что предпринимается по поводу...

— Дорогой товарищ, — сказал ему Бондарев, — или Казаков будет предпринимать действия, или он будет писать вам бумажки. Одно из двух. Что вы выбираете?

— А вы, собственно, кто? — насупился мэр. — Что вы тут командуете?

— Потому что здесь больше некому командовать, — ответил Бондарев и увлек майора за собой.

— Я его понимаю, — майор обернулся и виновато посмотрел на мэра, который откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза, — такая ситуация...

— В такой ситуации ему лучше сидеть и не дергаться, — ответил Бондарев. — Так будет лучше. Причем для всех, в том числе и для его детей. Кстати, что там еще за двое людей?

— В машине находился еще охранник. Первым досталось ему. Жена мэра говорит, что его били прикладом автомата по лицу. А кто второй — не знаю. Возможно, прихватили кого-то по дороге... Это имеет какое-то значение?

— Не знаю. — Бондарев запрыгнул в подкативший милицейский «УАЗ». — Я о другом думаю: почему вдруг они решили, что сумка с деньгами у нас? Что она вообще в городе? Или они действуют наобум? Чтобы заставить нас самих найти сумку и преподнести им на блюдечке с голубой каемочкой? Как думаешь, майор?

— Я думаю, что, если мы в оставшиеся два с половиной часа не найдем эту сумку, хреново нам придется. То есть сначала заложникам...

— Не надо никого хоронить заранее, — посоветовал Бондарев. — И куда, интересно знать, черти понесли эту Селиванову?

19

Наташа начала догадываться о том, что происходит что-то неладное, когда на ее вопрос: «А куда мы едем?» — никто не дал вразумительного ответа. Они просто проигнорировали Наташин вопрос.

Машина неслась по пустынным улицам города, поднимая облака пыли. Окна «Дэу» были открыты, и пыль попадала внутрь. Наташа закашлялась, водитель ухмыльнулся:

— Зато не душно.

— Куда едем-то? — снова спросила Наташа.

— Приедем, увидишь, — улыбнулся ее сосед и похлопал здоровенной ладонью по Наташиной коленке. Это ей не понравилось... И она подумала о том, что надо было все-таки вбежать в дом и запереться. Или, по крайней мере, надеть джинсы, чтобы всякие придурки не хватали за голые коленки.

Машина выехала на окружную дорогу, свернула на пустырь, огороженный с двух сторон полуразрушенной кирпичной стеной.

— Приехали, — сообщил водитель и затормозил. — Вылезай...

Наташа быстро, со скрытой радостью выскочила из машины. Здесь уже не было ограничивающих ее дверей и потолка. Здесь она чувствовала себя в большей безопасности.

Однако это продолжалось недолго. Пока она не увидела Алика. Он лежал на земле, бледный, неподвижный, с закрытыми глазами. Над ним стояли еще двое парней. Один — поздоровее, другой — невысокий, длинноволосый, с маленькими злобными глазками.

Наташа подумала, что ее решение выйти из дома и сесть в машину может стать ее самой большой ошибкой в жизни. Вокруг нее было открытое пространство, но сумеет ли она убежать

от четверых парней?

— Наташа, — услышала она тихий голос. Алик прошептал ее имя едва разлипающимися губами. Лысый резким движением поставил его на ноги и сжал сзади шею пальцами, удерживая Алика в вертикальном положении.

— Вы! — Она рванулась к Лысому, но Брежнев схватил ее за руку, и это было похоже на сомкнувшиеся челюсти капкана. — Что вы с ним сделали! Сволочи!

— Мы задавали ему вопросы, — сказал Приколист. — Он молчал. Поэтому у него такой бледный вид.

— Ты, подруга, не дергайся, а скажи, откуда баксы взяла, — напрямую заявил Слепой. — Иначе с тобой будет такой же разговор. Или даже хуже.

— Какие баксы? Что вам еще надо, уроды?! — Она кричала, пока Брежневу не надоело ее слушать. Тогда он отпустил Наташину руку, да еще толкнул девушку в спину. Та не удержалась на ногах и упала, ободрав колени и локти.

Тогда она замолчала. Она не ожидала, что дело пойдет дальше угроз. Да еще так быстро. Боль была ощутимой, и оставалось только ужасаться при мысли о том, как чувствует себя Алик. Выглядел он полумертвым.

— Мы не шутим с тобой, — предупредил Приколист. — И мы торопимся. Поэтому расскажи нам, где взяла столько баксов, — и можешь сваливать на все четыре стороны. А не скажешь — мы найдем способы развязать одному из вас язык.

— Например, вот так, — сказал Лысый, доставая нож. Он выщелкнул лезвие и приставил его к горлу Алика.

— Или вот так, — продолжил Брежнев, быстрым движением схватив Наташу за край платья и рванув к себе. Девушка дернулась, и ткань затрещала.

— Отпусти, козел! — яростно выкрикнула Наташа, но Брежнев и не подумал слушаться. Платье было коротким, и когда он намотал ткань на свой кулак, Наташа оказалась прижатой вплотную к нему. Брежнев наклонил голову и оценивающе посмотрел на обнажившееся бедро девушки. И тут же получил оплеуху от Наташи. Руке стало больно — она вложила в удар все свои силы.

— Ты думаешь, что раз ты баба, так тебя и тронуть нельзя? — зашептал Брежнев, для которого эта оплеуха значила меньше, чем комариный укус. — Раз ты такая смазливая, то с тобой будут церемониться? Так ты думаешь?

И он ударил Наташу по лицу наотмашь. Девушка отлетела на несколько шагов и упала навзничь, на несколько секунд потеряв сознание. Приколист посмотрел на раскинутые в падении загорелые гладкие ноги и подмигнул Брежневу:

— Может, начнешь? Откроешь сезон?

— Пошла она на хер! — недовольно ответил Брежнев, вытирая кровь с кулака. — Давайте заканчивать, мужики, что-то мы тут застряли, а толку никакого...

Лысый воспринял его слова как руководство к действию. Он встряхнул Алика за шиворот, убедился, что тот пришел в сознание, и подтащил парня к распростертой на земле Наташе.

— Видишь? Видишь, до чего ты достукался своим упрямством?

— Гады, — прошептал Алик.

— Где баксы? — Лысый показал Алику сверкающее лезвие ножа. — Говори, сука, иначе мы твоей бабе сейчас косметическую операцию сделаем!

Алик видел нож, видел, как тонкая полоска крови стекает по подбородку на Наташину шею и течет дальше, на грудь...

Этой красной ленточки, грозившей опоясать все тело девушки, он испугался больше, чем ножа, и больше, чем боли.

— Не трогайте ее, — прошептал он. — Я вам все покажу...

И он виновато посмотрел на Наташу. Он чувствовал себя предателем. Он украл ее мечту. Он украл ее будущее.

Хотя, возможно, спас ей жизнь.

Возможно.

20

Дом Селивановых был пуст. Записка, найденная в одной из комнат, гласила: «Что-то случилось с Аликом. Ушла к нему. Наташа».

— Кто такой Алик? — Бондарев посмотрел на майора, а тот развел руками. — Найдите ее родителей, узнайте, кто такой Алик.

Он посмотрел на часы. Время неумолимо утекало, но ничего не происходило. Не было сумки, не было Селивановой. Не было Шустрова.

В двенадцать на милицейской машине привезли родителей Наташи Селивановой. Те растерянно смотрели на заполонивших дом людей и были напуганы исчезновением дочери не меньше, чем мэр — захватом своих детей в заложники. Наташина мать минут десять смотрела в записку, прежде чем сообразила, о каком Алике идет речь.

Через пять минут милиционеры стучали в калитку дома Алика, но та была закрыта. Перелезли через забор, но это незаконное вторжение в частные владения не принесло результатов — в доме никого не было. В отличие от Наташи Алик не оставил своим родителям даже записки.

В половине двенадцатого, устав от бестолкового сидения в селивановской кухне, Бондарев сказал:

— Ладно, будем считать, что мы ее не нашли.

— Что? — вздрогнул майор. — Еще полтора часа!

— Предположим, что полтора часа прошли, а у нас нет сумки. С чем мы пойдем на встречу? Будем взывать к милосердию? А, майор? Сможете объяснить трем убийцам, что сумки с миллионом долларов у нас нет и, следовательно, им надо бесплатно отпустить детей?

— Я объясню, но вряд ли они откликнутся на мою просьбу.

- Верно. Значит, надо думать о других вариантах.
- Например?
- Плохо, что у вас нет снайперов, — вздохнул Бондарев.
- А у вас?
- Наши сейчас летят сюда на вертолете. Надеюсь, что летят.
- Что будем делать?
- Для начала найдите синюю спортивную сумку. С надписью «Мальборо».
- А потом набить ее долларами?
- Если они у вас есть.
- А если нет?
- Хороший вопрос. Если бы еще был на него ответ... Я мог бы предложить набить сумку «куклами», а сверху сыпануть настоящих долларов, если такие сыщутся в городе.
- Я думаю, мэр наскребет. И что дальше?
- А дальше... Попробуем всучить им эту сумку. Нам ведь важно вывести детей из-под прицела, так?
- Согласен, — кивнул майор.
- Попытаемся добиться хотя бы этого.
- Может, мне предложить себя в качестве заложника? — вдруг сказал майор. — Они отпустят детей, а я займу их место...
- Когда они увидят, что в сумке — «липа», они вас убьют, — пожал плечами Бондарев. — Риск благородное дело. В отличие от самоубийства. А вы хотите заняться именно самоубийством.
- А если положить в сумку какой-нибудь сюрприз? Дымовую шашку? Банку с нервно-паралитическим газом?
- Или противотанковую мину, — продолжил Бондарев. — Мне нравится ход ваших мыслей, майор. Только и те трое ребят — не клинические идиоты. Наверняка они устроят встречу на открытом воздухе, где от газа не будет никакого толку. Нет, давайте ограничимся синей сумкой. И некоторым количеством купюр зеленого оттенка. Можете размножить их на ксероксе. Есть у вас цветной ксерокс?
- Нет у нас цветного ксерокса, — сказал майор. — Да и времени у нас нет на печатание фальшивых денег.

Выглядел майор в этот момент усталым и подавленным. Он не был готов к тому вихрю событий, что обрушились на Новоудельск. Пожалуй, и никто не был готов.

Но Бондарев считал, что сила человека и состоит в том, чтобы преодолевать внезапные и

непредсказуемые явления. Смирять вспышки хаоса и возвращаться к размеренному привычному бытию. Раз за разом. Год за годом.

Он хотел сказать что-то подобное майору, но такие отвлеченные рассуждения вряд ли ободрят начальника новоудельской милиции, у которого не было цветного ксерокса, не было снайперов, не было достаточного количества служебных машин.

Тем не менее майор Казаков, пусть и с печальным выражением лица, собирался схлестнуться с внезапно обрушившимся на его город несчастьем.

— Надо подобрать людей, — сказал майор Бондареву и встал из-за стола. — Времени мало осталось. Что сможем — сделаем. А там — будет видно.

Он молодцевато сбежал по ступеням селивановского дома. Бондарев последовал за ним, думая, что захолустной дремы в майоре остается все меньше и меньше.

Только будет ли этого достаточно для спасения детей?

21

— Вот здесь. — Алик показал пальцем на рощицу за гаражами.

— Вот так бы и сразу, — довольно промурлыкал Приколист, поворачивая машину направо. Он хотел подъехать к скопищу чахлах деревьев не со стороны гаражей, а от окраины, чтобы не привлекать внимания.

«Дэу» съехала с асфальта и вторглась на территорию рощи, медленно продвигаясь вперед, пока это было возможно. Наконец машина встала перед двумя тонкими осинами.

Алика вытолкнули из машины. Следом вылезли Приколист, Лысый, Брежнев и Слепой, которому приходилось тащить Наташу. Девушка, хотя и пришла в сознание, чувствовала себя плохо, ноги ее заплетались. Слепой прошел несколько метров от машины и опустил Наташу на землю, прислонив спиной к дереву.

Она апатично наблюдала за происходящим. Алик то и дело посматривал в ее сторону, но Наташа не реагировала на него, и Алик думал, что она презирает его за предательство.

«Ничего, я потом ей постараюсь объяснить», — решил Алик. Он прикинул расстояние от гаражей, посмотрел на недавнее костровище и ткнул пальцем в землю.

— Здесь.

— Смотри, пацан, — предупредил его Брежнев, доставая из багажника машины короткую саперную лопатку. — Если там ни хрена нету, мы тебя самого в эту яму закопаем.

— Должно быть здесь, — сказал Алик, и лопата вгрызлась в иссушенную землю.

Брежнев работал быстро и эффективно. Не прошло и трех минут, как он довольно крикнул, увидев в земле ручки синей спортивной сумки.

— Что, есть? — подскочил к нему Приколист. — Вот оно! — Он не выдержал и стал помогать Брежневу руками. Тот оттолкнул его.

— Уйди, пока пальцы не оттяпал!

— Пожалуйста. — Приколист встал и отряхнул руки. — Я хотел как лучше... — Он повернулся к Алику и широко улыбнулся. — Ничего, не переживай. В мире много денег. Когда-нибудь и тебе достанется.

— Спроси его, откуда он эти взял? — прокряхтел Брежнев. Он вытаскивал сумку из земли и чувствовал, что весит она прилично.

— Откуда ты ее взял? — спросил Приколист, но Алик даже не повернул головы в его сторону, и Приколист махнул рукой.

— Вот и она, — выдохнул Брежнев и поставил сумку на землю. — Можно любоваться.

Лысый и Слепой заинтересованно окружили его, а Приколист даже встал на четвереньки, чтобы не пропустить волнующий момент.

Алик подумал, что ему надо было вызваться самому откапывать сумку, вытащить автомат и... Хотя вряд ли. Обращаться с таким оружием он не умел. Припугнуть? Но эти четверо наверняка не испугались бы автомата в его дрожащей руке.

Он подошел к Наташе и сел рядом.

— Как ты? — спросил он, беря ее вялую руку.

— Нормально, — девушка шмыгнула носом. — Только кровь все еще идет.

— Прости, что я сказал им про деньги, — пробормотал Алик. — Я испугался за тебя.

— Я тоже за себя испугалась, — кивнула Наташа. — Ты правильно сделал.

— Серьезно? — Он даже обрадовался, хотя ситуация была малоподходящей для радости.

От ямы доносились удивленные восклицания и веселый мат — там тоже царила радость.

Она была прервана громким требовательным голосом:

— Никому не двигаться! Руки за голову!

Алик повернулся на звук и увидел, как от гаражей по склону к ним спускаются двое милиционеров. Один, невысокий, широкоплечий старшина, держал в руке «ТТ», а второй, совсем молодой, стриженный наголо младший сержант, лихорадочно расстегивал кобуру.

«Это почти как в кино, — подумал Алик. — В нужный момент появляются наши и мочат всех злодеев. Только что стоило появиться нашим чуть пораньше?»

— Одно движение — и я стреляю, — выкрикнул старшина.

— Я тоже, — прошептал Брежнев и положил руку на рукоять «борза», который он уже освободил от обертки.

Приколист глубоко и часто задышал, не сводя глаз с расстегнутой синей сумки.

— Я хочу домой, — тихо сказала Наташа и положила голову Алику на плечо.

Они позвонили в половине первого, за десять минут до истечения срока. Голос в трубке, неторопливый, с явным акцентом, назвал место.

— Будьте там через десять минут. Если все честно, все уйдут целые. Если попробуете фокусы — пожалеете.

— Я понял, — сказал майор и повесил трубку. Он оглядел четверых своих людей, которые были выбраны для этого дела, и неожиданно подмигнул им. — Только не сходите с ума, ребята. И не нервничайте. И если уж дело дойдет до стрельбы — то попадайте. И желательно — не своим в задницу. Все, инструктаж закончен.

Они поехали на двух машинах: в первой майор, Бондарев и два милиционера. Во второй — мэр и еще двое сотрудников управления. Они были в штатском.

Синяя сумка, на которой около часа назад было выведено слово «Мальборо», стояла на коленях мэра. Сумка содержала около тысячи настоящих долларов мелкими купюрами и пачек пятьдесят зеленой резаной бумаги.

Мэра бил озноб, несмотря на тридцатипятиградусную жару. На небе не было ни облачка.

— Что это за место, куда мы едем? — спросил Бондарев майора.

— Хорошее место, — ответил тот. — Вам понравится. Вы бы сказали, что они правильно выбрали место. На выезде из города. Там раньше был пост ГАИ, но знаете, как сейчас все происходит, нужда в нем отпала. Стоит заброшенная коробка. Мальчишки в нее забираются. Алкаши ночуют. Сразу за этой будкой — степь. А мы подъезжаем тоже по открытому месту.

— Знаешь что, — сказал Бондарев неторопливо, используя последнюю возможность для спокойного разговора, потому что на месте встречи нервы будут напряжены у всех. — Я никогда не настраиваю себя на хороший исход. Я не говорю себе: все будет отлично, прорвемся... Я настраиваюсь на худшее. На самое худшее.

— И что?

— Каждый раз я получаю приятный сюрприз.

— Посоветуй мэру такую философию, — хмыкнул майор. — Ему надо настраиваться на то, что он мог потерять жену и детей, а жена все-таки выжила. И поэтому он должен быть счастлив. Скажи ему.

— Я не для мэра это говорю. Для тебя. Чтобы ты не слишком убивался, если что-то не заладится.

— Ну, если меня не убьют, я не буду сильно убиваться, — пошутил майор. Он достал пистолет, взвел курок и поставил на предохранитель. — Вот так.

— Нам сигналият, — обернулся водитель. — По-моему, приказывают остановиться.

Бондарев привстал и увидел впереди маленького человечка, который помахивал автоматом вверх-вниз.

— Ты прав, — сказал Бондарев водителю. — Тормози.

Машина остановилась, и майор уже собрался вылезти наружу, когда запищала рация.

Выслушав сообщение, майор повернулся к Бондареву и немного растерянно произнес:

— Ну вот. Видели ту машину, на которой уехала Селиванова. Наш патруль отправился на преследование. Что будем делать?

— А что изменилось? — пожал плечами Бондарев. — Кто его знает, сколько они будут гоняться за машиной, есть ли в этой машине Селиванова и скажет ли она, где сумка? Одни вопросы... Наше время истекло, майор. Вылезай.

Все шестеро покинули машины. С противоположной стороны тоже было шесть человек, при виде которых мэр дернулся было вперед, но был оттащен за руки. У Бондарева даже появилось желание запереть его в машине.

Бондарев чувствовал себя несколько неуютно, поскольку знал, что для него самого эта история не будет иметь никаких последствий. А вот для майора Казакова последствия могут оказаться фатальными, при том что он, Бондарев, подготовлен к таким ситуациям куда лучше, чем Казаков, и объективно его вина в гибели детей будет куда больше. Хотя какое уж там больше — меньше... Просто — вина.

Бондарев раздвинул стоявших почему-то шеренгой милиционеров и неспешно направился вперед.

Первым стоял Малыш. У него был автомат Калашникова с укороченным стволом, но все равно выглядевший непомерно большим в руках этого человечка.

Метрах в тридцати за Малышом стоял тот самый, многократно описанный Джумой, красный «Крайслер». В джипе сидел Музыкант, положив на сгиб руки «ремингтон».

Машина была развернута поперек дороги, и у переднего колеса, закрывая телом покрышку, сидел крупный мужчина лет сорока, чья белая рубашка была залита кровью, а лицо представляло нечто темное и пугающее. Светлые усы и глаза едва виднелись через засохшую кровь. Вокруг головы избитого охранника вились мухи.

У заднего колеса сидел человек, увидев которого Бондарев несколько удивился. Он думал, что больше никогда не увидит Джуму, отбывшего на поезде к себе на родину. Но Джума был здесь, он выглядел немного лучше охранника, но все равно было понятно, что парню здорово досталось.

Руки у обоих мужчин находились за спиной, очевидно связанные, хотя для охранника такие меры предосторожности были излишними. Он даже не пытался пошевелиться.

Посередине между Малышом и джипом стояла канистра с бензином. По обе стороны от нее сидели дети мэра — девочка лет двенадцати и мальчик лет десяти. Они не пошевелились, увидев подъезжающие машины и выходящего оттуда отца. И Бондарев понял почему. Правая рука девочки и левая рука мальчика были пристегнуты наручниками к ручке канистры. Бондарев наклонил голову и увидел, что от канистры к джипу ведет влажная бензиновая дорожка. Он также увидел сигарету в зубах Музыканта.

Но и это было не все. На шее каждого из детей, словно зловещее ожерелье, была подвешена ручная граната. От двух колец тянулись две веревки, прикрепленные другим концом к джипу. И дети не шевелились, словно кролики, загипнотизированные удавом.

И последнее, что отметил Бондарев, была старая будка ГАИ, стоявшая на обочине дороги.

Дверь в нее была прикрыта, за выбитым стеклом таилась темнота. Бондарев решил, что там должен быть еще один человек, иначе зачем устраивать встречу именно здесь.

Закончив обзор местности, Бондарев обернулся к милиционерам и заговорил спокойным, рассудительным голосом, будто бы все, что они видели, не выходило за рамки обыденности. Он хотел заставить их понять, что это — их работа. Не повод впадать в истерику, не причина бессильно опустить руки, а просто работа. Которую надо сделать, потому что никто другой ее не сделает.

— Их всего лишь трое, — сказал он. — Третий в будке. Их меньше, чем нас, но они хорошо подготовились. Если тот урод в джипе уронит сигарету, то канистра с бензином взорвется. Если дети хотя бы чуть шевельнутся, им поотрывает головы. Если машина тронется с места — случится то же самое. Они хорошо подготовились. Поэтому мы делаем вид, что готовы выполнить любые их условия. И нечего морщиться, и нечего хмурить брови и строить из себя крутых парней. Это не решение проблемы. Майор Казаков предложит им кое-что для обмена. Им это кое-что не понравится. Но пока они это поймут, пройдет секунда. Или две. За это время мы должны что-то сделать. То, что мне приходит в голову, — вещь простая, но, наверное, единственно возможная. Кто-то из вас, не меньше двух человек, должны броситься к детям, перерезать веревки, потом схватить детей в охапку и принести их сюда вместе с канистрой. Наручники будем снимать потом.

— А эти трое? Они будут смотреть, как мы убегаем?

— Нет, они будут стрелять вам в спины, — спокойно пояснил Бондарев. — По-моему, на вас бронежилеты? Или это противогрыжевый бандаж?

— Против пистолетов эти бронежилеты потянут, — заметил один из милиционеров. — А вот если в меня попадут из такой штуки, как у того парня, — он показал на Музыканта, — то от этого бронежилета будет столько же толку, сколько от дырявого зонта в дождливую погоду.

— А ты думал, что после того, как ты наденешь погоны, всегда будет светить солнце? Короче, трое оттаскивают детей. Остальные ведут огонь по машине и будке.

— А мне что-нибудь осталось? — поинтересовался майор, вытирая платком пот со лба и шеи.

— Самая малость. Вам придется взять сумку с так называемыми деньгами, отнести ее тем ребятам и присутствовать при том, как они ее откроют и убедятся, что их попытались надуть:

— И все?

— После того как они обнаружат обман, постарайтесь застрелить одного из них раньше, чем застрелят вас.

— Одного?

— Если вы успеете застрелить всех, мы будем вам очень признательны.

— А что с теми мужиками? — милиционер показал на Джуму и охранника. — Вы про них ничего не сказали. А если начнется перестрелка, то им достанется...

— Будем считать, что им не повезло, — сказал Бондарев. — В такой ситуации, как наша, нельзя спасти всех. И если надо кем-то пожертвовать, то я предпочитаю жертвовать этими двумя и спасти детей. Не потому, что они дети мэра. А потому, что они дети. Еще вопросы?

— Больше вопросов нет, — сказал милиционер. — Но, по-моему, эти ребята хотят что-то сказать.

— Они? — Бондарев обернулся к Малышу. — Всегда пожалуйста.

Между Малышом и Бондаревым было метров двадцать пять, и Бондарев прошел почти половину, прежде чем Малыш предупредительно покачал стволом автомата.

Бондарев остановился и поднял руки вверх, показывая, что он безоружен. На самом деле это было не совсем так. Небольшой черный предмет, прицепленный на нагрудный карман бондаревской рубашки и напоминавший внешним видом авторучку, являлся на самом деле однозарядным огнестрельным оружием. У Бондарева в его вещмешке валялось достаточно всяких игрушек такого типа, и иногда, как, например, сейчас, они оказывались кстати.

Да и без «стрелялки» Бондарев бы смог в секунду свернуть шею Малышу. Если бы не дети.

— Мы прибыли, — сказал он Малышу.

— Уже двенадцать сорок три, — возразил Малыш. — Вы опоздали.

— Это что-то меняет? Мы будем препираться из-за минут или будем решать наши дела?

— Дела, — кивнул Малыш. — У нас очень важные дела. Да и у вас тоже. Вы привезли сумку?

— Конечно.

— Покажите.

— Прежде чем мы покажем вашу вещь — снимите с детей гранаты. Это перебор.

— Нет никакого перебора, — хмуро сказал Малыш. — Вот когда у нас крадут нашу вещь, убивают при этом наших людей, а мне приходится тащиться за этой вещью черт знает куда — это перебор. Может, вы думаете, что мне все это в кайф? Воровать детей и приковывать их к канистре с бензином — я до этого не от хорошей жизни дошел.

— Обойдемся без автобиографии? — предложил Бондарев.

— Я просто хочу, чтобы вы все тут поняли. — Малыш сплюнул на асфальт и взглянул на выстроившихся за спиной Бондарева милиционеров. — Мы тут не от хорошей жизни.

— Я уже слышал.

— У меня друга вчера убили. Я забрал его из вашего вонючего морга, чтобы вы знали. Я должен вернуть эту вещь домой. Иначе будет плохо.

— Кому?

— Всем. Мне, моей жене, моим братьям. Моему хозяину. Потому что второй раз он не сможет собрать такую сумму, и товар уплывет к другим. Мой хозяин этого не потерпит и начнет войну. Погибнут двадцать или сорок человек, прежде чем все успокоится. Вот чего стоит эта сумка. Чтоб вы знали — если оставите сумку у себя, погибнут и наши люди, но погибнут и ваши дети. Нравится вам такой расклад? Возьмете грех на душу?

— А с чего вы взяли, что сумка у нас? Вы сперва гнались за другим человеком.

— Он потерял сумку. — Малыш усмехнулся. — Вот, наверное, расстроился этот шакал. Он начал всю историю и остался без сумки. Вон тот маленький милиционерчик нам рассказал. — Малыш показал на Джуму. — Мы выцепили его на вокзале, когда он уже собирался домой. Слегка надавили на него, и он рассказал все, что знал. Рассказал, что за тем шакалом мы гонимся вместе — и ты, и я. Что шакал этот потерял сумку. И что сумка в городе. Разве не так? Ты же сказал, что привез ее с собой.

— Привез, — согласился Бондарев. — Так что насчет гранат?

— Даже не проси. Я не хочу смерти детишкам, но я хочу получить назад свое. Как только это произойдет, я сам сниму с них наручники.

— Ладно. — Бондарев развел руками. — Как скажешь. Все козыри у тебя...

Он неспешно вернулся к своим и сказал майору:

— Твой выход.

Тот усмехнулся, но смех его не был искренним:

— Первый и последний.

Он подхватил синюю сумку и зашагал к Малышу. На майоре была голубая форменная рубашка с короткими рукавами, брюки и фуражка. Он шел и левой рукой беспрестанно вытирал пот с лица.

Он должен был приблизиться к Малышу почти вплотную и бросить сумку к ногам бандита. Потом — совершенно мотивированно — снять фуражку и еще раз вытереть вспотевший лоб. Однако к днищу фуражки был прикреплен маленький «браунинг» из коллекции Бондарева.

— Жарко сегодня, — жалостливым тоном произнес майор. Малыш не ответил. Он смотрел на сумку, и у майора возникло предчувствие, что маленький круглолицый человечек с автоматом в руках увидел, что это не та сумка, и в следующую секунду автоматная очередь разорвет майору внутренности.

Малыш смерил взглядом остановившегося перед ним милиционера, положил палец на спусковой крючок и сказал:

— Очень жарко.

23

Все дело было в памяти. В плохой памяти старшины Ахмедова. Не то чтобы Ахмедов страдал склерозом, нет, он прекрасно помнил все необходимые даты и цифры, касающиеся его самого и его семьи: дни рождения, годовщины свадеб, адреса, суммы долгов и так далее. Он забывал другое — оперативную информацию, которую ему сообщали перед заступлением на дежурство.

Начальство об этом догадывалось, но предпочитало делать вид, что все нормально. Тем не менее в напарники Ахмедову дали двадцатилетнего пацана, который вообще ничего не соображал по работе, зато имел прекрасную память. В обычной обстановке эти двое хорошо дополняли друг друга.

Но только не в тот день.

— В вашу сторону движется автомобиль «Дэу», — прохрипел динамик в машине. — Необходимо задержать... Утренняя ориентировка...

— Это что за утренняя ориентировка? — недовольно спросил Ахмедов, нажимая на педаль газа. — Это про поезд? Про мужика в синей майке, который там стрелял?

— Нет, это про какую-то Селиванову Наталью Ивановну, — возразил напарник. Ахмедов покосился на его розовые щечки, которые можно было брить не чаще раза в год, и хмыкнул.

— Это все-таки про мужика, — буркнул он, выворачивая руль вправо. — Про которого говорили, что он особо опасен. Сказали, что можно стрелять в него без предупреждения. Иначе он сам тебя пристрелит.

— Да? — Напарник, ни разу в жизни не стрелявший из боевого оружия в людей, заволновался.

— Он в поезде одного мужика замочил, — напомнил Ахмедов. — Или двух. Короче говоря, не зевай, когда мы его догоним...

На повороте Ахмедов увидел стоящую впереди «Дэу» и резко подал назад.

— В лоб мы на него не пойдем, — объяснил он напарнику свои действия. — Зайдем с другой стороны.

Ахмедов задом выехал к гаражам и заглушил мотор.

— Пошли! — Он выскочил из машины, расстегивая кобуру. — Тот мужик был высокий, в синей майке...

— Я помню, — торопливо отозвался напарник. Он уже не настаивал на своей версии по поводу Селивановой.

— Никому не двигаться! Руки за голову! — закричал Ахмедов, сбегая по склону вниз. — Одно движение — и я стреляю! — Его палец уже лежал на спусковом крючке пистолета.

Напарник спешил за ним, расстегивая кобуру. Его немного смутило количество людей, находившихся в рощице недалеко от «Дэу». Четверо мужиков, почему-то сгрудившихся вокруг какой-то ямы. Да еще в стороне парень с девчонкой. Ни в одной ориентировке такого перечня разыскиваемых лиц не было.

Напарник растерялся и предоставил Ахмедову, как более опытному, полную свободу действий.

Ахмедов же с удовлетворением заметил, что на одном из четверых парней надета синяя майка. Еще там было что-то насчет орла... И у этого тоже на майке был орел. И надпись «Монтана». Ахмедов направил пистолет в его сторону, готовясь при малейшем движении продырявить опасного преступника.

— Всем лечь на землю! — закричал Ахмедов. — Вы окружены!

— Он что, спятил? — тихо произнес Лысый. — Что еще за окружение?

— Я ему не отдам деньги, — нервно ухватившись за сумку, сказал Приколист.

— Я тоже. — Брежнев держал руку на «борзе».

— Мужики. — Слепой с опаской поглаживал на оружие в руках милиционеров. — У нас такая куча денег... Надо им отстегнуть по пачке — и все дела. Зачем лезть на рожон, когда все можно решить миром...

— Не дергайся! — снова крикнул Ахмедов. Он подходил все ближе и поэтому нервничал все больше.

— Я этому козлу ни копейки не дам, — прошептал Брежнев. — Они у меня сейчас уберутся отсюда, как... Они нас на пушку берут, они не будут стрелять. А у нас тут такая штука, которая раз в жизни только попадается... — И он просунул указательный палец под скобу «борза».

— Расслабься, болван! — прикрикнул Слепой. — Сейчас я все улажу, — и он поднялся на ноги, держа в руке пачку долларов.

Синяя майка с надписью «Монтана» была именно на нем. Ахмедов выстрелил, потом еще и еще, чтобы уж наверняка.

Слепой уронил деньги и повалился на землю.

— Суки! — Брежнев вскочил, поднял «борз» и нажал курок, не отпуская его до тех пор, пока магазин не опустел. Ахмедов испуганно присел и выпустил остаток обоймы, почти не целясь. Его напарник стрелял, как в тире, задерживая дыхание перед каждым выстрелом и тратя по две пули на каждую очередную цель.

А целиться ему было легко, потому что все трое — Брежнев, Лысый и Приколист — находились рядом и еще не успели разбежаться.

Потом пуля из «борза», одна из последних, ударила ахмедовскому напарнику в голень. Он вскрикнул и неловко сел, удивленно глядя на свою левую ногу, которая вдруг перестала его слушаться.

Брежнев единственный из всех остался на ногах. Он посмотрел на тело Слепого, из-под которого уже натекла целая лужа крови. На Приколита, который смотрел в небо мутными глазами. На Лысого, который лежал на земле, зажав простреленное плечо и истошно крича: «Не стреляйте! Не стреляйте! Я сдаюсь!»

Он перевел взгляд на замолкший «борз» в своей руке, и в следующую секунду ахмедовский напарник собрался с силами и нажал на курок, отправив две пули Брежневу в живот.

«Борз» выпал из ослабевших пальцев, и сам Брежнев подпиленным деревом повалился на сумку с деньгами, которую он так яростно защищал.

В наступившей относительной тишине ахмедовский напарник крикнул, перекрывая стоны Лысого:

— Товарищ старшина! Кто из них был этот... преступник! Кого мы преследовали?! Я не знал, в кого стрелять! Я стрелял во всех подряд! Вы же сказали — без предупреждения.

Он почти плакал, и старшина, поднимаясь с земли и удивляясь, как это его не зацепили в этом побоище, сказал:

— Ты лучше это... Ты лучше заткнись. Пока. Чего уж тут орать. Поздно орать-то.

Старшина побрел вверх по склону, вызвать «Скорую помощь» и подмогу. Его сопровождали причитания напарника:

— Господи, да зачем же меня в милиционеры-то понесло... Откуда я знал, что надо будет стрелять! По людям!

— А ты что думал — по кошкам? — презрительно бросил, не оборачиваясь, Ахмедов.

Они совсем забыли про пару, что сидела у дерева, чуть в стороне от ямы. Наташа обхватила голову руками и закрыла глаза. Так она сидела все время, пока длилась перестрелка. И она долго не могла поверить в то, что выстрелы стихли. Она думала, что оглохла и потому ничего не слышит.

Она убрала ладони от ушей и открыла глаза. Вокруг были деревья. Светило солнце. Где-то шумели машины. Незнакомый голос сзади жаловался на жизнь. Алик сидел рядом. Чуть впереди, на сумке и рядом с ней, лежали четыре человека. Из них только один подавал признаки жизни.

И Наташа снова закрыла глаза.

24

— Очень жарко, — сказал Малыш, держа палец на спусковом крючке автомата. — Что там у вас в сумке? Бомба?

— Это ваша сумка, — заметил майор. — Вам лучше знать, что в ней.

— Я боюсь, вы что-нибудь туда добавили. — Малыш скорбно поджал губы. — Какой-нибудь фокус. Ментовский фокус. Слишком у вас было испуганное лицо, когда вы несли сумку.

— Это не испуганное лицо, — криво усмехнулся майор. — Это сожалеющее лицо. Мне жалко отдавать такие деньги.

— Ха-ха, — сказал Малыш без тени улыбки. — Расстегните замок. Сами. Чтобы я не волновался.

— Как скажете, — майор облизал пересохшие губы. И присел.

Когда он это сделал, фуражка, отягощенная пистолетом, вдруг стала сползать на затылок, грозя упасть и обнаружить неприятный для Малыша сюрприз.

Майор похолодел, резким движением расстегнул «молнию» и быстро вскочил, успев рукой поддержать падающую фуражку.

— Держите, — сказал он и пинком пододвинул сумку к Малышу, потом снял фуражку, держа ее дном к себе. И стал вытирать пот. — Очень жарко, — снова сказал он Малышу.

Тот кивнул, оглянулся на Музыканта. Посмотрел в сторону гаишной будки.

А потом резко вскинул автомат, целясь в лицо майору. Тот едва удержался, чтобы не выстрелить прямо через фуражку.

Позже он подумал, что, возможно, так и следовало сделать. Тогда, вероятно, все сложилось бы иначе.

— В чем дело? — спросил майор, глядя в дуло автомата, чуть покачивавшееся в пяти сантиметрах от кончика его носа. — Что-то не так?

— Какого черта? — быстро и, как показалось майору, испуганно проговорил Малыш. — Зачем вы собираете сюда всех своих людей?! Хотите, чтобы дети погибли?! Мы не шутим!

— Каких еще своих людей? — не понял майор.

— Посмотрите сами!

Майор оглянулся и с удивлением увидел, что к тем двум машинам, на которых приехали он и его команда, подкатывает третья. И если первые две намеренно были сугубо гражданскими по виду, то третья имела полную милицейскую боевую раскраску: бело-синие цвета плюс включенная мигалка на крыше.

— Минуточку, — сказал майор. — Что-то случилось. Я пойду выясню.

И на глазах изумленного Малыша он взял сумку, повернулся и побежал назад. Он уже понял, что происходит. Из остановившейся милицейской машины вышли несколько людей в форме. И худенькая девушка в коротком синем платье. Она была какая-то помятая и бледноватая на вид. Потом из машины появилась синяя спортивная сумка с надписью «Мальборо».

Майор почувствовал, как сердечная боль, терзавшая его с самого утра, с момента, когда ему сообщили о появлении на площади перед ГУВД окровавленной женщины, эта боль утихает, растворяется, уходит в никуда...

По крайней мере, ему хотелось верить, что боль уходит и этот кошмар заканчивается.

Он подбежал к своим людям с радостной, широкой, какой-то детской улыбкой. Он верил, что все вот-вот кончится. Надо просто взять сумку и отнести ее Малышу.

— Вот это Селиванова, — услышал он. — Сумка была у нее. Почти у нее.

— Хорошо, — бросил на ходу майор, нахлобучил фуражку на голову, потом задумался и бросил ее в сторону. Схватил сумку и побежал назад к Малышу.

И детям, которые выглядывали из-за его спины большими испуганными глазами. За все время майор не услышал от них ни единого звука.

— Стоп, — сказал Малыш, и майор замер на месте.

— Что за фигня? — спросил Малыш, и у майора появилось нехорошее предчувствие. — Это что еще за фокусы? — Малыш ткнул стволом автомата в сторону сумки.

— Это не фокус, — проговорил майор, стараясь оставаться спокойным. — Это ваша сумка. В ней ваши деньги.

— Интересно, — сказал Малыш. — А что тогда было в сумке, которую вы хотели мне только что подсунуть? Что там было?

— Маленькая путаница у нас тут вышла. — Майор понимал, что прикидываться идиотом в подобной ситуации — не лучший выход. Но ничего другого не оставалось. — Перепутали сумки...

— Вы что?! — внезапным и страшным басом заревел Малыш. — Вы что, не поняли?! Или я непонятно написал?! Я написал — это не шутка!

На последних словах Музыкант, не меняя общего положения тела, опустил «ремингтон» и выстрелил в голову телохранителю мэровских детей.

Майор еще никогда не видел такого. В голову мужчины будто бы попал снаряд. Голова была — и ее не стало. Кровавые ошметки разлетелись по асфальту.

— Вот, — сказал Малыш, показывая назад, словно у него на затылке были глаза. — Вот вам последнее предупреждение. Это не шутки. Я убил много мужчин за свою жизнь. Я убил несколько женщин. И если понадобится, я убью этих детей.

Дочь мэра в голос зарыдала.

— Так что, — Малыш обвел всех взглядом, — не надо больше путаниц. Сумку!

Майор осторожно шагнул вперед.

— Стоп! — рявкнул Малыш.

Майор остановился. Сердце снова защемило.

— Не ты. Та девчонка. — Малыш ткнул стволом в сторону Наташи. — Пусть она поднесет сумку.

Майор отступил назад и посмотрел назад. Девушка что-то говорила, очевидно, возражала, пыталась даже сопротивляться, но ее вытолкнули к майору.

Он протянул ей сумку и сказал:

— На, неси.

Девушка покачала головой.

— Я больше к ней не притронусь. Я больше не...

Майор схватил ее за руку и надел сумку Наташе на плечо. Потом подтолкнул ее вперед.

— Иди, — сказал он. — Иди, потому что так надо.

— Я не нарочно взяла тогда сумку, — пробормотала девушка. — Так случилось, и я...

— Раз взяла, неси до конца.

Майор отошел еще на два шага назад. Наташа посмотрела перед собой и увидела маленького круглолицего казаха, того, из поезда. В руках у него был автомат. За ним на асфальте сидели двое детей, мальчик и девочка, почему-то прикованные к канистре.

Наташа посмотрела в глаза этим детям и поняла, что майор прав.

Раз взявшись — иди до конца.

Она глубоко вздохнула и сделала первый шаг. Ремень сумки резал плечо. Поклажа казалась ей

непомерно тяжелой — куда тяжелее, чем в ту ночь, когда она бежала прочь от поезда, пробираясь темными улочками к гаражу Алика.

В конце концов она преодолела это бесконечное расстояние между нею и маленьким казахом. Поставила перед ним сумку.

— Открой, — скомандовал Малыш. Она повиновалась. Наклонилась и раскрыла сумку. Взяла одну пачку денег и продемонстрировала ее казаху.

— Хорошо, — сказал тот. — Закрывай.

Наташа закрыла замок и выпрямилась. Теперь она увидела, что и Малыш тоже волнуется. Он ожесточенно жевал свои полные губы, словно это должно было помочь ему в его размышлениях.

Потом он сказал:

— Возьми сумку.

Наташа снова взялась за свое проклятие — синюю спортивную сумку, из-за которой на ее глазах уже погибли несколько человек. Она не знала, сколько смертей было до этого, она не знала, сколько их еще будет.

— А теперь я буду отходить к машине, — сказал Малыш. — А ты иди за мной. Медленно. Я делаю шаг, и ты делаешь шаг. Вплотную ко мне. Поняла?

Наташа кивнула.

— Пошли, — скомандовал он, и они двинулись этакой парой экстравагантных танцоров, один из которых привык танцевать с оружием, а другая — с багажом. Двигались они так синхронно, будто долгими часами отрабатывали этот танец.

— Мы уходим, — крикнул Малыш. — Все в порядке. Просто не хочу больше фокусов...

Шагов через двадцать, когда они поравнялись с детьми, Малыш скомандовал «Стоп» и протянул Наташе нож.

— Перережь веревки, — сказал он, не отрывая глаз от людей, стоявших у машин. И не спуская дула автомата.

— Готово. — Наташа протянула ему нож.

— Продолжаем. А вы не двигайтесь! — крикнул Малыш милиционерам. — Еще немного потерпите! Держите себя в руках!

Тем временем Музыкант отпихнул Джуму от колеса, потом проделал то же самое с трупом охранника. Когда Малыш и Наташа приблизились к джипу, Музыкант нырнул в машину и включил зажигание.

— Хорошо, — пропыхтел Малыш. — Еще один важный момент.

Он громко сказал что-то по-казахски, и из гаишной будки показался высокий мужчина в солнцезащитных очках. Он прихрамывал и тащил на плече автомат.

— Полный комплект, — удовлетворенно сказал Бондарев, наблюдая эту сцену. — Можете расслабиться, майор. Вам остается помахать ручкой.

— Я не против, — улыбнулся майор и подозвал милиционеров, чтобы те приготовились отцеплять детей от канистры, как только джип тронется.

Бондарев, майор Казаков, мэр Новоудельска и семеро милиционеров смотрели, как хромой бандит ковыляет к джипу.

И они не видели того, что происходило за их спинами.

25

Музыкант держал левую ногу на педали газа, а сам высунулся в открытую дверцу, держа «ремингтон» наготове.

Малыш жестами поторапливал Странноглазого, потом открыл заднюю дверцу и сказал Наташе:

— Поставь сумку туда.

Наташа приподняла сумку обеими руками, поставила ее на пол джиповского салона и стала толкать вглубь.

— Хорошо ставь, хорошо, — командовал Малыш. — Подальше задвинь. Так. Теперь садись в машину.

— Я с вами никуда не поеду. — Наташа сразу дернулась назад, но Малыш слегка хлопнул ее прикладом по спине.

— Садись, — повторил он. — Проедем с полкилометра и высадим тебя. Подстрахуемся, чтобы не стреляли по машине.

— Что у вас там происходит? — крикнул Бондарев и шагнул вперед. — Мы не договаривались, что девушка поедет с вами. Оставьте ее!

— Мы отъедем на безопасное расстояние и высадим ее, — ответил Малыш. — Она нам не нужна, не беспокойтесь... Мы все — женатые солидные мужчины.

— Сволочь узкоглазая! — прошипел мэр, вспомнив, что сделали с его женой эти солидные мужчины. — И что, они вот так запросто уедут?!

— Не знаю, — ответил Бондарев. — Вертолет с моими ребятами на подлете. Казахи тоже в курсе, постараются встретить их на границе. У этих ребят будет интересное путешествие...

— Хорошо бы с вертолета по ним ракетой! — мстительно сказал мэр. — Чтобы только воронка осталась!

— Хорошо бы, — согласился майор и повернулся к своим. — Пригото...

Он даже не понял, что произошло. Кто-то закричал, заревел мотор, и бело-синие «Жигули» пронеслись мимо, сбив одного из милиционеров и едва не переехав мэра. Круто вильнув возле детей — девочка испуганно завизжала, — «Жигули» врезались в бок джипа. В воздухе повис долгий пронзительный крик, потом грохнул выстрел, еще один, потом джип дернулся с места,

ударил задом «Жигули» и стал разгоняться, все быстрее и быстрее уходя в степь.

Бондарев среагировал первым. Он выхватил пистолет из кобуры и кинулся к детям. Те были целы. Бондарев схватил ручку канистры зубами, взял детей под мышки и оттащил их к милицейским машинам.

Майор, опередив остальных, уже бежал впереди, к покоренным «Жигулям». В машине никого не было. Майор обошел машину и увидел лежащего на асфальте человека. Это был Странноглазый. Правое стекло в его очках было разбито пулей, из глазницы вытекала кровь.

— В сторону, — вдруг услышал майор. В бок ему уперлось дуло автомата. Малыш с окровавленной головой отпихнул майора, запрыгнул в «Жигули» и, яростно матерясь, нажал на газ.

Машина медленно тронулась с места и поехала в степь. Почему-то майор не стал стрелять ей вслед. Это сделали другие. Милиционеры часто и много палили из пистолетов, и майор видел, как разбилось заднее стекло в «Жигулях». Но не больше. Малыш упрямо гнал машину вслед джипу.

Сзади подошел Бондарев, посмотрел на мертвого бандита. На уходящую вдаль пару машин.

— Если в «Жигулях» этот, маленький, то кто в джипе? — спросил майор. — Тот, с ружьем? Они что, переругались? Или девчонка? А кто тогда вылетел на «Жигулях» оттуда? — Майор показал пальцем назад. — Что вообще происходит?

— Кто вылетел на «Жигулях»? — Бондарев покачал головой. Он не привык оставаться в дураках, но сейчас происходило нечто подобное. — Есть такой человек. Подсказать фамилию?

— Шустров?!

— Я все думал, когда же он объявится и наложит свою руку на сумочку... Дождался.

— Так надо организовать погоню! Там голая степь впереди, они будут как на ладони... Где ваш чертов вертолет?!

— По-моему, — Бондарев прислушался, — это именно он.

Десять минут спустя майор Казаков, взобравшись на крышу заброшенного поста ГАИ, смотрел, как по желто-серой равнине, оставляя за собой шлейфы пыли, мчатся две машины — «Крайслер» впереди, «Жигули» сзади, а в акварельно-голубом небе, наполняя воздух ровным могучим гулом, за ними следует вертолет.

Майору пришла в голову глупая мысль, что все это очень красиво смотрится. Со стороны. С крыши старого поста ГАИ.

Шум моторов удалялся и стихал, и после того, как этот звук окончательно затерялся вдали, в Новоудельск снова пришли покой и тишина.

Стадия пятая:

Город Мертвых

1

Одно за другим приходили в Москву краткие донесения Бондарева, в которых сообщалось об исчезновении Шустрова, о взятых в заложники детях мэра... Потом пришло уже подписанное не Бондаревым, а каким-то другим человеком сообщение о том, что Шустров вроде бы появился, и Бондарев преследует его в степных районах...

Потом наступила информационная пауза, продолжавшаяся несколько суток.

Директор смотрел в окно и видел суету большого города — бесконечная полоса машин тянулась по проспекту в обе стороны. Директор думал совсем о другом.

В тысячах километров к югу отсюда не было машин. Один человек встречался на сотню километров. Когда наступала ночь — тьму нарушали только звезды и луна.

Степь казалась Директору невероятно пустым, невероятно бессмысленным местом. Там никто не живет, там ничто не растет.

Идеальное место для сведения счетов с жизнью. Со своей собственной и с жизнями других людей, если таковые окажутся рядом.

Директор не выдержал и набрал номер информационного подразделения, осуществляющего связь с Бондаревым.

— Есть что-нибудь для меня? — спросил он.

— Нет, пока ничего нет.

Степь казалась Директору неестественно тихим местом, где не произносится ни слова и где люди теряют дар речи.

Далеким таинственным местом, где так легко затеряться навсегда.

2

Первой мыслью Шустрова, после того как «Крайслер», будто вырвавшийся из клетки хищник, с ревом вынесся на открытое пространство степи, было: «Как все просто!»

Еще несколько часов назад он мучился сомнениями, размышляя и рассчитывая свои ходы. Достичь своего казалось настолько сложным, что однажды Шустров даже подумал о том, чтобы все бросить и податься на юг. Там он не пропадет — человек, стреляющий с двух рук в движении, умеющий резать глотки маникюрными ножницами и в одиночку сдерживать наступление роты — такой всегда заработает свою сотню баксов. И какая разница, откуда перевести матери деньги?! Можно из Новоудельска, а можно и из Стамбула.

Однако он потом в деталях вспомнил, что пришлось ему сделать ради обладания синей сумкой с надписью «Мальборо», прикинул, сколько времени ему придется трудиться по локоть в крови, чтобы восстановить утраченную сумму.

И он подумал о времени. Оно подстегивало его. Он хотел оправдаться перед матерью сейчас, не дожидаясь нового шанса.

И он решил попробовать. И ему сразу стало везти. Он подслушал разговор милиционеров, сидя возле поленницы в селивановском дворе. Мозг сразу заработал в бешеном темпе, соединяя известное в цепочку последовательных событий и восполняя пробелы между фактами.

От селивановского дома Михаил переместился к площади перед зданием городского Управления внутренних дел. Когда в начале первого две машины отъезжали к назначенному месту встречи, Шустров был непрошеным третьим в колонне. На угнанной «Ниве» он неспешно двигался тем же маршрутом, не приближаясь слишком, но и не теряя машины из виду.

Когда ему стала ясна цель этого небольшого путешествия, он свернул с дороги, бросил «Ниву» и далее пробирался ползком, пока не занял наблюдательный пункт метрах в ста от будки ГАИ.

Увидев синюю сумку в руках майора, он почувствовал участившееся сердцебиение и улыбнулся. Однако, присмотревшись, он с удивлением заметил, что это другая сумка, внешне соответствующая всем признакам настоящей — размеры, цвет, «Мальборо» белыми буквами. Однако Шустрова, прошедшего с драгоценной поклажей в обнимку около суток, было не провести.

Он недоумевал до тех пор, пока на сумасшедшей скорости к двум милицейским машинам не подскочила третья, с включенной мигалкой. Она резко затормозила, и оттуда менты вытащили какую-то девчонку, а потом... А потом появилась сумка! Настоящая!

Шустров едва не заорал от охватившего его дикого восторга. Он сжал кулаки и треснул ими по земле, уткнувшись в которую лежал, разглядывая из-за чахлах кустиков непонятные события у старого поста ГАИ.

Да, собственно, ему было наплевать на подробности происходящего. Он видел сумку и видел, как ее понесли к «Крайслеру», перед которым маячил невысокий кругленький мужичок с автоматом.

Менты словно ослепли и оглохли, уставившись в ту сторону, куда медленно уходила сумка. Михаил не собирался прощаться со своим — он уже давно считал сумку своей — имуществом.

Он подобрался к задней машине, бело-синим «Жигулям», коснулся кончиками пальцев шеи водителя и уложил его обмякшее тело на соседнее сиденье. Вынул из кобуры милиционера пистолет и взвел курок, включил зажигание и резко дал вперед. Все оказалось так просто. Он пролетел сквозь толпу растерянных милиционеров, как нож через масло. На асфальте перед ним вдруг оказались какие-то дети, он едва успел объехать их, вывернул руль влево и с металлическим хрустом втиснулся своим бортом в борт джипа.

Удерживая рулевое колесо лишь левой рукой, Михаил вскинул правую в направлении Музыканта, который истошно вопил от боли в сломанной ноге. Шустров выстрелил ему в голову, прекратив страдания несчастного. Вторая пуля швырнула наземь Странноглазого. Малыш с автоматом куда-то исчез — Шустров надеялся, что сумел сбить его машиной.

Михаил запрыгнул в джип, спихнув на пол труп Музыканта, нога которого по-прежнему была зажата между «Крайслером» и «Жигулями».

Он нажал на газ, и машина рванула с места. В зеркало заднего вида Михаил увидел бегущих милиционеров, но никто из них не стрелял, и отъезд «Крайслера» превратился в спокойное нехлопотное мероприятие.

Шустров все сильнее вдавливал педаль газа в пол, все больше становилось расстояние между ним и нерасторопными новоудельскими милиционерами. Он радостно подумал о том, как все оказалось просто.

Так продолжалось еще минуту с небольшим.

А потом уже ничто не казалось Шустрову простым.

3

Ведя машину правой рукой, он запустил левую за спинку сиденья, туда, где должна была стоять сумка.

— Пожалуйста, возьмите, — услышал он и дернулся, как от удара током. Он был в машине не один. Лежал, правда, еще Музыкант в обнимку с «ремингтоном», но он-то наверняка помалкивал.

Тонкие руки поставили сумку на сиденье. У девушки было бледное взволнованное лицо, короткая стрижка и засохшая кровь возле губ. Память неспешно отмотала назад десять минут времени, перед глазами Шустрова возникла тонкая фигурка в синем платье, выходящая из милицейской машины.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Шустров.

— Я... Я не успела выскочить, — тихо проговорила Наташа. — Когда вы...

— Что вообще делаешь в этой машине?

— Мне сказали поставить сумку внутрь. И они хотели, чтобы я отъехала с ними на полкилометра от города. А вы... Вы меня не узнаете?

— Что? — Шустров нахмурился. Что еще за старые знакомые в столь неподходящее время?! Он повернулся, оглядел девушку — напряженность во взгляде, золотая цепочка с крестиком поверх ворота платья, засохшая кровь... Почему-то Шустров все время задерживал взгляд на крови — так странно было видеть это на девушке.

— В поезде? — вспомнил он. — Это ты была в поезде?!

— Я, — кивнула Наташа. — Я случайно взяла вашу сумку... Я не хотела.

Шустров потрясенно покачал головой. Девчонка, из-за которой он влип в кучу неприятностей... Слава богу, что все они позади.

— Как это случайно?! — зло выкрикнул он. — Как такое можно сделать случайно?!

— Я перепутала в темноте. Они стояли рядом. Когда начали стрелять, я схватила вашу сумку и выскочила из поезда. А потом... Потом я хотела оставить ее себе.

— А что же не оставила? Совесть замучила?

— Не получилось. Сначала меня чуть не убили, а потом приехала милиция и забрала у меня сумку.

— Ты, наверное, расплакалась от досады?

— Нет.

— Что ж так? — Михаил иронизировал, а лицо девушки, которое он видел в зеркальце, оставалось серьезным, даже слишком.

— Меня чуть не убили из-за этой сумки, — повторила она, и Шустров рассмеялся: его раз десять чуть не убили из-за этой сумки.

— Ничего смешного нет, — сказала Наташа. — Если из-за этого убивают, то я лучше обойдусь без этого.

— Без чего? Без денег? Как ты себе это представляешь? Без этого не проживешь, подру... Черт! — Шустров посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, что смеялся он действительно зря: в степи они были не одни.

Метрах в двухстах за ними мчались сине-белые «Жигули». Пока одни. Шустров выругался и прибавил скорость. Ему расхотелось трепаться со своей случайной пассажиркой.

— А мы долго еще будем ехать? — спросила Наташа, не поняв, в чем причина резкой перемены в настроении Михаила. — Когда вы сможете меня высадить?

— Хрен его знает! Сейчас — точно не могу! Разве что вот таким макарком...

Шустров открыл правую переднюю дверцу и вытолкнул труп Музыканта, предварительно забрав у него карабин. Тело покатило по песку, и Наташа заворуженно следила за последними передвижениями того, что когда-то было человеком.

— Прыгай на ходу, — крикнул ей Шустров. — Сможешь?

— Нет!

— Тогда сиди и жди!

— Чего?

— Подходящего момента. Когда «хвост» отвалится!

— А когда он отвалится? Мне же придется возвращаться пешком...

— Значит, вернешься! — рявкнул Шустров. — Ничего с тобой не случится. Пешком она, видите ли, не хочет возвращаться... А я не хочу, чтобы мне башку снесли! Что важнее?!

Наташа промолчала, а Шустров, закончив плевать яростными словами, подумал о том, как ему было хорошо одному, пусть прячущемуся, преследуемому, но не обязанному объяснять всяким малолетним дурам элементарные вещи. В последнее время люди стали его утомлять.

А бело-синяя машина продолжала мчаться по степи, делая все возможное, чтобы сократить расстояние, но не в силах это сделать. Шустров, конечно, не мог разглядеть, кто его преследует, но он не мог не отдать должное настырности этого типа.

— Ты местная? — спросил Михаил.

— Вообще-то да...

— Что у нас впереди по курсу? Куда мы приедем, если будем гнать в этом направлении?

— В каком направлении?

Шустров махнул рукой на запад.

— Там... Там Город Мертвых.

— Что?! — Шустров едва сдержался, чтобы не вклеить девчонке пощечину. Нашла время для шуточек! — Какой еще Город Мертвых?! Поостри мне еще!

— Я серьезно. Город Мертвых — это в переводе на русский, а по-казахски он как-то по-другому называется.

— Что за Город?

— Древний казахский город. Несколько домов там всего раскопали, а называется — Город. Мы ездили с классом на экскурсию.

— Кто его раскопал?

— Кто-кто... Археологи. Лет десять назад. Каждый год сюда приезжали, а потом деньги у них кончились, так и оставили полураскопанным.

— Там никто не живет?

— А кто же там будет жить? Он же называется — Город Мертвых. Оттуда еще в древности все ушли, потому что он вроде как проклятый стал, этот город... А сейчас тем более — кто туда полезет?

— Ясно. — Шустров посмотрел в зеркальце и скрипнул зубами. «Жигули» если и отставали, то крайне медленно. — Сколько туда ехать? До Города твоего?

— Не знаю, — Наташа пожала плечами. — Часа два, два с половиной от Новоудельска. Может быть.

«Два часа на экскурсионном автобусе, — подумал Шустров. — Чуть больше часа на этой зверюге». Он уважительно похлопал ладонью по приборной доске джипа.

— Когда вы меня высадите? — снова спросила Наташа. — Если в Городе, то это слишком далеко...

— За тобой приедут, — ответил Шустров, глядя за медленным движением стрелки спидометра в правый угол прибора. — Видишь, за нами менты увязались... И мне нужно от них оторваться. Я не могу тормозить, чтобы тебя высаживать.

— А если вы от них так и не оторветесь? — Наташа обернулась и посмотрела в окно на бело-синее пятнышко вдали.

— Тогда я приторможу у Города Мертвых. И высажу тебя, — сказал Шустров. Он не пояснил только, что любое укрытие сгодится ему для того, чтобы отрубить свой «хвост» раз и навсегда. Одна сине-белая машина останется в степи или несколько — это уже частности.

— А это вы видели? — вдруг спросила Наташа.

— Что?

— Вон там, вверху...

Шустров хотел высунуть голову в окно, чтобы посмотреть, но усиливающийся характерный

звук и без того сказал ему все, что нужно.

— Сволочи, козлы, придурки! — кричат Шустров, дико трясая головой и стуча кулаками по рулевому колесу. — Гады! Ишаки летающие!

Наташа испуганно подалась назад. Она взобралась с ногами на заднее сиденье джипа и широко раскрытыми глазами смотрела, как черная точка в небе быстро увеличивается, принимая очертания вертолета.

Именно в этот момент Малыш, чувствуя, что проигрыш в гонке становится для него неминуемым, в жесте отчаяния выставил в окно автомат и выпустил длинную очередь вдогонку «Крайслеру».

4

— Может, вам помочь? — спросил майор, но в глазах его Бондарев прочел упование на то, что помощь все-таки не понадобится.

— Обойдемся, — весело сказал Бондарев и показал на садящийся в сотне метров от них вертолет. — Хватит с вас, и так устроили вам веселую жизнь...

— Это точно, — согласился майор, оглядывая площадку перед будкой ГАИ, откуда теперь нужно было убирать два мертвых тела. — Тогда счастливо!

Бондарев наскоро пожал ему руку и побежал к вертолету, двигатель которого не выключался, и лопасти вращались на малых оборотах.

— Поехали, — крикнул он, запрыгивая в люк и хватаясь за протянутую ему руку. Люк немедленно захлопнулся, мотор заревел, и машина стала медленно подниматься вверх. Бондарев кинул на пол свой вещмешок и повалился на лавку, потеряв равновесие от резкого толчка набирающего высоту вертолета.

— Вот черт, — рассмеялся он над собственной неуклюжестью и посмотрел на людей, что сидели напротив, чтобы и они улыбнулись.

На него уставились четыре совершенно незнакомых ему мужчины. Бондарев моментально принял вертикальное положение.

— Что за... — У него даже не нашлось слова, чтобы выразить охватившее его изумление. — Вы кто такие, парни?

Сидевший с краю невысокий широкоплечий мужчина, со стриженной, почти квадратной по очертанию головой, чуть приподнялся с лавки и представился:

— Старший сержант Лапин. Степногорский ОМОН.

— Что? — Лицо Бондарева исказилось в гримасе. — Какой еще степногорский ОМОН? Где мои ребята?

— Не знаю, — невозмутимо ответил Лапин. — Нас послали сюда. В ваше распоряжение. Просили передать на словах: операция «Красное солнце» свернута.

Бондарев резко откинулся головой назад, треснувшись затылком об металл, но не почувствовал боли. Вроде бы все было понятно: казахи забеспокоились суетой в приграничном

районе, поэтому МВД быстренько сыграло отбой, группы «Астра» и «Бамбук» отвели назад, а операцию официально прикрыли. Все это вполне возможно. Но где обещанная Директором помощь? Контора не была связана никакими формальностями по той простой причине, что ее не существовало ни в одном официальном документе. Поэтому волнения казахских властей не могли оказать на политику Конторы никакого влияния.

Тем не менее обещанной Директором помощи не было. Вместо этого был какой-то ОМОН. Степногорский. Бондарев сокрушенно покачал головой... Влип.

Если бы Бондарев не знал Директора так хорошо, он употребил бы другое слово. Подстава.

— Что-то не так? — поинтересовался старший сержант Лапин.

«Все не так!» — хотел ответить Бондарев, но сдержался.

— Почему вас так мало? — спросил Бондарев.

— Мало? — Лапин искренне удивился. — А чо такое-то?

Это его «чо» заставило Бондарева волноваться. Он посмотрел в иллюминатор, чтобы унять волнение и не сорваться. Все-таки партнеры.

— Нам сказали, что одного мужика надо взять, — продолжал Лапин, словно не замечая реакции Бондарева. — Так уж куда больше четверых? Да еще вы в придачу.

Бондарев снова уставился в иллюминатор. «Да еще вы в придачу». В придачу. Ох, сопляк, не знаешь ты, кто тут в придачу, а кто здесь основным...

— Зубки-то где посеял? — перевел разговор Бондарев, кивая на металлические протезы во рту старшего сержанта.

— А, это... Рынок как-то в Степногорске шерстили. С одним азером сцепились. Он мне зубы выбил, а я ему жопу прострелил, — ухмыльнулся Лапин, и трое его подчиненных засмеялись, довольные командиром.

— Рынок — это хорошо, — произнес Бондарев, стараясь выглядеть спокойным. — Значит, вы ребята опытные...

— Ну так, ёпт! — горделиво вздернул квадратный подбородок Лапин. — Все будет хоккеей! Не переживайте...

— Дай-то бог, — пробормотал Бондарев.

— Кого брать-то будем? — деловито поинтересовался омовец, сидевший рядом с Лапиным. — Кто такой?

— Так вам и этого не сказали?

— Нет, просто сказали: дуйте в аэропорт, садитесь в вертушку — и вперед!

— Понятно, — сказал Бондарев. Положение становилось все более удручающим. — Значит, такая история. Там сейчас по степи на запад идут две машины. Сначала — джип, потом «Жигули» милицейские. В джипе — интересующий нас человек. Очень опасный, хорошо подготовленный. С ним девчонка, заложница.

- То есть вот так, прямо с вертолета, по ним нельзя шарахнуть? — сообразил Лапин.
- Нельзя. Во второй машине — просто вооруженный бандит.
- То есть по нему шарахнуть можно?
- Можно, — подтвердил Бондарев, подумав про себя: «Если сможешь».
- И какие наши действия?
- Сначала даем предупредительную очередь по ходу движения. Пытаемся заставить его остановиться.
- А если он игнорирует?
- Тогда высаживаемся по ходу движения, бьем по колесам и вступаем в плотный контакт. Нормально?
- Неслабо, — пожал плечами Лапин. — Жалко, что там заложница. Проблема лишняя. А то бы врезали сейчас с бреющего полета!
- По «Жигулям» врежете.
- Это понятно. Я вообще не люблю такие истории, с заложницами, — признался Лапин. — Не развернешься. А если развернешься, то обязательно кого-нибудь из заложников зацепишь. Случайно.
- К сожалению, у нас сегодня в меню ситуация с заложниками, — холодно заметил Бондарев. — Это во-первых. Во-вторых, парень, который едет в джипе, убил за свою жизнь человек пятьдесят, не меньше. Он владеет любым огнестрельным оружием, он убьет на первой минуте рукопашного боя любого из вас.
- А вас? — поинтересовался Лапин.
- И меня. Потому что он моложе и сильнее.
- Так, значит, просто необходимо врезать по нему с лета...
- Это значит, что, когда мы остановим джип, не пытайтесь взять его в одиночку. Бейте по конечностям, а потом пеленайте его всем коллективом. Без индивидуального героизма.
- Насчет этого не беспокойтесь, — успокоил его Лапин. — В героизм мы не полезем...

Он посмотрел в иллюминатор и обрадованно заметил:

- Вроде достали мы этих гадов... Что, врезать по «Жигулям»?
- Попробуй, — пожал плечами Бондарев.
- Шеф, давай снижение! — крикнул Лапин.

5

Наташа услышала странный металлический стук, и в лицо ей брызнули осколки стекла.

Охваченная запоздалой паникой, она скатилась на пол машины, содрогаясь от мысли, что могла погибнуть. Уже второй раз за день.

Михаил подумал, что остановки в Городе Мертвых не избежать. Вертолет быстро настигнет их в открытой степи, а если этот самый Город состоит хотя бы из пяти-шести домов, то там можно засесть и перещелкать погоню, как в тире. Михаил уже обнаружил, что компания, у которой он реквизировал джип, была вооружена весьма солидно: кроме «ремингтона», в салоне нашлось еще два пистолета, пара гранат и длинный тяжелый тесак.

Шустров не удивился бы, если бы нашел в багажнике гранатомет. В его нынешнем положении все пошло бы в дело. Синяя сумка стояла рядом на сиденье, и Шустров чувствовал себя рыцарем, которому доверено охранять это бесценное сокровище. Сзади надрывались преследователи, но он их не боялся.

Снова застрекотал автомат, Шустров крутанул руль влево, потом вправо, обернулся и удивленно разинул рот: вертолет шел на бреющем полете вслед за «Жигулями», и стрельба явно доносилась сверху. А бело-синяя машина юлила, пытаясь уйти от пуль.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Шустров. — Если в машине не менты, то кто? Неужели Малыш так быстро оклемался и бросился за своим добром? Возможно. А на вертушке тогда точно менты. И пока они занимаются «Жигулями», у Шустрова есть время уйти в отрыв.

Он посмотрел на часы. Половина четвертого. А если отсидеться в Городе Мертвых до темноты? Ночью вертолет его хрен увидит, если не включить фары. А зачем фары, когда впереди степь, гладкая, как проплешина на голове шустровского тестя? Если на маленькой скорости, то запросто можно улизнуть...

Шустров погнал машину, всматриваясь вперед, выискивая Город Мертвых. А когда он его увидел, не сразу понял, что это именно то, что он искал.

— Эй ты, — позвал он девчонку. — Как тебя там?

— Наташа, — отозвалась та.

— Выгляни, это и есть твой Город Мертвых? Или это воронка после ядерного взрыва?

Наташа выбралась из своего укрытия, продолжая поеживаться в ожидании выстрела, и закутила головой, пытаясь сообразить, о чем идет речь.

— Да, — наконец произнесла она. — Это и есть Город Мертвых.

— На безрыбье и рак — рыба, — буркнул Шустров и повел машину в сторону огромной ямы, которая зияла посреди степи, как старая рана, неспособная к окончательному заживлению.

«Город Мертвых, — подумал он. — Тоже мне, название... Хотя, — он ухмыльнулся, — попробуем оправдать это названьице. Добро пожаловать, гости дорогие...»

Он обернулся. Вертолет кружил на одном месте, а вот шума мотора «Жигулей» уже не было слышно.

6

Глядя на то, как Лапин на пару с другим омовцем палят из автоматов по юркому бело-

синему «жигуленку», Бондарев вспомнил другую охоту. Совсем недавно, с месяц назад, в гости к опекаемому Бондаревым президенту прибыл важный иностранный гость, и эта парочка отправилась пострелять сайгаков с вертолета. Бондарев обеспечивал охрану визита, в том числе и во время охоты.

В отличие от омовцев, расстрелявших уже по магазину, президент палил редко, как и положено стрелять из австрийской охотничьей винтовки, которую возили за главой государства в особом стальном чехле. Правда, с меткостью у президента было слабовато, поэтому после того как охотничий азарт начинал утихать, к открытому люку подходил стрелок из местных и заваливал пару-тройку животных, чем придавал смысл всему мероприятию.

Сейчас Бондарев, которому впору было выступить в роли «местного стрелка» и показать класс стрельбы с вертолета по движущейся мишени, намеренно не спешил этого делать. Он дал возможность ребятишкам вдоволь насытить свою страсть, чтобы потом тактично дать понять Лапину и его компании, где на самом деле их место.

— Есть! — наконец выкрикнул Лапин.

Бондарев взглянул в распахнутый люк и увидел зарывшийся носом в песок автомобиль. Лапин дал еще одну длинную очередь, и в машине еле слышным хлопком взорвался бензобак. Зато дым повалил знатный, темный и густой.

— Хорошо, — сказал Бондарев. — Давайте за джипом.

— А может, подождем чуток? Вдруг вылезет из машины этот гад?

Бондарев отрицательно покачал головой.

— Мы и так много времени убили на это. — Бондарев кивнул на горящие «Жигули». — Пора заняться джипом.

К счастью, Лапин не стал вступать в пререкания. Вертолет оставил автомобиль исходить дымом на ярком солнце и на бреющем полете пошел за «Крайслером». Лапин вставил в автомат новый магазин и посматривал сквозь темные стекла очков на мелькающий внизу ландшафт. Следы джипа выделялись на песке словно отметины двух параллельно проползших гигантских змей.

— Хорошо он гонит, — оценил Лапин безумную гонку джипа по степи.

— На хорошей тачке что ж не погонять, — отозвался другой омовец.

— А это что такое? — вдруг удивленно спросил Лапин. — Что за чертовщина?

То, что они увидели, действительно могло быть сочтено за шутку нечистой силы — в степи, за сотни километров до ближайших поселений, почва вдруг начинала идти под уклон, образуя гигантскую воронку, диаметром с километр и непонятно какой глубины.

Бондарев с изумлением увидел, что из склона выступают какие-то белые, очевидно, каменные фрагменты. Чем ближе к центру котлована, тем эти фрагменты становятся больше, выбиваясь из серой массы песка и показывая свои истинные объемы. Это были примитивно сложенные жилища, изрядно потрепанные временем и природой, однако внешний вид их и сейчас не оставлял сомнений в том, что эти белые каменные уродцы некогда служили людям в качестве домов.

Бондарев прошел в кабину пилота и спросил:

— Это что еще такое? Видел это раньше?

— Видел, — равнодушно ответил пилот. — Раскопки здесь были раньше. Я, когда пацаном был, сюда рабочим устроился. Думал, золото древнее найду. Черта с два. И я не нашел, и археологи не нашли. Черепки одни. Да кости. Вот и весь улов.

— Впечатляет, — проговорил Бондарев, всматриваясь в центр котлована, где ему почудилось какое-то движение.

— Кто? — не понял пилот.

— Эта штука. Город.

— Это с высоты впечатляет. А если по земле — такая ерунда... Ничего интересного. Кстати, вон там джип стоит. Видите?

— Вижу...

Бондарев также видел, что дверцы джипа распахнуты. Куда это собрался Шустров? Прятаться в Городе, среди древних камней?

— Ты вот что, — Бондарев тронул пилота за плечо, — поднимись чуток и покружи над развалинами... Чтобы мы увидели, куда этот тип делся и что он задумал. А я пока попробую связаться с начальством...

— И долго кружиться? — недовольно спросил пилот. — У меня же баки не безразмерные. Докружимся до того, что грохнемся тут на пузо.

— Ты давай, кружись, — сказал Бондарев. — Когда топливо кончится, скажешь.

— Ха, шутите, что ли?

7

Но им все-таки пришлось садиться. И не потому, что топливо подходило к концу. Им просто не оставалось иного выхода.

Шустров был где-то в центре древнего города. Они несколько раз видели стремительно движущиеся фигуры — его и заложницы. Потом все замерло в Городе Мертвых. Бондарев понял шустровскую идею: пересидеть в развалинах до наступления темноты, а потом вырваться на джипе с выключенными фарами в какую угодно сторону, лишь бы оторваться от преследования.

Если все делать правильно и основательно, то теперь Бондарев должен был вызывать «толпу»: многочисленные милицейские или военные подразделения, чтобы те завершали операцию. Требовалось окружить раскоп по периметру и двинуться к центру, постепенно сжимая кольцо окружения. В итоге Шустров должен был быть задушен этим кольцом. Его взяли бы числом, а не умением. Поэтому даже степногорский ОМОН в нужном количестве сгодился бы. Сгодилась бы даже какая-нибудь воинская часть. Только людей в ней должно быть достаточно, чтобы каждый участник прочесывания видел своих соседей справа и слева. Чтобы в цепи не было щелей.

Имея в распоряжении такое количество вооруженных людей, приблизительно сто — сто двадцать человек, плюс вертолет для координирования действий сверху, Бондарев мог бы завершить операцию в течение сорока минут.

Однако у него было всего лишь четыре человека. Когда он попробовал связаться с Директором, ему об этом напомнили еще раз.

Во-первых, его связали не с Директором, а с каким-то местным полковником, который краем уха слышал об инструкциях из столицы и воспринимал их крайне творчески. То есть по-своему.

— У вас же есть четыре человека, — непонимающе сказал он Бондареву. — Какой еще помощи вы просите? Или у вас там банда?

— У нас один человек, который стоит банды. С ним заложница.

— Ну так что? Не сможете его взять? — В голосе полковника прозвучала пренебрежительная нотка: ох, умники из Москвы, которые все так усложняют.

— Присылка подкрепления существенно упростила бы дело. И снизила вероятность потерь.

— Потерь? Потери всегда бывают, от них никуда не денешься... И сколько вам еще нужно людей?

Бондарев понял, что просить сотню — это значит вызвать нездоровое веселье. Он сказал:

— Сорок.

— Да вы что?! — Полковник повысил голос. — Это же не война!

— Это опасный человек. Хорошо обученный.

— Я знаю. Я даже больше вам скажу — я знаю, что это ваш человек. И вот мое мнение по этому поводу — ваш человек, вы и разбирайтесь с ним.

— Вам должны были дать инструкции, — напомнил Бондарев.

— Я их получил. Там написано, к вашему сведению, что операция свернута и в своих дальнейших действиях вы можете опираться только на помощь местных властей. Я дал вам четверых людей. Не самых плохих. Большого дать не могу.

— Это вы сейчас так говорите. Если погибнет заложница и те четверо омонцовцев, что сидят со мной в вертолете, как вы запоете тогда? Если вы — местная власть, то я не могу назвать вашу помощь достаточной.

— Что, будете жаловаться? Давайте, жалуйтесь! Понаедут тут...

Бондарев отключил связь, медленно досчитал до десяти, чтобы успокоиться, и сказал пилоту:

— Приготовиться к снижению.

Он вышел к омонцовцам, хмурый, с обозначившимися на узком лице скулами.

— Будем садиться, — сказал Бондарев. Те восприняли его слова как должное. Они были уверены в своих силах. Для них что накрутить хвосты торговцам на рынке, что выловить в

Городе Мертвых натренированного убийцу — все одно, все — забава.

— Где видели движение в последний раз? — спросил Бондарев. Ему показали.

— Хорошо. — Бондарев развязал вещмешок, перепоясался кожаным офицерским ремнем, повесив на него кобуру с пистолетом. Запасные обоймы в карман. Нож в задний карман на брюках.

Омоновцы молча смотрели на его приготовления. Их руки привычно касались металла «АКМ».

— Порядок действий такой, — сказал Бондарев. — Высаживаемся и начинаем двигаться двумя группами. Мы — то есть я, Лапин и еще один человек — пробираемся в тот сектор, где вы видели Шустрова. Двое остальных двигаются к джипу. Таким образом, мы зажимаем Шустрова меж двух огней. Наша с Лапиным группа должна погнать его к джипу. Вертолет будет в воздухе, и пилот скоординирует наши действия. Когда мы погоним Шустрова, то он будет виден сверху, а сам не будет знать о нашем местонахождении. В этом наше преимущество. И еще раз — никакого индивидуального героизма. Мы сможем взять его только в том случае, если будем двигаться слаженно и совместно. Постоянно держите связь друг с другом и с вертолетом.

Лапин выслушал его, сосредоточенно завязывая защитного цвета платок на затылке.

— Я только одно скажу, — изрек он. — Если тот парень и вправду такой крутой, то когда я его засеку, так сразу вмажу по нему на поражение. С заложницей он будет или нет. Я не хочу, чтобы он из-за нее моих ребят пощелкал.

— Я понял, — кивнул Бондарев. — Похоже, что ничего другого нам не остается.

Вертолет завис в двух метрах над поверхностью, и все пятеро, один за другим, вывалились в люк, чтобы упасть на песок, перекатиться в сторону, стремительно вскочить и начать движение в сторону Города Мертвых...

Трое — вправо, двое — влево.

Было начало шестого вечера, и солнце медленно скатывалось на запад, продолжая царить над иссушенной землей и над иссушенными ненавистью людьми.

8

Все произошло очень быстро. Даже слишком. Бондарев, морщась от боли, приподнял левую руку и посмотрел на часы. Двадцать пять шестого. Недолго они пропутешествовали по Городу Мертвых, прежде чем сами стали мертвецами.

А солнце все палило, и Бондареву стало казаться, что оно насмешливо взирает на него с недостижимой высоты, как бы спрашивая: «Ну что? Допрыгался? Доигрался в свои догонялки?»

Бондареву захотелось вскинуть пистолет, из которого он не успел выпустить ни одной пули, и погасить солнце выстрелом навскидку. Если бы это что-то меняло.

Пульсация крови в разодранном левом плече становилась менее ощутимой, но сам вид окровавленного рукава наводил на безрадостные мысли. Похоже, он действительно добежался. «А что, — спросил Бондарев себя с намеренной издевкой. — Ты думал, что до самой пенсии будешь бегать, словно вокруг тебя защитное поле? Не думал? А может, ты думал, что если уж и

подстрелят тебя, то где-нибудь в людном месте, перед телекамерами, и желательно поближе к больнице с хорошим хирургическим отделением? И так не думал? Тогда нечего удивляться и сожалеть. Сиди, смотри, как пропитывается кровью повязка на ране, и пиши благодарственное письмо товарищу Шустрову за то, что не отправил пулю чуть ниже и чуть правее. Тоже, кстати, примечательная деталь — не от какого-нибудь маньяка или террориста, а от практически своего же, пусть и взбесившегося, парня схлопотать свинцовую пулю в левое плечо. Подарочек судьбы называется...»

Поначалу все было нормально. Шли, можно сказать, осторожно. Лапин то и дело норовил убежать вперед, и Бондарев страшным шепотом заставлял его притормаживать. Пилот Серега хрипел в ухо из динамика рации, что видит вторую группу, что идут вроде бы нормально...

Нормально. Проклятое слово. Всегда сначала все бывает нормально. А потом начинается черт-те что!

Бондарев бежал посередине омовцев, пригнувшись и держа палец на спусковом крючке. Стертые песком и временем камни окружали их справа и слева, под ногами скрипел песок, а в небе жужжал вертолет, описывая над котлованом широкие круги.

— Движение слева от вас, — вдруг завопил пилот. — На десять часов!

Бондарев повторил его слова для Лапина и другого омовца. Они замедлили шаг, стали внимательнее всматриваться в темные провалившиеся внутренности каменных коробок.

Потом они услышали крик. Кричала женщина, высоким, срывающимся голосом, который ударил по напряженным нервам и заставил всех троих броситься на голос. Чуть быстрее, чем следовало.

— Без спешки, без спешки! — прошипел Бондарев в спину Лапину, как будто эти слова были заклинаниями, способными вывести всех их из Города Мертвых живыми. Они выбежали к небольшой площадке между тремя полуразрушенными строениями. На камне у самого разваленного дома сидела девушка в синем платье и вытирала с лица кровь. В глазах у нее были испуг и боль.

Лапин сделал знак рукой, и второй омовец осторожно выдвинулся по правой стороне прохода между камнями, осматривая площадку вокруг девушки. Убедившись, что все чисто, он махнул Лапину и Бондареву, и те медленно приблизились.

Девушка прищурилась — солнце било ей в глаза, мешая разглядеть подходящих к ней мужчин.

— Где он? — спросил Бондарев, глядя не столько на девушку, сколько по сторонам, стараясь заметить какие-нибудь подозрительные детали.

— Не знаю. — Наташа обхватила голову руками. — Он высадил меня из машины, притащил сюда...

— А кто кричал?

— Я кричала. Он вдруг ни с того ни с сего вытащил нож и порезал меня здесь. — Порез на щеке был неглубоким, но все еще кровоточил.

— И после этого ты закричала?

— Да...

— А куда он побежал?

— Он... Он ударил меня по лицу, и я упала. Я не знаю, что с ним случилось, потому что до сих пор все было нормально...

Вот именно. Она тоже произнесла это слово. Все было нормально, пока Шустров не порезал ей лицо. Это не попытка убийства. Просто порез, от которого даже крови не слишком много. А в чем тогда смысл этого действия? «Он вдруг ни с того ни с сего...» Внезапный порез. Испуг, внезапная боль — крик. Она закричала, громко, с неподдельным ужасом. Это и нужно было Шустрову. Чтобы на ее крик прибежали. Это напомнило Бондареву африканский метод охоты на льва, когда к дереву привязывают козу, та кричит, подманивая хищника и подставляя его под пули засевших в засаде охотников.

Все так. Только догадаться Бондареву об этом следовало раньше. Мало толку в умных мыслях, если они пришли слишком поздно.

Бондарев только собрался вызвать вертолет и спросить, не видит ли пилот движения по направлению к джипу, Лапин только взял девушку за руку, чтобы отвести в безопасное место...

Словно могучий порыв ветра сбил их с ног. Уже позже, когда он затаился в своем укрытии меж камней, Бондарев подумал, что звук был каким-то странным, сдвоенным, хотя стрелять по ним мог только один Шустров. Не иначе тот палил с двух рук одновременно, из «ремингтона» и «Калашникова».

Бондарев сразу же рухнул на землю, а потом покатился под уклон, под защиту камней. Где-то на этом пути он словил пулю в плечо. Но он-то успел втянуть свое сразу ставшее непомерно длинным тело за спасительные белые обломки, а Лапин не успел. Он немыслимо медленно бежал к нагромождению камней, образовывавших нечто вроде дома без крыши и одной торцевой стены. Пули стучали ему в спину, словно градины, каждая из них замедляла шаг Лапина, а потом красное облачко повисло возле шеи омовца, и он повалился лицом в песок. Другой омовец был убит сразу. Девчонка куда-то пропала.

Или валялась мертвой в другом месте, которое не было видно Бондареву из его убежища. Он подумал, что Шустров не слишком церемонился со своей заложницей, легко подставляя ее под пули. Или считал, что больше она ему не понадобится?

Кто его знает, этого Шустрова... Бондарев вызвал вертолет.

— Серега, ты видишь движение внизу? Видишь что-нибудь?

Треск в динамике. Как всегда — в самый критический момент.

— Серега, ты слышишь?

— ...случилось, — прорвался наконец голос пилота. — Стреляли?

— Стреляли, — подтвердил Бондарев. — Ты видишь внизу движение?

— Минуту...

Это тянулось вечно.

— Да, вижу. Это кто? Это наши?

— Нет! — заорал Бондарев. — Это он! Куда он движется?

— Он... Вроде бы к джипу...

— Быстро предупреди тех ребят!

— Понял... — ответил из своего безопасного далека пилот.

Бондарев резко вскочил на ноги — плечо пронзила немилосердная жгучая боль. Он побежал вверх, по склону, мимо тел омоновцев, к джипу, надеясь не опоздать, надеясь успеть хотя бы зайти Шустрову в тыл, если ничего другого уже не останется.

Он бежал, чувствуя пушечные удары пульсирующей крови в простреленном плече. От каждого такого удара у него темнело в глазах, и дорога становилась запутанной, а подъем — слишком крутым.

Бондарев почувствовал, как подкашиваются его ноги. Последним усилием он зацепился левой рукой за камень, стараясь удержать равновесие, но боль в плече полыхнула новой ядерной вспышкой, и Бондарев сполз на песок, привалился спиной к камню и замер.

Он услышал несколько выстрелов, крик, потом наступила тишина. Все еще надеясь, хотя оснований было немного, он вызвал по радиации пилота.

— Серега... Что там?

— По-моему, — пилот говорил каким-то странным высоким голосом, — по-моему, там — всё... Наши не шевелятся около джипа. А он движется в обратном направлении. А вы? Где вы?

— Где-то здесь, — устало проговорил Бондарев. — Подстрелил меня этот орел.

— Выбирайтесь наверх, выходите в степь, я вас увижу и посажу вертолет, — торопливо предложил пилот. — Что вам там раненому делать?

— Что делать... — невесело повторил Бондарев. — Видишь ли, как только я начну вылезать на поверхность, он меня высмотрит и добьет. А то еще вертолет захватит. Ты вот что... Ты лучше давай связывайся со своим начальством и докладывай им обстановку. Пусть они решают что-нибудь. У тебя много там горячего еще?

— Да не особенно... Еще минут пятнадцать могу покружить, а потом надо возвращаться.

— Вот и возвращайся. Прямо сейчас. Пусть он подумает, что тебе здесь больше нечего делать, что все погибли. А я тут посижу.

— Вас же ранили, — продолжал беспокоиться пилот.

— Не смертельно, — утешил его Бондарев. — Давай, Серега, отваливай...

Он не увидел, как улетел вертолет — не хотел менять положения своего тела. Зато услышал, как удаляется звук работающего двигателя, и мысленно пожелал Сереге счастливо долететь.

Потом он снова посмотрел на диск солнца, в эту минуту какой-то кроваво-красный, и пробормотал:

— Ну и что ты на меня вылупилось? Радуетесь, сука? Рано радуетесь...

9

Шустров почувствовал себя просто каким-то сверхчеловеком в эти минуты, легко и стремительно перемещаясь между высоких, в человеческий рост, каменных нагромождений, с «ремингтоном» в одной руке и «Калашниковым» в другой. Он валял этих олухов, как хотел! Сначала из засады, подловив на плачущую, ничего не понимающую девчонку. Потом — в открытую, в лоб, с налета!

Увидев, как вертолет вдруг бросил кружить над котлованом и срочно рванул на юго-восток, Шустров торжествующе захохотал: у этого сдали нервы! Испугался, что и его подшибут!

Шустров в порыве победоносного безумия выпустил вслед вертолету короткую очередь и даже выждал с полминуты — не случится ли еще одного чуда и не пойдет ли машина камнем вниз. Чуда не случилось, но Шустров от этого не очень расстроился.

Главное было сделано: погоня размазана по песку. Стерта в порошок. Утоплена в собственной крови.

Можно было сваливать отсюда, не дожидаясь ночи, что он и собирался сделать. Шустров закинул автомат за спину и побежал по склону вниз, туда, где он спрятал сумку. Совсем недалеко от того места, где он полоснул по лицу эту дурочку, завопившую, как резанный поросенок. Михаил сбегал вниз, и камни вокруг него становились все выше.

Странное это было местечко. Чем глубже Михаил спускался, тем теснее смыкались развалины и тем выше, уже выше человеческого роста, они становились. «Интересно, а что тогда в центре всего этого? — подумал Шустров. — Трехметровые, что ли?»

Тут он понял, что пробежал немного дальше, чем требовалось. Он остановился и двинулся вверх, и, как только увидел небо, солнце, сразу же почувствовал себя лучше. Когда справа и слева плечи касаются каменных глыб — это не лучшим образом действует на психику.

Шустров добрался до того своеобразного перекрестка древних улиц, на котором он так удачно подловил троих преследователей. Вот два трупы — ориентир для дальнейших поисков. Почему, кстати, только два? Или третий уполз помирать в более укромное местечко? На всякий случай Михаил положил палец на спуск «ремингтона».

Сумку он оставил вот здесь, справа от перекрестка, с другой стороны остатков дома... Михаил сел на камень, внимательно поглядывая по сторонам и поворачивая ствол карабина вслед за взглядом. Левая его рука между тем скользнула назад, за камень. Он тянулся, пока пальцы не коснулись песка. Что за черт.

Спокойно. Очень спокойно. Михаил встал, обошел развалины и присел на корточки, всматриваясь в оставленные сумкой следы на песке. Четыре круглые отметины на песке от металлических нашлепок на дне сумки.

Следы есть, а сумки нет. Вот смешно. Ха-ха. Особенно если учесть, что местечко это называется Городом Мертвых, а сам Михаил только что вписал в население Города еще шесть трупаков, а вот порядка все равно нет. Личные вещи пропадают. Особенно ценные личные вещи.

Его лицо приняло обиженное выражение. Неужели опять? Опять эта девчонка? Ей мало? Она

не оценила всей его доброты? Ведь он мог выбросить ее из джипа на скорости сто пятьдесят километров в час. Собирали бы потом папа и мама любимую дочь по частям. Он мог бы ей не царапинку на щечке оставить, а горло перерезать. Нет, не перерезал.

Вот ведь зловредный гуманизм! Пожалеешь человека, а он тебе потом пакость подстроит. А с другой стороны...

Шустров подумал и улыбнулся. Даже если эта дурочка и взялась опять за свое, бежать-то ей сейчас некуда. Степь да степь кругом, путь далек лежит. Очень далек. Ключи от джипа в кармане Шустрова.

— Эй, ты! — крикнул Михаил. — Подруга в синем! Пошли, покеросиним!

Молчание. Его предложение осталось без ответа.

— Беги, девочка, беги! Если сможешь! — Он засмеялся искренне, а потом громко.

Опять молчание. Небось все ногти себе сгрызла от страха. Все трусики обмочила, спрятавшись за камушек.

— Де-воч-ка мо-я си-не-гла-за-я! — нараспев выкрикнул Михаил. — Вы-ле-зай-ка, мо-я зай-ка!

Шур-р-р! — точно мышь проскользнула справа за камнями. Шустров резко обернулся на звук, усмехнулся и нажал на спуск.

Грохот, разлетающаяся вокруг каменная пыль. И в этом шуме скрытый — или ему показалось — девичий визг. Писк. Мышиное пищание. Наверное, хочет отыскать для себя норку. Черта с два. Не пролезешь. Слишком задница здоровая. Не как у жены Михаила, правда, но все-таки. Что-то в этом духе уже намечается. Михаил успел это оценить, когда выгонял ее вниз, от джипа в камни.

Ступая на цыпочках, как балетный танцор, Михаил двинулся между камней, на этот самый писк. И не только на него. Здесь в воздухе пыль, какая-то степная вонь. И дешевые польские духи, которыми намазала себе личико и подмышки девушка Наташа, здесь очень даже хорошо чувствуются.

— Раз, два, три, четыре, пять, — прошептал Михаил. — Я иду тебя искать!

Он тигриным прыжком перескочил через камень, оказавшись в метре от Наташи. Девушка завизжала и кинулась бежать. Бежать было легче под уклон, и она побежала вниз — к центру котлована. Бежала, прижимая к груди синюю спортивную сумку, чувствуя, как платье облепило ее вспотевшую спину, чувствуя спиной взгляд Шустрова, который неторопливыми шагами следовал за ней, держа карабин наперевес.

— Как все-таки бабы по-уродски бегают, — произнес он вслух. — И она еще надеется убежать?

Его палец лежал на спусковом крючке, но Шустров не собирался стрелять. В этом не было необходимости.

10

Ноги сами несли ее вперед, все дальше и дальше, все ближе к центру раскопа, к самой глубокой точке котлована. Она не замечала, какими высокими становятся каменные глыбы

вокруг, как все труднее ей протискиваться между ними. Расцарапав локти и потревожив царапину на ноге, оставленную одной из пуль Шустрова при расстреле омовцев, она преодолела очередное препятствие — два близко стоящих дома, — бросила испуганный взгляд назад, опять увидела ствол карабина и рванулась вперед... Тут выяснилось, что бежать-то ей, в общем, и некуда. Она оказалась на дне раскопа, в круге, образованном десятком каменных сооружений разной степени сохранности. Странно, но почва здесь продолжала идти под уклон даже еще круче, чем раньше. Круг имел метров двадцать — двадцать пять в диаметре, а песчаный круговой склон закручивался в глубокую воронку, низшая точка которой была не видна от каменного периметра.

Наташа по инерции шагнула вперед, от камней, и вдруг почувствовала, что песок уходит под ногами, ссыпаясь вниз, к центру воронки. Она поняла это слишком поздно — ее левая нога уже заскользила вместе с осыпающимся песком вниз. Наташа потеряла равновесие, упала на бок и стала быстро сползать, безуспешно царапая песок ногтями свободной руки. Песок уходил сквозь пальцы, стекая сплошной серо-желтой волной вниз...

— Куда это ты собралась? — услышала она насмешливый голос Михаила. Он быстро понял, в чем дело, и протянул Наташе приклад «ремингтона». — Держи, если хочешь.

Наташа ухватилась за гладкое дерево не задумываясь. Ее падение замедлилось.

— Хочешь выбраться наверх? — поинтересовался Шустров. Он присел на корточки и откровенно забавлялся, наблюдая за распластавшейся на песке беспомощной девушкой.

— Да, — выдохнула она. Еще одна волна песка попала ей прямо в лицо, она зажмурилась, стала отплевываться, слыша смех Шустрова.

— Так ты поняла, что нехорошо брать чужое? — спросил он сквозь смех.

— Да! — крикнула Наташа.

Просто замечательно: сумка, ради которой она чего только не делала и с ней чего только не делали, сейчас эта сумка лишним грузом тянула ее вниз, режа пальцы и грозя вывихнуть руку, которая из последних сил удерживала сокровище с белыми буквами «Мальборо» на боку. Она не смогла бы объяснить, если бы спросили, что побудило ее снова схватить синюю спортивную сумку, забрать из тайника. Случайность — таков мог быть ее ответ. Совсем недавно она проклинала себя за то, что ненароком стащила сумку в вагоне, втянув себя и Алика в цепь неприятных и опасных событий. И почти сразу же — повтор, теперь уже совершенно сознательно, потому что не с чем было спутать эту сумку в центре Города Мертвых. И она сделала это.

А теперь висела, уцепившись за приклад ружья, и на одном конце весов была вся ее жизнь, Алик, мама, будущее, солнце, цветы, недочитанные «Унесенные ветром», любимый магнитофон «Панасоник», дискотека в клубе и прочая прекрасная ерунда. На другом конце — сумка.

— Слушай меня внимательно, — сказал Шустров. — Ты даешь мне сумку. А потом я тебя вытащу.

Усвоила?

— Я ее не подниму, — проговорила Наташа, задрав голову вверх, чтобы Михаил видел ее искаженное болью лицо. — Я не могу поднять сумку к вам!

Шустров пожал плечами и сказал:

— Попробуй.

И она попыталась.

11

Ощущение в правой руке было такое, что у Наташи от плеча начинается деревянное устройство с одной конструктивной особенностью — непрекращающейся болью по всей длине деревяшки.

— Молодец, — сказал Шустров, принимая из ее судорожно сжатых пальцев сумку. — Пожалуй, я тебя вытащу.

И он с силой дернул ее вверх за обе руки, едва не вырвав их из суставов. Наташа легла животом на относительно устойчивую почву у самых камней, оставив ноги на коварном песке. Она чувствовала себя полумертвой. Песок от головы до пят покрывал ее тело. Мышцы рук сжимались спазмами боли, исцарапанные ноги ощущались двумя полосками огня. Пот пропитал каждую пору ее кожи. Пот, кровь и песок. Оригинальный имидж для шестнадцатилетней девушки. Особо модный в этом сезоне.

Шустров, сверхчеловек с миллионом долларов на плече, снисходительно посмотрел на комок синей ткани, натянутый на худенькое женское тело, что валялось у него в ногах.

— Счастливо оставаться. Приятно было провести время, но... — он с сожалением прищелкнул языком. — Пора, пора...

— Подождите, — прошептала Наташа, — не оставляйте меня здесь...

— А это уже твои личные проблемы.

— Хотя бы помогите выбраться наверх...

— Наверх? А что там хорошего — наверху?

— Дом...

— Дом, — задумчиво повторил Шустров. — Ну и что?

— Мама...

Шустров молча посмотрел на девушку. Что-то изменилось в его лице. Михаил нагнулся, схватил Наташу за плечо и помог подняться.

— Иди. — Он показал на проход между камней. — Я за тобой. Извини, но тащить тебя на руках не намерен. У меня своя ноша.

Наташа кивнула. Она немного постояла у камня, отдышалась и короткими шажками побрела к выходу из крута. Шустров, с сумкой на одном плече, автоматом — на другом и с «ремингтоном» в руках, шел за ней, насвистывая «Степь да степь кругом...». Он внезапно ощутил всю прелесть того состояния, когда кругом степь да степь, а твой путь лежит далеко, и никто на этом пути тебе не помешает...

Наташу слегка пошатывало, и она касалась камня рукой, на всякий случай. Так, идучи вдоль стены, она подобралась к проходу и вошла в него.

Вошла, чтобы тут же быть отброшенной назад выстрелом в упор, обжегшим ей внутренности вроде того, как обжег желудок впервые выпитый на дне рождения Алика стакан водки. Совсем маленький стакан. Совсем маленький кусочек свинца.

Тогда почему столько боли?

Стадия шестая:

Город живых

1

Директор подъехал к кладбищу на неприметном пыльном «жигуленке» — кладбище было не из тех роскошных банкирско-бандитских некрополей, куда только на «БМВ» и проедешь. Здесь все было по-простому, в том числе и цветы у выстроившихся вдоль ограды старушек.

Директор двинулся по аллее, неуклюже помахивая цветами и смущаясь от этого. Потом он подсмотрел, как носят цветы другие и устроил букет на сгибе руки. Так выглядело попримечнее, хотя все равно не как у людей — те двигались степенно и печально, а Директор даже здесь торопился, поглядывая на часы.

Наконец он добрался до нужного участка, остановился, поправил плащ, вытер выступивший на лбу от быстрой ходьбы пот. Выдержав необходимую паузу, Директор согнулся в пояснице, положил цветы и негромко сказал:

— Помним.

Это была одна из полутора десятков могил, где нашли свой последний приют люди Конторы. Еще примерно с десятка сотрудников не имели и такого прибежища; их могилой стали огонь, вода или же неизвестность, которая была страшнее всего. Могилы эти были рассеяны по разным кладбищам. Собрать их вместе не было возможным, поскольку официально Контора не существовала и официально эти пятнадцать человек никогда не знали друг друга и не работали в одном учреждении.

Могила, перед которой сейчас стоял Директор, была последней по времени появления. Упокоившийся там человек погиб за пределами России, однако его изувеченное тело — точнее, то небольшое, что от него осталось, — все же удалось доставить домой и похоронить на подмосковном кладбище.

Так что можно было сказать, что покойному повезло. Хотя вряд ли так считал сам погибший.

2

Наташа вошла в проход между камнями — вошла, чтобы тут же быть отброшенной назад выстрелом в упор, обжегшим ей внутренности. Она едва слышно всхлипнула — шок от внезапной боли лишил ее голоса. Ткань платья стремительно пропитывалась густой темной жидкостью, которая затем смешивалась с песком. «Я тоже стану песком, — заторможенно подумала Наташа. — Я вся уйду в него и останусь здесь...»

Мальш вовсе не собирался стрелять в девушку. Он был солидный женатый человек, в чем

недавно признавался майору. Он просто очень нервничал. У него болели обожженные нога и бедро. Малыш медленно и упрямо ковылял по следу «Крайслера», держа в опущенной руке «вальтер».

Сначала он нашел сам «Крайслер» и двух незнакомых ментов возле машины. Менты были мертвые, и это настроило его на оптимистический лад.

Потом он услышал крики, выстрел из «ремингтона» и зашагал под уклон, к центру раскопа. Несмотря на свою детскую физиономию, Малыш уже миновал тридцатилетний рубеж, поэтому он плохо помнил то, что рассказывала ему бабушка Айслу про затерянный в песках Город Мертвых. Что-то безусловно скверное было связано с этим Городом, иначе бы название у него было другое.

Но сейчас не время было ворошить старушечьи рассказы. Малыш был последним из четверых воинов клана Сарыбая, и у его хозяина он оставался единственной надеждой. Он не хотел подводить своего хозяина и упрямо шел вперед и вниз.

Потом он услышал голоса — мужской и женский — за рядом камней, отделявших Последний круг от остального Города.

Малыш многого не помнил из бабушкиных рассказов, но то, что скверное в Городе связано именно с Последним кругом, — это засело в его круглой головке основательно. И он не собирался соваться туда. Он сел на песок и принялся ждать.

Малыш сидел, скрестив ноги и положив руку с пистолетом на сгиб левой руки. И он дождался. Как только в проходе показался силуэт, Малыш нажал на курок, и силуэт исчез.

Мягко вскочив на ноги, Малыш проскользнул в проход, ожидая увидеть синюю сумку где-то рядом. Вместо этого он увидел вспышку, плечо оказалось расплюснутым и разорванным, пистолет выпал из руки, и все тело Малыша стало клониться к земле.

— Ах ты, пинчер карликовый, — ласково сказал Шустров. — Какой же ты живучий. Был.

Он схватил Малыша за горло, оторвал от земли и швырнул вниз, в центр песочной воронки. Тело приземлилось беззвучно, словно песок был кислотой, мгновенно растворяющей плоть.

Шустров со вздохом посмотрел на сидящую у камня Наташу. Она держала обе ладони скрещенными на ране в боку, словно этот жест мог излечить ее.

— Понимаешь, — сказал Михаил, — теперь мне нет смысла тащить тебя наверх. Ты не выдержишь. Не дотерпишь. Будешь долго болеть, а потом ты все равно умрешь. Вот так.

— Что же делать? — отчаянно спросила Наташа. — Я же не могу тут умереть!

— Почему? — удивился Шустров. — Все могут, а ты не можешь?

Она хотела ему рассказать о том, что ей всего шестнадцать, что ей остался лишь год школы, что ее ждет нечто прекрасное впереди, что у нее есть парень, что у нее есть подруги... Это оказалось так много, что она не сумела даже начать описывать неопишемую по своим масштабам причину не умирать.

— У меня был один знакомый, — сказал Шустров. — С ним тоже случилась такая история. Единственное, что я мог для него сделать, — это чтобы он меньше страдал... Понимаешь, о чем

я?

— Понимаю, — сказал кто-то в ответ. И этот «кто-то» не был Наташей Селивановой.

3

Директор выпрямился и сделал шаг назад.

— Вот теперь совсем всё, — сказал он, глядя на могилу.

— С кем это вы разговариваете? — поинтересовался Бондарев. — Там ведь всего лишь немного пепла. И еще часы. Все, что осталось от Воробья.

— Это я сам с собой разговариваю, — обернулся Директор. — И сам себе говорю, что за Воробья мы сквитались. Акмаль свое получил. Этот долг оплачен.

— Уже три месяца как оплачен, — уточнил Бондарев и поежился: после своих азиатских походов он никак не мог привыкнуть к московской погоде. Ему было холодно, но этот дискомфорт уравнивался иным московским достоинством — здешнее неяркое солнце совсем не походило на багрового кровожадного монстра, который висел над ним в степи. Здесь, в Москве, были другие боги, и им приносили иные жертвы.

— Вы мне ничего не хотите сказать? — поинтересовался Бондарев. — Прояснить кое-какие вопросы...

— Например? — неохотно отозвался Директор, отходя от могилы Воробья.

— Какого хрена я мотался один по этим степям?! Никакой поддержки... И еще я так понимаю, в Конторе никто не в курсе этой истории. Там думают, что я все это время охранял своего любимого президента.

— Я же тебе сразу сказал, что этим подвигом ты не сможешь хвастаться...

— Это не подвиг, это... — Бондарев на миг замолчал, пытаясь найти подходящее слово. — Это хренотень какая-то. Почему меня выдернули с моей хлебной должности и отправили в какую-то глушь? Почему я там оказался один, поддержки от наших не получил, а под конец вообще стало невозможно с кем-то связаться? Почему этот парень не нужен был живым? Не то чтобы у меня было полно возможностей взять его живым...

— Вот именно, — сказал Директор. — Ты же практически завалил все дело.

— Разве?

4

Шустров стремительно отреагировал, крутанувшись на месте с одновременным сгибанием коленей и наклоном головы. Ствол «ремингтона» метнулся на голос.

И все-таки Бондарев выстрелил первым. Пуля раздробила Шустрову колено, он неловко повалился на песок и подставил правое плечо под вторую пулю. «Ремингтон» выпал из его руки. Шустров поднял глаза и увидел, что ствол пистолета смотрит ему в грудь.

— Ладно, — сказал Шустров, прижимая здоровой рукой к животу синюю сумку.

— Ты перепутал, — сказал Бондарев. — То, что ты держишь, — не пуленепробиваемый жилет.

— Кто знает... — многозначительно ответил Михаил, оценивающе взглянув на своего противника — высокого худощавого мужчину, чья рубашка на левом плече потемнела от крови. Зато пистолет в правой руке не дрожал. — Где я мог видеть твою мерзкую рожу?

— Я тоже видел где-то твою, не менее мерзкую.

— В Таджикистане? Или в Чечне?

— А какая разница?

— Действительно... — кивнул Шустров. — Теперь уже никакой разницы... Так что, тебе велели взять меня живым?

— Не угадал, — ответил ему Бондарев.

— Как так? — недоверчиво прищурился Шустров. — Такого быть не может. Надо же все выяснить, надо, чтобы я все рассказал...

— Кому это надо? Мне? Мне этого даром не надо.

Шустров смотрел по-прежнему недоверчиво.

— Я могу сделать для тебя всего лишь одну вещь, — сказал Бондарев. — Вроде той, что ты сделал для своего напарника, там, на точке. Ты же о нем говорил? Я могу облегчить твои страдания, — и губы Бондарева тронула едва заметная усмешка. — Нравится тебе такой вариант?

— Не так чтобы очень...

— А другого нет.

— Может быть... — Шустров задумчиво нахмурил брови и вдруг одной рукой от живота швырнул сумку в Бондарева. Тот легко уклонился и выстрелил. Шустров рванулся в сторону, попал на скользкий песок и неожиданно покатился под уклон, к центру воронки. Он яростно заревел, толкнулся здоровой ногой, но та ушла по самое колено в податливую серую массу песка. Шустров рванулся изо всех сил и ухватился за что-то твердое.

За Наташину ступню.

Михаил попытался подтянуться, держась за нее, но вместо этого девушка стала сама сползать в воронку, судорожно царапая ногтями почву, ища и не находя для себя опору.

Бондарев наклонился, подобрал «ремингтон» и подошел к Наташе.

— Вытаскивай меня! — прохрипел Шустров. — Вытаскивай, я тебе нужен живым, я много чего знаю...

— Сейчас, — сказал Бондарев. Он присел на корточки и опустил дуло «ремингтона» так, что оно почти прижалось к запястью шустровской руки, сомкнувшейся на ступне девушки.

Наташа закричала, грохнул выстрел, и Шустров внезапно полетел вниз, не чувствуя своей правой кисти, которая уже совершенно отдельно болталась где-то наверху, присосавшись, как

паразит, к Наташиной ноге. Девушка испуганно дернула ногой, и отстреленная кисть полетела вслед за своим хозяином.

Шустров почувствовал, что его падение становится все более стремительным, он уже не видел Бондарева и Наташи, съезжая по склону вниз, будто по ледяной горке в давние чудные дни своего детства.

Бондарев еще дважды выстрелил вслед Шустрову. Он не рисковал подходить слишком близко к краю воронки. Он держался твердой основы, в данном случае — каменных глыб, которые ощущал спиной.

Скорость падения нарастала, но Шустров все еще надеялся — он всегда надеялся на счастливый случай, и, как правило, этот случай происходил. Он запустил руку в карман, где был припасен пистолет. Он ожидал, что вот-вот достигнет дна, ударится о труп Малыша, а потом попытается выбраться наверх. Это займет время, и это будет трудно сделать с двумя пулями в теле и без одной кисти, но попробовать необходимо. Потому что другого варианта нет.

Сверху два раза грохнул знакомый звук «ремингтона», Шустрова горячей волной обожгло у основания позвоночника, он зарычал от боли, выпустив с таким трудом вырванный из кармана пистолет...

И тут обнаружилось, что расчеты Шустрова были ошибочны. В центре воронки его ждал не труп Малыша, не твердая почва, могущая стать опорой для пути наверх.

Там оказалась черная, бесконечная в своей глубине бездна, провал, в который Шустров полетел, погружаясь в волны ледящего холода, забывая, кто он и откуда, как здесь оказался и зачем жил на этом свете...

Счастливый случай миновал Шустрова лишь однажды — но этого оказалось достаточно.

5

— Ты же практически завалил все дело, — сказал Директор.

— Разве?

— Конечно. Министр хотел получить, во-первых, своего парня живым и годным к обработке. Во-вторых, деньги этих казахских наркобаронов. Ты не добыл ни одного, ни другого. Как это еще называется, кроме как провал?

— Минутку. — Изумленный Бондарев было остановился, но Директор ухватил его под руку и потащил дальше.

— Минутку! — взвился Бондарев уже на ходу. — Откуда мне было знать про пожелания какого-то там министра?! Вы мне ничего подобного не говорили! Вы, наоборот, сказали — живым Шустрова не брать!

— И это тоже правильно, — согласился Директор.

— У меня, наверное, мозги спеклись на тамошнем солнце, — пожаловался Бондарев. — Потому что я ничего не понимаю.

— А что тут понимать... — вздохнул Директор и остановился. Бондарев тоже остановился, посмотрел перед собой и понял, зачем Директор вытащил его на это кладбище.

— Так это... — сказал Бондарев и вопросительно посмотрел на Директора.

— Да, — утвердительно кивнул тот. — Последний, шестой.

— Понятно, — сказал Бондарев. Теперь Директор мог бы не говорить ни слова, и Бондарев не посмел бы лезть к нему с расспросами. Но, очевидно, Директор сейчас переживал редкий момент переизбытка эмоций, и эти эмоции следовало на кого-то излить. Бондарев стоял рядом. И излилось на него — как будто медленными каплями всеразъедающей кислоты.

— Ты ведь тогда уже работал в Конторе... — сказал Директор, и Бондарев молча кивнул.

Он уже работал в Конторе — год или около того, — когда погибла жена Директора.

О самом факте существования жены Директора и о том, что она тоже работает в Конторе, Бондарев узнал тремя месяцами раньше, во время случайного совместного обеда с Директором.

Бондарев тогда был в жизнерадостном настроении и попросил Директора разъяснить политику Конторы в вопросах любви и брака.

— Мы же не монастырь и не секта, — сказал Директор. — Тебе никто ничего не запрещает, но при этом мы исходим из того, что идиоты к нам в Контору не попадают, а стало быть, идиотских вещей ты делать не будешь. А вообще, есть два варианта. Вариант первый — ты ей врешь. Как я уже говорил, идиотов мы в Контору не берем, а стало быть, ты достаточно умен, чтобы врать своей жене или подруге всю жизнь. Это хлопотно, но реально. Я знаю пару человек, у которых это получается уже на протяжении лет пятнадцати.

— Вариант второй? — спросил тогда Бондарев.

— Второй... — Директор повернул кольцо на пальце. — Моя жена работает в этом здании. Отпадает необходимость врать, но... Появляются другие проблемы... Впрочем, это уже неважно.

Какие именно проблемы имел в виду Директор, Бондарев тогда не спросил. А позже уже не нужно было спрашивать.

Это случилось в последние дни величия Антона Крестинского, миллиардера, который хотел иметь все деньги этого мира и всю власть этого мира. В России ему было отчаянно тесно, к тому же конкуренты не горели желанием добровольно эту власть отдавать.

Так что под конец Крестинского стали посещать все более безумные мысли, а в его окружении уже давно никто не решался ему перечить. Крестинский последовательно осваивал пирамиду российской власти, побывав уже и секретарем Совета безопасности, и министром финансов, и вице-премьером. В какой-то момент прочие олигархи и кремлевские старожилы потеряли терпение и сколотили боевой альянс против неумного миллиардера. Был заготовлен убойный компромат на Крестинского (не так уж сильно расходящийся с реальностью), и через несколько дней эти бумаги должны были лечь на стол Президенту.

Крестинский узнал об этом плане гораздо раньше Президента, благо в то время МВД и отчасти ФСБ были его игрушечными зверьками. В особняке Крестинского в очередной раз запахло

помешательством — Крестинский решил одновременно ударить по всем своим врагам. И он взялся за это дело со свойственной ему целеустремленностью и энергией, не видя в этом мире ничего и никого, могущего ему помешать.

План Крестинского был настолько же глобален, насколько и безумен.

Первая его часть должна была ударить по Президенту, используя застарелый чеченский кризис. Крестинский распорядился сфабриковать якобы одобренный Президентом план массового выселения чеченцев в Сибирь. План должен был попасть в западные СМИ, а одновременно с этим пара батальонов войск МВД (которыми Крестинский вертел как хотел через полностью подконтрольного министра) должна была начать исполнение этого плана с максимальной жесткостью — и журналистские камеры как бы случайно должны были заснять сцены жуткого насилия над мирным населением.

Вторая часть плана была по альянсу олигархов и кремлевских чиновников. От их имени были проведены переговоры с бандитами, которые специализировались на заказных убийствах. Им был сделан заказ ни много ни мало на Президента Российской Федерации. Огромный аванс убедил бандитов в серьезности намерений заказчиков, и разработка операции началась. Накануне акции всю группировку должен был захватить спецназ, и бандиты немедленно бы выложили имена заказчиков.

Предугадать последствия этих двух одновременно проведенных акций было невозможно. Крестинский, видимо, надеялся, что в обстановке тотального хаоса и всеобщего недоверия он будет выглядеть героем на белом коне, который готов немедленно спасти страну и народ.

Однако события могли развернуться так, что взрывной волной этой «бомбы» Крестинского разорвало бы к чертям и его врагов, и его самого, и страну.

В Конторе тогда не имели полной информации о планах Крестинского, но даже того, что было известно, оказалось достаточно, чтобы Директор произнес:

— У сумасшедших надо отбирать такие игрушки.

В эти полные неопределенности и страха дни жена Директора и еще двое людей Конторы вышли на след — они вычислили адрес квартиры, где нанятые Крестинским политсочинители изобретали план депортации чеченцев и прочие сопутствующие документы, в том числе репортажи о будущих зверствах российских войск. Этим людям и самим иногда становилось жутко от тех текстов, которые возникали на экранах их ноутбуков, но за стальными дверями и матовыми стеклами пентхауса реальная жизнь как-то терялась и исчезала, а вот гонорары были реальны и чертовски привлекательны.

Жена Директора лично отправилась на эту операцию, потому что ситуация вырисовывалась и слишком опасной, и слишком деликатной. В любой момент могли возникнуть многосторонние переговоры ради избежания тотального кризиса. По вычисленному адресу предполагалось найти всего лишь пяток высокооплачиваемых сочинителей, поэтому силовое прикрытие у жены Директора было минимальным. И его хватило, чтобы войти внутрь, положить на пол охрану и изолировать журналистов от компьютеров, где хранились материалы.

Все вроде было сделано верно и вовремя — и это была бы победа, если бы война велась с вменяемым человеком.

Но в полдень того же дня Антон Крестинский передумал. Он решил, что затевать подобную кашу изнутри, находясь в России, — это слишком опасно. Крестинский решил сначала выехать

за границу, а уже оттуда взрывать свою «бомбу».

В половине первого он отдал приказ сворачивать обе операции. И провести тотальную зачистку.

В пентхаус к журналистам были отправлены десять спецназовцев, чтобы убрать сочинителей и их охрану, сжечь квартиру, уничтожить компьютеры и таким образом стереть с лица земли все следы проекта.

Спецназ МВД наткнулся не только на журналистов и их охрану. Боестолкновение продолжалось не больше десяти минут — четверо спецназовцев были убиты, остальные отошли, так и не выполнив поставленной задачи.

Охрана журналистов решила, что это пришли их спасать, и потому кинулась было на людей Конторы. Это было очень неверное решение. Оно стоило им жизни. Из семи журналистов двое погибло, один был тяжело ранен и позже умер в больнице. Остальные немедленно дали пресс-конференцию, где эмоционально и убедительно разоблачили Крестинского и рассказали, как были похищены и заперты в квартире; как их заставляли работать под страхом смерти...

Это было началом конца Крестинского. Вскоре он уже оказался за пределами России, и уже там, в своей южноамериканской резиденции, стал изобретать новые проекты, еще более глобальные. И более безумные.

Но жена Директора к этому времени уже была мертва.

6

— Видишь ли, — сказал Директор. — Наша организация не занимается мезтью. Тем более личной мезтью.

— Да, — согласился Бондарев.

— И когда ты ликвидировал Акмаля, это не было мезтью за Воробья. Мы убрали Акмаля, потому что он представлял угрозу для национальной безопасности.

— Да, — сказал Бондарев.

— Я знал имена всех шестерых спецназовцев еще тогда. Но я не мог приказать их убить, потому что Контора — это не моя частная лавочка. Здесь другие правила. Эти шестеро, в конце концов, просто исполняли приказ. Но с другой стороны... Это такая тяжесть — знать, кто стрелял, и оставить этих людей живыми. Быть может, кто-то бы и выдержал это, кто-то бы и смирился. И забыл. И простил. Но я не смог.

— Я бы, наверное, тоже, — сказал Бондарев.

— Мне нужен был повод. Просто повод. Чтобы эти люди попали в поле зрения Конторы. И они попадали. Теперь уже все шестеро попали. Шустров был последним, шестым.

— Понятно, — сказал Бондарев.

— Поэтому я приказал не брать его живым. Поэтому я вытащил тебя из президентского дворца. Поэтому ты действовал один и без поддержки — чтобы в Конторе не знали. Тебе я, по крайней мере, могу объяснить свои мотивы. И ты, наверное, сможешь их понять. А вот поймут ли меня

на Чердаке...

— Я думаю, они бы поняли, — предположил Бондарев.

— Кто знает? Эти шестеро... Быть может, они были не такими уж плохими людьми. Не такими уж опасными, чтобы бросаться по их следу. Этот твой Шустров...

— Шустров? С Шустровым все было правильно. Он заслуживал то, что получил.

— Да? — Директор посмотрел на Бондарева снизу вверх. — Может, и так. Ведь при Крестинском в такие подразделения отбирали особых людей, с повышенной моральной гибкостью. Чтобы могли исполнить любой приказ. Подразделения потом расформировали, а люди-то остались... — Директор вздохнул. — Люди...

7

Бондарев стоял с «ремингтоном» в руке, глядя, как исчезает где-то там, внизу, тело Шустрова, чувствуя обычную в таких ситуациях усталость и опустошенность. Он выполнил свою миссию. И на некоторое время перестал осознавать смысл своих действий, прошлых и будущих.

Наташа смотрела на свою ногу, которую еще недавно сжимали мертвые пальцы, и дрожала. Ей казалось, что на коже еще видны отпечатки от пальцев Шустрова, которые так судорожно впились ей в ногу на несколько последних секунд...

А потом она увидела сумку. Синяя спортивная сумка, брошенная Шустровым в своего противника, ударилась о камень, отлетела назад, на песок, и теперь медленно сползала по наклонной вниз.

Наташу вдруг охватило сильнейшее желание броситься к ней, преодолевая боль, преодолевая страх... Она даже протянула руку с растопыренными пальцами в том направлении. Но не больше. Словно стеклянная стена отделила ее от сумки — Наташа не видела эту стену, но она знала, что такая стена есть. И даже не стоит пытаться ее пробить.

Завороженно и в то же время с абсолютным спокойствием следила она за скольжением сумки по наклонной плоскости, все ниже, ниже...

— Ты можешь встать? — услышала она.

— Я?

— Разве здесь есть еще кто-то? — улыбнулся Бондарев. — Так что?

— Попробую... — Со второй попытки она встала. Бондарев протащил ее через проход, потом взвалил на правое плечо и медленно, трудно, но непреклонно стал выбираться наверх.

Когда они добрались до джипа, солнце садилось. Бондарев неприязненно смотрел в его сторону. Он подумал, что это, должно быть, местный жестокий бог, требующий кровавых подношений. Таковых достаточно было сегодня, поэтому солнце на некоторое время покидало небосклон. Чтобы завтра вернуться и потребовать новую кровавую дань.

Бондарев положил девушку на заднее сиденье. Наташа держала ладони на повязке, сквозь которую пробивалась боль, и думала о том, что путь домой есть самый лучший из всех путей.

«Крайслер» медленно тронулся, и вскоре Бондареву пришлось включить фары, чтобы освещать

себе путь. Солнце ушло.

— Как вас зовут? — вдруг спросила сзади Наташа.

— Бондарев, — ответил Бондарев.

— А имя?

— Просто Бондарев, — ответил он и, морщась от боли, вытянул левой рукой из кармана рацию. Надо было оповестить всех, что он возвращается.

8

Часы показывали неизменные двадцать один пятьдесят три, когда Директор вступил в один из трех подземных коридоров, что вели в Зал. Телохранитель остался позади, и Директор продолжил свой путь в одиночестве.

Сканер опознал рисунок сетчатки, Директор отстучал на панели набор из семи цифр и подождал, пока дверь неторопливо и солидно отъедет в сторону. Потом он вошел в Зал Трех — так же как входил сюда несколько десятков раз до этого. Все трое были в сборе.

— Итак, — сказал Президент. — Сегодня надо рассмотреть текущие вопросы...

Прошло около получаса, прежде чем министр внутренних дел смог задать интересующий его вопрос.

— Я вас не слишком обрадую, — сухо сказал Директор. — Объект нейтрализован, взять живым не удалось. Мне очень жаль, но на этот раз обстоятельства оказались сильнее нас.

— Н-да, — сказал министр без энтузиазма. — Действительно жаль... Хотелось бы понять, какие недостатки в воспитательной работе могли породить такие отклонения... Как вы понимаете, подобные случаи совершенно не характерны для нашей системы.

— Понимаю, — сказал Директор.

Он вспомнил, как утром пропустил через бумагоуничтожитель последнюю порцию документов по операции «Красное солнце». Потом Директор достал зажигалку, запалил верхний слой бумажных обрезков и закрыл крышку металлического контейнера. Когда утром уборщик откроет его, чтобы высыпать в мусорный бак, внутри окажется только пепел — черный, как бездонная непостижимая бездна, именуемая человеческой душой.

— Теперь — следующий вопрос... — сказал Президент.